

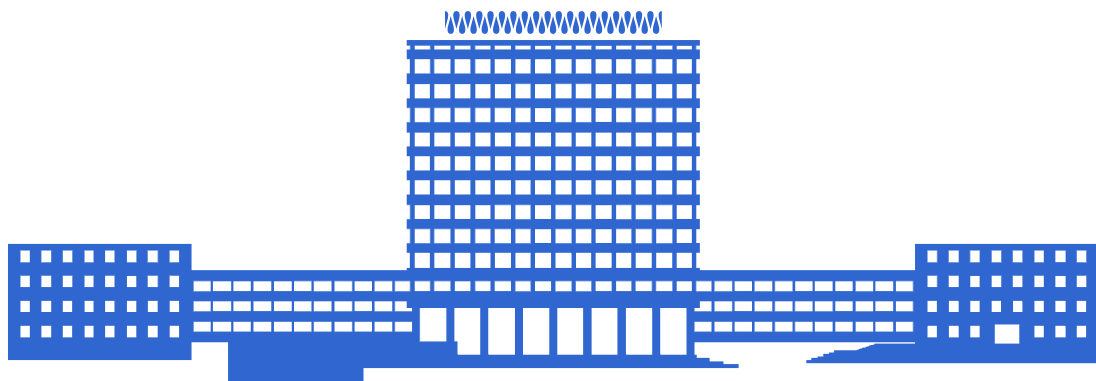
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 16 Выпуск 2 (48) 2020

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 2 (48). – 143 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 5 от 29.05.2020 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 16 Выпуск 2 (48) 2020

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2020

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 16 Issue 2 (48) 2020

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 16, Вып. 2 (48), 2020

Германские языки

- Голодов А. Г.* Использование постулатов пропаганды Третьего рейха сегодня (на материале немецкой массовой прессы)..... 5
- Осташова О. И.* Типы оценки в англоязычных художественных текстах XIX-XX вв.... 19
- Скляр Н. В.* Концепции культуры и понятие «культурный человек» в немецкой классической философии..... 28
- Федуленкова Т. Н.* От библейского прототипа до современного фразеологизма..... 39

Романские языки

- Тамразова И. Г.* Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика..... 48

Типологические и сопоставительные исследования

- Грачев М. А., Рябой Е. С.* Изменения статуса русского языка в Республике Молдова: внутренние наблюдения и со стороны..... 55
- Липанова П. К.* Репрезентация элементов каузативной ситуации в английском и русском языках..... 64
- Потрахова Д. Е.* Объем и функции заголовков статей в сопоставительном аспекте..... 76
- Тадтаева И. А.* Номинация фамилий в английском и осетинском языках..... 93

Перевод

- Ветрова Э. С., Диденко Д. Д.* Виды трансформаций при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский..... 108

Методика преподавания иностранного языка

- Мерхелевич Г. В.* Перевод с родного языка на иностранный: методологические основы процесса..... 118

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 16, Issue 2 (48), 2020

Studies in Germanic Languages

<i>Golodov A. G.</i> Usage of the Third Empire Propaganda Rules Today (Based on German Mass Media).....	5
<i>Ostashova O. I.</i> Types of Evaluation in British and American Belles-Lettres Texts of the XIX-XX Centuries.....	19
<i>Sklyar N. V.</i> Conceptions of Culture and the Notion of «Cultural Person» in German Classical Philosophy.....	28
<i>Fedulenkova T. N.</i> From Biblical Prototype to Modern Phraseological Unit.....	39

Studies in Romance Languages

<i>Tamrazova I. G.</i> Speech Personology: Eristic Tonality and Image of a Politician.....	48
--	----

Typological and Contrastive Studies

<i>Grachev M. A., Ryaboy E. S.</i> Changes in the Status of Russian in the Republic of Moldova: Internal the External Observations.....	55
<i>Lipanova P. K.</i> Representation of Elements of Causation Situation in English and Russian.....	64
<i>Potrakhova D. E.</i> Size and Functions of Article Headlines in a Contrastive Aspect.....	76
<i>Tadtaeva I. A.</i> Nomination of Surnames in English and Ossetian	93

Translation

<i>Vetrova E. S., Didenko D. D.</i> Types of Transformations in Translation of Scientific and Technical Texts from English and German into Russian.....	108
---	-----

Methods of Language Teaching

<i>Merkhelevich G. V.</i> Methodological Basics of Native-Into-Nonnative Language Translation as a Process	118
--	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112(05)

© 2020 А. Г. Голодов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСТУЛАТОВ ПРОПАГАНДЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА СЕГОДНЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ МАССОВОЙ ПРЕССЫ)

В статье анализируются основные постулаты (правила) министра пропаганды Третьего рейха, которые находят своё применение и в сегодняшней немецкой массовой прессе. Информационная война Запада против России никогда не прекращалась, а в последние годы ещё более обострилась. При этом западные СМИ совершенствуют и используют многие достижения нацистского министра пропаганды Й. Гёббельса.

Ключевые слова: информационная война, немецкая массовая пресса, методы пропаганды Третьего рейха, Боинг МН 17, Донбасс.

© 2020 A. G. Golodov

USAGE OF THE THIRD EMPIER PROPAGANDA RULES TODAY (BASED ON GERMAN MASS MEDIA)

The article analyzes the basic rules used by the minister of propaganda of the Third Empire applied nowadays by the German mass media. The information war carried out by the West against Russia has never stopped and has lately increased. The achievements of J. Goebbels, the nazy minister of propaganda, are being improved and widely used.

Key words: information war, German mass media, propaganda methods of the Third Empire, Boeing MH 17, Donbass.

*Мы добиваемся не правды,
а эффекта пропаганды*

Йозеф Гёббельс

Известно, что работа аппарата гитлеровского министра пропаганды Йозефа Гёббельса проходила под лозунгом: «Мы добиваемся не правды, а эффекта пропаганды». Ещё недавно казалось, что Третий рейх и его пропаганда канули в Лету, а «свободная демократическая пресса цивилизованного мира» априори не может применять методы пропаганды, доведённые до совершенства в гитлеровской Германии.

Но, обострившаяся в последние годы, а фактически никогда не прекращавшаяся, информационная война показывает, что учение великого пропагандиста Третьего рейха никуда не исчезло. Оно совершенствуется и использует все достижения современной науки и техники.

В исследовании работы редакторов газеты BILD, проведенном «Фондом Отто Бреннера» (Otto Brenner Stiftung) в 2011 году, говорится: «Редакторы готовят свои репортажи, исходя в большей степени не из реальных событий, а из их эффективности (*ihrer Wirksamkeit*), что не вписывается в образец (*nicht ins Muster passt*), подгоняется под него. Редакторы бесцеремонно спрашивают у потенциальных собеседников, готовы ли они выразить, смотря по обстоятельствам, желаемое мнение (*die jeweils erwünschte Meinung zu äußern*) и многие принимают участие в этой игре ...» [Ulfkotte, 2014: 123].

Особенно наглядно эту тенденцию демонстрируют печатные СМИ, в первую очередь массовые, т. е. массово-бульварные, флагманом которых в ФРГ является упомянутый выше таблоид БИЛЬД.

Нацистский министр пропаганды Йозеф Гёббельс, пожалуй, один из самых известных теоретиков информационной войны, разработал в своё время свод правил, с помощью которых добился немалых успехов на информационном фронте. Прошли десятилетия, но, как показывает современный опыт, эти правила (или постулаты) не без успеха применяют и сегодня многие ведущие западные «демократические» СМИ.

Это касается в первую очередь целеустановки Гёббельса – «овладение массами – единственная цель пропаганды».

Для достижения этой цели, по мнению ведущих СМИ Запада, все правила (постулаты) хороши. Они образуют стратегию, которая дополняется тактическими приёмами современной пропаганды. При этом несколько «правил» могут применяться комплексно, что можно проследить на примере публикаций в таблоиде БИЛЬД, посвящённых делу о сбитом над Донбассом в июле 2014 года пассажирском БОИНГе рейса МН 17.

Правило 1: «Мы обязаны говорить на языке, понятном народу, и даже на разных языках – один для столицы, другой – для провинции, один – для рабочих, другой – для служащих».

«Таблоид BILD имеет среди немецких газет самый большой тираж – около 2,5 миллионов. Круг читателей газеты BILD – это и не университетские профессора, и не подсобные рабочие, а средний потребитель (*Durchschnittskonsument*) ... В целом BILD доходит до 18% немцев, т. е. почти до каждого пятого» [Ulfkotte, 2014: 122].

«Рецепт успеха газеты BILD прост – газета день за днём вмещает все грани (*presst alle Facetten*) человеческой жизни в несколько страниц. И всё это в стиле рассказа, который как бульварный роман (*wie ein Groschenroman*), не предъявляет высоких

требований к читателю.

Профессор Бригитта Витцер считает, что Германия живёт в диктатуре глупых, в ‘идиократии’ (*dass wir in einer, Diktatur der Dummen’ leben, in einer, Idiokratie*): «Наше общество глупеет. В авангарде процесса оглупления постоянно находится газета BILD ... Конечно есть разница между BILD и другими газетами. Возьмём наши, считавшиеся ранее информационными средствами высокого уровня квалификации» (*Qualitätsmedien*) FAZ или *Süddeutsche Zeitung*, которые подготавливают информацию для многих регионов и для категории читателей с высокими требованиями. Они также ориентируются на газету BILD, когда речь идёт о списке тем для общественной дискуссии (*die Agenda der öffentlichen Diskussion*), BILD определяет список. В FAZ и *Süddeutscher* он интеллектуализируется и обогащается знаниями (*Intellektualisiert und mit Wissen angereichert*), а также расширяется ... Таким образом репортажи приобретают совсем другой уровень. Но меняется ли от этого их цель?...» [Ulfkotte, 2014: 120-121]

Здесь уместно вспомнить ещё один постулат пропагандистского «учения» Й. Гёббельса: «Чтобы у толпы не возникало сомнений, «послания» должны быть примитивными, без подробностей, на уровне односложного лозунга. Худший враг пропаганды – интеллектуализм».

Следуя этому «золотому правилу» таблоид старается не отягощать своего читателя «излишним интеллектуализмом», что и имела в виду госпожа профессор Бригитта Винцер.

«Бывший канцлер ФРГ Герхард Шрёдер как-то сказал, что для правления ему необходимы только газеты BILD, VamS и телевизор (*Bild, VamS und Glotze*). Власть над несколькими средствами массовой информации – и уже можно легко управлять человеческими массами» [Ulfkotte, 2014: 121].

Правило 2: «Ложь, сказанная сто раз, становится правдой. Мы добиваемся не правды, а эффекта правды».

За счёт многократного повторения одного и того же создаётся необходимый элитной пропаганде **стереотип**, который начинает восприниматься общественной аудиторией как абсолютная истина. Переубедить аудиторию в обратном потом крайне трудно, особенно учитывая тот факт, что этого никто особо делать и не будет.

Пример – изложение в прессе натовской бомбардировки Сербии в 1999 году. Все выдуманные истории о сербских концентрационных лагерях для косовских албанцев, расстреле мирных косоваров сербами и пр. в конце концов не подтвердились. Но робкие опровержения спустя месяцы после акции уже мало кого интересовали и практически ничего изменить не могли.

Правило 2 часто применяется в «одной обойме» с **правилом 1**: «*Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в неё верят и тем быстрее она распространяется*». В качестве примеров достаточно вспомнить публикации о «*Деле Скрипалей*» и «*Боинге МН 17*», сбитом над Донбассом.

При этом, кроме двух упомянутых постулатов министра пропаганды Третьего рейха, в каждой статье применяются также и свои дополнительные тактические приёмы пропаганды.

Эпизод со сбитым пассажирским самолётом МН 17 малазийской авиакомпании стал одним из самых значимых событий в течение военного конфликта на востоке Украины и одним из ключевых в противостоянии России и Запада. Фронтальное наступление, больше напоминающее «информационный блицкриг», началось буквально на следующий день после падения Боинга.

Несмотря на тот факт, что даже годы спустя не установлены реальные виновники катастрофы, сразу после этого события были введены многие санкции против объявленной априори виновником этой беды – России, – и резко усилилась антироссийская риторика в западных СМИ. Это вполне объяснимо – на войне (в данном случае информационной) важен факт первого удара по противнику, истина никого не интересует, так как она может не вписаться в общий план «военно-информационных» акций.

После первого удара наступление на соответствующем направлении получает своё развитие – пропагандистский вброс (в принципе ложь) повторяется многократно всевозможными «экспертами» и даже «совсем не экспертами». При этом, как и завещал Й. Гёббельс, не допускается никаких дифференциаций, т. е. запущенная пропаганда не рассматривает альтернативные варианты и не позволяет сомневаться в «абсолютной истинности» первоначального вброса.

Интересными представляются в этой связи наблюдения и выводы известного немецкого журналиста Удо Ульфкотте (Udo Ulfkotte), автора двух популярных книг о работе своих коллег.

Он в частности пишет: «... Одновременно у наших альфа-журналистов (элитных – А. Г.) наблюдается полный провал памяти. Они не могут или не хотят никаким образом сегодня вспомнить о том, как они прославляли для нас войну в Ираке и операцию в Афганистане ... («... *Zugleich haben unsere Alpha-Journalisten einen totalen Blackout. Irgendwie können oder wollen sie sich jedenfalls heute nicht mehr daran erinnern, wie sie uns den Irakkrieg oder den Afghanistaneinsatz mit glorreichen Worten schöngeschrieben haben ...*»).

Автор подчёркивает, что особенно чётко эта пропаганда войны проявилась «после

падения гражданского самолёта малазийской авиалинии рейса МН-17 в середине июля 2014 на Востоке Украины» (... *nach dem Absturz eines zivilen Flugzeuges der Malaysia Airlines (Flug МН-17) Mitte Juli 2014 im Osten der Ukraine*) ... [Ulfkotte, 2014: 11].

«А когда над Украиной потерпел крушение пассажирский самолёт, они готовы были тотчас послать наших солдат воевать против России, прежде чем было установлено, кто ответственен за катастрофу. Предотвратить кровопролитие, способствуя кровопролитию – убийственный принцип» (*Und als 2014 über der Ukraine ein Passagierflugzeug abstürzte, da wollten sie unsere Soldaten am liebsten sofort zum Kriegseinsatz gegen Russland schicken, noch bevor auch nur feststand, wer für den Absturz verantwortlich war. Blutvergießen verhindern, indem man mehr Blutvergießen fördert – ein Mörderprinzip*) [Ulfkotte, 2014: 11].

В создании этой психологической манипуляции людьми впереди всех вновь оказался таблоид BILD. Даже американские секретные службы заявили в тот день, когда BILD (и другие средства информации) обвинили ЕС в «бездействии» по отношению к России, что у них нет доказательств того, что было какое-либо «содействие» падению самолёта ...» [Ulfkotte, 2014: 21].

«Ещё не успели остатки самолёта упасть на землю, а картель по формированию мнения уже распространил «информацию» о том, что Россия ответственна за это» (*Die Wrackteile haben kaum den Boden berührt, da verbreitete ein Meinungskartell schon die ‚Nachricht‘, das Russland dafür verantwortlich sei. Bei der psychologischen Manipulation der Menschen ganz vorne dabei: Bild*) [Ulfkotte, 2014: 21].

Анализ текстов и, в первую очередь, заголовков статей, показывает, что с самого начала они были призваны назвать виновного в этой катастрофе – Россию и её президента Владимира Путина.

Несколько примеров:

1. Статья: «Виноват Путин в этих смертях. Обама обвиняет Мир, смотрит в шоке на груды обломков на Востоке Украины – и обращает свои взгляды на Москву – на НЕГО: ВЛАДИМИРА ПУТИНА! (*Ist Putin schuld an diesen Toten. Obama beschuldigt Putin. Die Welt schaut schockiert auf das Trümmerfeld in der Ost-Ukraine – und richtet die Blicke auf Moskau – auf IHN: WLADIMIR PUTIN!*) [BILD, 19.07.2014, S. 2].

Основные тезисы статьи:

Какое отношение имеет кремлёвский шеф (61) и Россия к уничтожению рейса МН 17? Ввергнет он мир в катастрофу? Для президента США, Барака Обамы, (52) бесспорно: Пассажирский самолёт (298) был сбит с территории пророссийских

сепаратистов – российскими ракетами «земля-воздух».

Здесь применён метод *дискредитирующего недоказанного утверждения* – ключевое слово абзаца **бесспорно**. Его использование свидетельствует о том, что президент США является «верховным судьёй» в любой точке мира и по отношению ко всем. Этот факт таблоидом BILD воспринимается как библейская заповедь.

Особо выделен антропоним **WLADIMIR PUTIN!**, который напечатан крупным жирным шрифтом и расположен посередине строки.

– Ввергнет он мир в катастрофу? (*Reißt er die Welt in eine Katastrophe?*). Это второе недоказуемое дискредитирующее предположение вытекает из *дискредитирующего недоказанного утверждения*: «Пассажирский самолёт (298) был сбит с территории пророссийских сепаратистов – российскими ракетами «земля-воздух».

2. Статья: «Когда мир наконец остановит Путина? Смертоносная ракета прибыла из России. Путин управляет сепаратистами. Меркель, Камерон и Олланд: «Весь мир разгневан»» (*Wann stoppt die Welt endlich Putin? Die Todes-Rakete kam aus Russland. So Putin steuert die Separatisten. Merkel, Cameron und Hollande: «Die ganze Welt ist aufgebracht»*) [BILD, 21.07.2014, S. 1]

Основные тезисы статьи:

Ракету для нападения террористы получили из России. «Так Путин управляет бандой убийц на Украине. Это война лжи, обмана и жестокого насилия по отношению к невинным ...».

Всё ещё не полностью ясно, кто сбил над Украиной (298 погибших) МН 17. Всё отчётливее видны следы, которые от повстанцев ведут к Москве В ИМПЕРИЮ ВЛАДИМИРА ПУТИНА!

«Оттуда мятежников вооружают, обучают и финансируют», – говорят эксперты. Министр иностранных дел США Джон Кэрри (70) вчера чётко обозначил свою позицию: «Довольно очевидно, что эта система попала в руки сепаратистов из России».

Американские расследователи уверены: «Батарея противовоздушной обороны БУК была тайно доставлена в ночь на пятницу, была вновь возвращена в Россию. Одной ракеты не было ...

Факт: Мятежники имеют тесный контакт с Москвой!

Важнейший посредник: Игорь Гиркин (43), которого называют «Стрелков». Русский паспорт, в качестве офицера российской армии воевал в Чечне ... – он военная глава террористов – и вероятно ответственный за уничтожение МН 17!» (*Terroristen hatten die*

Rakete für den Anschlag aus Russland. «So steuert Putin die Mörderbande in der Ukraine. Es ist ein Krieg der Lügen, der Täuschung – und der brutalen Gewalt gegen Unschuldige ...»»).

Noch immer ist nicht genau klar, wer MH 17 über der Ukraine abgeschossen hat (298 Tote). Aber immer mehr Indizien deuten darauf hin, dass pro-russische Separatisten die Rakete abgeschossen haben.

Immer deutlicher werden die Spuren, die von den Aufständischen in Richtung Moskau weisen.
INS REICH WLADIMIR PUTINS!

Von dort werden die Rebellen ausgerüstet, ausgebildet – und finanziert, sagen Experten! ...

US-Außenminister John Kerry (70) stellte gestern klar: MH 17 wurde mit einer Rakete abgeschossen, die die Rebellen aus Russland bekommen hatten. Kerry zu CNN: «Es ist ziemlich offensichtlich, dass dieses System von Russland in die Hände der Separatisten gelangte».

US-Ermittler sind sicher: Eine BUK-Flugabwehr-Batterie wurde heimlich in die Ukraine gebracht – und in der Nacht zu Freitag wieder zurück nach Russland geschafft. Eine Rakete fehlte ...

Tatsache ist: Die Rebellen haben enge Kontakte nach Moskau!

Wichtigster Mittelsmann: Igor Iwanowitsch Girkin (43), genannt «Strelkow». Russischer Pass, als Offizier der russischen Armee in Tschetschenien im Einsatz ... – er ist der militärische Kopf der Terroristen – und vermutlich verantwortlich für den Abschuss von MH 17!»»).

В данной статье также наблюдаем применение стратегии «бесконечного повтора вброса (неподтверждённого квазифакта), который дополняется другими тактическими приёмами:

1) *агрессивным, провоцирующим призывом (подстрекательством): «Когда мир наконец остановит Путина? (Wann stoppt die Welt endlich Putin?»);*

2) *дискредитирующие недоказанные утверждения:*

– *Смертоносная ракета прибыла из России (Die Todes-Rakete kam aus Russland);*

Здесь предлагается набор лозунгов, в которых прямо указывается виновный. Это может быть как руководитель государства, так и само государство. Титульная страница выдержана в лучших традициях тоталитарной пропаганды министра Третьего рейха, когда виновный определяется мгновенно, не дожидаясь результатов расследования и приведения конкретных доказательств. Свои и те, кого решили включить в «разряд своих», всегда правы. Соответственно противная сторона априори виновна всегда и во всём.

3) *абсолютизация мнения американского куратора:*

– *«Министр иностранных дел США Джон Кэрри (70) вчера чётко обозначил свою позицию: «Довольно очевидно, что эта система попала в руки сепаратистов из России» (US-Außenminister John Kerry (70) stellte gestern klar: MH 17 wurde mit einer Rakete abgeschossen, die die Rebellen aus Russland bekommen hatten);*

– «Ракету для нападения террористы получили из России» (*Terroristen hatten die Rakete für den Anschlag aus Russland*).

При этом авторы издания не обращают внимание на явные противоречия в изложении событий в рамках данной статьи:

Утверждение 1: Всё ещё не полностью ясно, кто сбил над Украиной (298 погибших) МН 17. Всё отчётливее видны следы, которые от повстанцев ведут к Москве (*Noch immer ist nicht genau klar, wer MH 17 über der Ukraine abgeschossen hat Aber immer mehr Indizien deuten darauf hin, das pro-russische Separatisten die Rakete abgeschossen haben*).

Утверждение 2: Министр иностранных дел США Джон Кэрри (70) вчера чётко обозначил свою позицию ...: «**Довольно очевидно**, что эта система попала в руки сепаратистов из России» (*US-Außenminister John Kerry (70) stellte gestern klar ... «Es ist ziemlich offensichtlich, dass dieses System von Russland in die Hände der Separatisten gelangte»*).

Возникает вопрос: Как совмещаются в одном абзаце два словосочетания с противоположным значением?»:

а) **всё ещё не полностью ясно**, кто сбил над Украиной (298 погибших) МН 17;

б) **довольно очевидно**, что эта система попала в руки сепаратистов из России, которые с её помощью и сббили самолёт.

Титулы других многочисленных статей по этой проблеме выдержаны абсолютно в таком же духе:

«ОБОРОНЯЙТЕСЬ НАКОНЕЦ-ТО ОТ ПУТИНА! Путин не уважает человеческую жизнь! Он помогает скрыть преступление, которое потрясает мир» (*Wehrt Euch endlich gegen Putin! Putin achtet Menschenleben nicht. Er hilft, ein Verbrechen zu vertuschen, das die Welt erschüttert*) [BILD, 21.07.2014, S. 2].

Статья: «Заберите у Путина ЧМ» (*NEHMT Putin die WM weg!*) [BILD, 24.07.2014, S. 2] опубликована на одной странице вместе с другой: **«Политики хотят забрать чемпионат мира 2018 в Германию»** (*Politiker wollen WM 2008 nach Deutschland holen*).

В данной статье приводится мнение эксперта по внешней политике партии ХДС Карла Георга Вельмана (*CDU-Experte Karl-Georg Wellmann*): «Нельзя отдавать чемпионат мира в страну, которая превращает другие государства в арену сражений. Германия как действующий чемпион мира была бы естественно подходящим альтернативным местом проведения, лучше всего в связке с Польшей и Украиной, у которых также есть современные футбольные стадионы» (*Man kann die Fußball-WM an kein Land vergeben, das andere Staaten mit Krieg überzieht. Deutschland wäre als amtierender Weltmeister natürlich als*

alternativer Austragungsort geeignet, am besten mit Verbund mit Polen und der Ukraine, die haben ebenfalls moderne Fußballstadien).

Современный стадион в Донецке, который многократно подвергался обстрелам, и регулярно марширующие по Киеву с факелами и автоматами нацисты немецкому политику естественно не помеха. Как не было помехой для «цивилизованного западного сообщества» проведение в 1936 году в нацистской Германии Олимпийских игр.

Возможно, что тот немецкий опыт пригодился бы политику из ХДС и многим его коллегам при предлагаемом переносе части чемпионата на территорию современных киевских «евро-нацистов».

Здесь на первый план выходит такая черта немецкой ментальности как прагматизм: с одной стороны речь ведётся о «европейских ценностях» и «международном праве», с другой – явно прослеживается желание на всём этом ещё и заработать, забрав к себе ЧМ. А при наличии в ФРГ уже готовой инфраструктуры (стадионы, аэропорты, автобаны и т. д.), прибыль от такого варианта была бы крайне высокой.

Интенсивность освещения темы «Боинга» в таблоиде после 2014 года заметно уменьшилась. Появлялись лишь отдельные небольшие публикации, тон которых, однако, абсолютно не изменился.

В статье: «Подозрительный металл на месте падения МН 17» (*Verdächtiges Metall an der Absturzstelle MH 17*), опубликованной в 2016 году [BILD, 21.03.2016, S. 2], читаем: «Голландский репортёр канала RTL нашёл куски металла, которые могут доказать, что пассажирский самолёт рейса МН 17 над Востоком Украины был сбит ракетой российского производства».

Классический образец западной пропагандистской журналистики: **какой-то** голландский репортёр нашёл (**где-то?**) куски металла (**какие-то**), которые **могут** (а, может быть, и не могут) доказать, что самолёт был сбит ракетой российского производства (а на каком основании?).

Доказательная база, как и во всех других случаях западных вбросов, практически равна нулю. Но это уже стало в последние годы нормой в работе «свободной евроатлантической прессы», т.е. работает постулат министра пропаганды Третьего рейха: *«Ложь, сказанная сто раз, становится правдой. Мы добиваемся не правды, а эффекта правды».*

Как уже было упомянуто ранее, фронтальные атаки в последние два года стали довольно редки, что можно объяснить отсутствием конкретной доказательной базы, а повторять бесконечно набившие оскомину пустые фразы, типа «не вызывает сомнения, что в этом виновны сепаратисты и поддерживающая их Россия» постепенно теряет смысл,

поскольку это уже не вызывает большого интереса у читателей.

Предыдущая статья вышла в марте, а уже в конце сентября того же 2016 года в таблоиде появляется заметка: **«Русская ракета сбила МН 17»** (*«Russische Rakete schoss MN 17 ab»*) [BILD, 29.09.2016, S. 2] с очередным, так называемым «конкретным» разоблачением, где говорится следующее: «Теперь это официально: Российская ракета «Земля-воздух», выпущенная с территории пророссийских сепаратистов, оборвала жизни 298 человек ... Зенитная установка типа «Бук» по утверждению расследования прибыла из России и была сразу после того, как сбила самолёт, переправлена обратно через границу. Кремль раскритиковал доклад как «политически мотивированный». Зато представитель федерального правительства назвал результаты «заслуживающими доверия».

Нельзя считать случайностью тот факт, что эта статья опубликована рядом с другой под названием **«Наглая ложь Путина. Сирийская война»** (*Putins dreiste Lügen. Syrien-Krieg*), в которой БИЛЬД озаботился фактом жертв среди гражданского населения, и особенно детей, во время российской операции в Алеппо. При этом утверждается, что «Все авторитетные правозащитные организации, такие как «Организация по наблюдению за соблюдением прав человека», «Международная амнистия», «Врачи без границ» и пр. обвиняют Россию в целенаправленном разрушении клиник в Сирии. Только в июле 2016 подверглись бомбардировке 43 медицинских учреждения».

25 мая 2018 года в таблоиде была опубликована статья под названием **«Теперь официально подтверждено. Хозяин чемпионата мира Россия сбила с неба 298 человек»**.

Она появилась ещё до того, как российская сторона направила ответ на голландский запрос по номеру ракеты, сбившей МН 17. Но это никого на Западе особо не интересует.

Бросается в глаза назойливое повторение фразы: **ТЕПЕРЬ ОФИЦИАЛЬНО ПОДТВЕРЖДЕНО**. Создаётся впечатление, что авторы пытаются постоянно убеждать не только читателя, но и самих себя в том, что данный факт не может подвергаться сомнению.

Интересно отметить, что эта фраза неоднократно звучала и в утверждениях по ДЕЛУ СКРИПАЛЕЙ, а до этого – ЛИТВИНЕНКО. А недавно она была употреблена в вечернем выпуске канала ЦДФ (ZDF), где британская сторона опять-таки *официально утверждала*, что участие российский «суперагентов» Петрова и Баширова в отравлении Скрипалей является доказанным фактом.

В июле 2018 года тема БОИНГА появилась в тесной связке с чемпионатом мира по футболу в России: **«Возмущение встречей Путина. Родственники жертв сбитого МН 17:**

‘Ван Бастен – плохой голландец’» («*Empörung über Putin-Treffen, Hinterbliebene der Abschuss-Püfer MH 17: ‘Van Basten ist ein schlechter Holländer’*») [BILD, 9.07.2018, S. 11].

Речь в ней идёт о том, что восемь звёзд чемпионатов мира различных лет приняли приглашение Путина посетить Кремль перед чемпионатом в России. На встрече была сделана групповая фотография, которая, по словам таблоида, вызвала возмущение, особенно в Голландии (*Das «nette» Gruppenfoto mit Putin sorgt für Empörung. Besonders in den Niederlanden*). Комментируя фото, БИЛЬД употребил в кавычках определение «nett» (милое, приятное), что было призвано придать словосочетанию негативно-издевательский оттенок.

Далее в статье утверждается (в «сотый раз», как этого и требовал в своё время господин Й. Гёббельс), что рейс МН 17 был сбит русской ракетой, а среди 298 погибших пассажиров было 192 голландца (*Am 17.Juli 2014 war Passagierflug MH 17 von Amsterdam nach Kuala Lumpur über der Ukraine abgeschossen worden – von einer russischen Rakete. 298 Passagiere kamen ums Leben, darunter 192 Holländer*).

Особо интенсивной атаке подвергся в статье бывший игрок сборной Голландии Марко ван Бастен, которого назвали «плохим голландцем» (... *jetzt ist er ein schlechter Holländer*), посмевающим принять участие в этой встрече. Главное обвинение, предъявляемое Марко ван Бастену – «он «забыл спросить Путина, когда тот возьмёт на себя ответственность за массовое убийство рейса МН 17, хотя имел такую возможность». (*Er hat – obwohl er die Möglichkeit hatte – vergessen zu fragen, wann Putin die Verantwortung für den Massenmord bei MH 17 übernehmen wird ...*).

Далее опять в полном соответствии с постулатами пропагандиста Третьего рейха (воздействовать на чувства и лишь в самой малой степени апеллировать к мозгу) следует «напоминание»: «... Путин убил женщин, мужей, детей и других людей, которые были поклонниками Вашей сборной. Скажите господину Путину, что он должен взять на себя ответственность за МН 17» (*Falls Sie sich nicht erinnern, Herrn van Basten: Putin tötete Frauen, Ehemänner, Kinder und andere Menschen, die Fans Ihrer Nationalmannschaft waren. Sagen Sie Herrn Putin, er soll die Verantwortung für MH 17 übernehmen*).

Примитивизм «аргументации» просто режет глаза – *должен отвечать, потому что мы решили, что он виноват*. Как и в далёкие тридцатые-сороковые годы прошлого века ставка делается на примитивное восприятие любого пропагандистского вброса как факта, который априори не может подвергаться никаким сомнениям.

К этому стоит относиться достаточно серьёзно, поскольку пример Третьего рейха показал, что подобные методы, применённые министром Й. Гёббельсом, оказались весьма успешными.

В конце анализа уместно процитировать некоторые пассажи из статьи «*Позор для Европы*» (Schande für Europa) [BILD, 26.06.2019, S. 2], которая появилась в таблоиде в 2019 году и стала реакцией на возвращение России права голоса в ПАСЕ:

– **Вчера был хороший день для Владимира Путина**, который ведёт войну в Сирии, на Украине и как-то ещё между делом пытается ослабить европейские государства с помощью операций спецслужб (*Gestern war ein guter Tag für Wladimir Putin, der Krieg führt in Syrien, der Ukraine und beinahe nebenbei noch versucht, europäische Staaten mit Geheimdienstoperationen zu schwächen*).

Далее читаем: «**Фатальным является не только решение, но и само время его принятия. Всего лишь несколько дней тому назад международные следователи назвали имена мужчин, которые, должно быть, несут ответственность за сбитый пассажирский самолёт МН 17 с 298 погибшими. Это трое русских и один украинец ...**» (*Fatal ist nicht nur die Entscheidung; sondern auch der Zeitpunkt. Nur Tage zuvor nannten internationale Ermittler die Namen der Männer, die für den Abschuss des Passagierflugzeugs МН 17 mit 298 Toten verantwortlich sein sollen ...*).

Среднестатистический немецкий читатель, чрезмерно не обременённый «языковым интеллектом», едва ли обратит внимание на осторожную «оговорку» в таблоиде – *verantwortlich sein sollen* (должно быть, несут ответственность). Немецкий модальный глагол *sollen* выражает «предположение, которое опирается на мнение каких-либо третьих лиц», а не на бесспорные факты. Но, как уже было установлено выше, для пропаганды этого более чем достаточно.

В заключение следует отметить следующее.

Анализ публикаций таблоида позволяет сделать вывод о том, что постулаты министра пропаганды Третьего рейха не забыты и находят своё применение и в сегодняшней немецкой «свободной демократической прессе».

Особенно популярны такие приёмы как *многократное повторение непроверенного оценочного утверждения (часто откровенной лжи)*, которое призвано создать общественное мнение, соответствующее интересам евроатлантической элиты, а также *недопущение никакой дифференциации пропаганды*, которая позволила бы усомниться в «абсолютной истине», излагаемой в нашем случае таблоидом для массового читателя.

Естественно, что пропагандистские постулаты, заимствованные со времён Третьего рейха, поддерживаются многочисленными современными вербальными и невербальными приёмами.

При этом нельзя забывать о набирающих силу попытках евроатлантического сообщества поставить на одну ступень нацистский режим Третьего рейха и СССР, сыгравший решающую роль в его ликвидации.

Анализ современных методов и приёмов западной пропаганды показывает, кто является реальным наследником объединённой Европы (фактически «первой версии Евросоюза»), которая 22 июня 1941 года попыталась принести в СССР «европейскую цивилизацию» с помощью «Люфтваффе», «Вермахта», «СС», а также пропаганды Й. Гёббельса и доктрины А. Розенберга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голодов А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы). Рязань, 2015. 195 с.
2. Голодов А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе. Рязань 2019. 195 с.
3. Klemperer V. LTI. Stuttgart, Phlipp Reclam jun. GmbH & Co., 22. Auflage, 2007. 385 S.
4. Lüders M. Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet. Verlag C. H. Beck. München 2016. 175 S.
5. Scholl-Latour, Peter. Der Fluch der bösen Tat. Propyleän Verlag. 7. Auflage, 2014. 351 S.
6. Ulfkotte Udo. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. Rottenburg: KOPP VERLAG, 2014. 336 S.
7. Ulfkotte Udo. So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen. Verlag: Goldmann, 2002. 416 S.
8. Wisnewski G. Verheimlicht, vertuscht, vergessen. Was 2014 nicht in der Zeitung stand. Taschenbuchverlag KNAUR. München, 2014. 368 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BILD. 19.07.2014. S. 2.
2. BILD. 21.07.2014. S. 1.
3. BILD. 21.07.2014. S. 1.
4. BILD. 21.03.2016. S. 2.
5. BILD. 29.09.2016. S. 2.
6. BILD. 9.07.2018. S. 11.
7. BILD. 26.06.2019. S. 2.

REFERENCES

1. Golodov, A. G. (2015). *Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoy massovoy pressy)* [The Language of Information War (on the Material of German Mass media)]. Ryazan. (In Russ.).
2. Golodov, A. G. (2019). *Informatsionnaya voyna protiv Rossii v nemetskoy massovoy presse* [Information War against Russia in the German Mass Media]. Ryazan. (In Russ.).
3. Klemperer, V. (2007). *LTI*. Stuttgart, Phlipp Reclam jun. GmbH & Co., 22. Auflage.
4. Lüders, M. (2016). *Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet*. Verlag C.H. Beck. München.
5. Scholl-Latour, Peter. (2014). *Der Fluch der bösen Tat*. Propyleän Verlag. 7. Auflage.
6. Ulfkotte, Udo. (2014). *Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken*. Rottenburg: KOPP VERLAG.

7. Ulfkotte, Udo. (2002). *So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen*. Verlag: Goldmann.

8. Wisnewski, G. (2014). *Verheimlicht, vertuscht, vergessen. Was 2014 nicht in der Zeitung stand*. Taschenbuchverlag KNAUR. München.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BILD. 19.07.2014. S. 2.

2. BILD. 21.07.2014. S. 1.

3. BILD. 21.07.2014. S. 1.

4. BILD. 21.03.2016. S. 2.

5. BILD. 29.09.2016. S. 2.

6. BILD. 9.07.2018. S. 11.

7. BILD. 26.06.2019. S. 2.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина». 390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

Golodov Aleksandr G. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Languages and Methods of Teaching Them Department, Head of Analytic Center for Research Technology of Information War and Counterpropaganda (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University Named after S. Yesenin» 46 Svobody, Ryasan, 390000

Поступила в редакцию 6 апреля 2020 г.

УДК 811.111'1

© 2020 О. И. Осташова

ТИПЫ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XIX-XX ВВ.

В статье описана семантика оценочных высказываний в англоязычных художественных текстах XIX-XX веков с точки зрения рационального и эмоционального характера оценочного отношения. В статье дается определение оценочного высказывания, освещаются основные принципы разграничения оценочных высказываний эмоционального и рационального типов. Выявлены особенности реализации эмоционального и рационального оценочного отношения в художественных текстах XIX и XX веков, описаны лексические и синтаксические средства их выражения.

Ключевые слова: оценка, оценочное высказывание, оценочный предикат, оценочное отношение, эмоциональная оценка, рациональная оценка, художественный текст.

© 2020 O. I. Ostashova

TYPES OF EVALUATION IN BRITISH AND AMERICAN BELLES- LETTRES TEXTS OF THE XIX-XX CENTURIES

The paper addresses the description of evaluative utterances in British and American belles-lettres texts of the XIX-XX centuries from the point of view of the type of evaluation they express. In the article the definition of an evaluative utterance is formulated, the main principles of differentiation between evaluative utterances of emotional and rational types are outlined. The peculiarities of embodiment of emotional and rational evaluation in belles-lettres texts of the XIX-XX centuries are revealed, lexical and syntactic means of their expression are described.

Key words: evaluation, evaluative utterance, evaluative predicate, evaluative attitude, emotional evaluation, rational evaluation, belles-lettres text.

Постановка научной проблемы и ее значение. Изучение категории оценки является одной из приоритетных задач современного языкознания, так как это многоаспектная, универсальная понятийная категория, которая отображает ценностную сущность предмета или явления с точки зрения взглядов, интересов лица или социума [Бессонова, 2019]. Исследование феномена языковой оценки неразрывно связано с антропоцентрической парадигмой в языкознании, которая выводит на первое место личность, а язык называет главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей.

Многие иностранные и отечественные ученые-лингвисты занимались исследованием категории оценки, причем в фокусе их исследований были различные аспекты оценки. В большинстве работ, посвященных оценке, описываются виды оценочных значений и средства их лексического выражения (Н. Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988], О. Л. Бессонова [Бессонова, 2019], Е. М. Вольф [Вольф, 2002],

А. И. Приходько [Приходько, 2004], В. Н. Телия [Телия, 1991] и др.). Кроме этого, объектом исследований не раз становились различные аспекты оценочных высказываний (О. Л. Бессонова [Бессонова, 2019], С. Н. Колесник [Колесник, 1988], Т. А. Крисанова [Крисанова, 1999], Г. Н. Кузенко [Кузенко, 2006], Е. А. Лазебна [Лазебна, 2014], Н. В. Пазыч [Пазыч, 1986], З. К. Темиргазина [Темиргазина, 1999], Ю. А. Фомина [Фомина, 2009] и др.), а также особенности функционирования оценочных высказываний в различных типах текстов (С. Н. Кишко [Кишко, 2017], Н. Н. Миронова [Миронова, 1997], Ю. А. Сальникова [Сальникова, 2010], С. Н. Шакирова [Шакирова, 1985]).

Статья посвящена описанию особенностей оценочных высказываний с точки зрения выражаемого в них типа оценки. Корпус языкового материала исследования составляют оценочные высказывания, ингерентным компонентом предикатов которых является оценочная сема и которые являются частью монологической или диалогической речи персонажей. Это высказывания типа *You are a ripping swimmer* 'Ты первоклассный пловец'; *She's very attractive* 'Она очень привлекательная', отобранные методом сплошной выборки из англоязычных художественных текстов XIX-XX вв.

Актуальность предложенного исследования обусловлена диахроническим подходом к изучению оценочного высказывания как одного из средств реализации категории оценки в художественном тексте, что позволяет установить особенности реализации категории оценки в разных периодах. **Цель** данного исследования состоит в выявлении и описании особенностей реализации оценочного отношения в высказываниях, функционирующих в художественных текстах XIX-XX веков.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов. Под оценочным высказыванием мы понимаем грамматически и интонационно оформленную единицу речи, в рамках смыслового содержания которой ее автор успешно выражает свое оценочное отношение к определенному объекту действительности, сообщает его в определенной речевой ситуации слушающему / читающему (в зависимости от типа речи) или самому себе [Арутюнова, 1988; Бессонова, 2019].

Оценочное высказывание имеет различную семантическую специфику в зависимости от того, какое начало лежит в основе оценочного суждения об объекте, рациональное или эмоциональное [Вольф, 2002; Телия, 1991]. Субъект оценивания – тот или иной объект – может основываться на принципах собственного или общественного мнения, или же руководствоваться чувством, вызванным в конкретной речевой ситуации.

Одним из отличительных признаков эмоционально-оценочного и рационально-оценочного высказывания является параметр «объективность-субъективность». Если для

эмоциональной оценки характерна тесная связь с индивидуальной позицией субъекта (1), то рациональная оценка в большей степени ориентирована на социальные стереотипы, общественно закрепленные нормы (2). Например: (1) *What a stunning room this is!* (Maugham W. S.) 'Какая это великолепная комната!'; (2) *Sometimes I think I'm the most selfish person in the world* (Fitzgerald F. S.) 'Мне иногда кажется, что я самая большая эгоистка на свете'.

Степень спонтанности оценочного высказывания является еще одним параметром, используемым для противопоставления эмоциональной и рациональной оценки, функционирующей в художественном дискурсе. Стоит заметить, что эмоциональная оценка является ситуативной, так как она возникает непосредственно в момент выражения реакции на какие-либо события, факты, явления и детерминируется их конкретными проявлениями. Другими словами, этот вид оценочного суждения непосредственно связан с ситуацией, в которой оценка находит свое выражение и ее основанием является непосредственное переживание объекта: (3) «*What an emotional little thing you are*», he said, but he was pleased and touched to see her tears (Maugham W. S.) '«Какая ты чувствительная, дорогуша», – сказал Майкл, однако он был умилен – ему польстили ее слезы'.

Для высказывания, содержащего рационально-оценочный элемент, наоборот, характерны значительная степень обдуманности и меньшая спонтанность, так как основанием оценки такого рода является заранее сформированное мнение об объекте, а не сиюминутное чувство. Например: (4) *Edward is very amiable, and I love him tenderly* (Austen J. 2) 'Эдвард очень милый и я отношусь к нему с нежностью'.

Эмоциональная и рациональная оценки предполагают различный перлокутивный эффект, функционируя в речевых актах, обращенных непосредственно к собеседнику. В то время как эмоциональная оценка направлена на то, чтобы изменить эмоциональное состояние собеседника (5), рациональная рассчитана на получение реакции согласия или несогласия слушающего с высказанным мнением (6). Например: (5) *Hulloa, Julia, what's the matter with you tonight? Gosh, you look swell* (Maugham W. S.) 'Привет, Джулия, что с тобой сегодня? Черт возьми, ты выглядишь потрясающе'; (6) *You are a very strange creature by a way of a friend! – always wanting me to play and sing before anybody and everybody* (Austen J. 1) 'Странная ты подруга; всегда заставляешь меня играть и петь перед любимым и каждым'.

Иногда представляется сложным разграничить оценочные высказывания рационального и эмоционального типа, так как они основаны на органическом единстве эмоций и рационально-оценочных суждений. Поэтому вслед за С. С. Хидекель и

Г. Г. Кошель [Хидекиль, Кошель, 1983], мы относим высказывания с таким типом оценочного отношения к эмоционально-рациональной (эмоционально-интеллектуальной) группе. Например: (7) *You are an angel* (Maugham W. S.) ‘Ты – ангел’.

Анализ корпуса языкового материала исследования свидетельствует о следующем соотношении типов оценки в англоязычных художественных текстах XIX-XX вв.

Таблица 1. *Количественная характеристика типов оценки*

Тип оценки	XIX		XX	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
Эмоциональная оценка	935	50	615	65
Рациональная оценка	748	40	236	25
Эмоционально-рациональная оценка	188	10	95	10
<i>Всего</i>	<i>1871</i>	<i>100</i>	<i>946</i>	<i>100</i>

В художественных текстах XIX-XX веков преобладают высказывания со значением эмоциональной оценки, причем их насыщенность возрастает в XX в. (935 контекстов (50%) – XIX в., 615 контекстов (65%) – XX в.). Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в диалогической речи персонажей оценка носит ситуативный характер и, чаще всего, направлена на изменение эмоционального состояния собеседника. Более широкая представленность эмоциональной оценки в художественных текстах XX века объясняется личностно-ориентированным подходом, бытующем в обществе, а также ориентацией на эмоциональное состояние отдельного человека. Кроме этого, оценочные высказывания эмоционального типа отличаются большей степенью категоричности и экспрессивности в текстах XX века.

Насыщенность оценочных высказываний рационального типа выше в художественных текстах XIX в. (748 контекстов (40%) – XIX в., 236 контекстов (25%) – XX в.), что объясняется существованием в обществе набора ценностей, основывающихся на строгом кодексе поведения и общения. Для рациональной оценки в XIX веке характерна меньшая субъективность и категоричность, она мотивированна нормами и стандартами, закрепленными в обществе.

Эмоционально-рациональная оценка представлена равнозначно в художественных текстах XIX и XX веков (188 контекстов (10%) – XIX в., 95 контекстов (10%) – XX в.).

Указанные выше характеристики эмоционального и рационального типов оценки определяют их лингвистические маркеры, которые находят свое выражение в художественном дискурсе исследуемых периодов. Прежде всего, к таким маркерам относятся лексические и стилистические средства коррекции общей структуры оценочного высказывания.

Так, особым свойством эмоциональной оценки является непосредственная реакция субъекта на объект оценки, поэтому оценочные высказывания эмоционального типа в первую очередь характеризуются использованием междометий и аффективных прилагательных. Это свойственно оценочным высказываниям обоих периодов: (8) *Ah! Let's go! It's a ghastly show* (Galsworthy J.) 'Ах, уйдем отсюда! Отвратительная выставка!'; (9) *Oh, my dear! He is so excessively handsome* (Austen J. 1) 'О, дорогая! Он потрясающе красив'.

Другим неотъемлемым свойством эмоциональной оценки является высокая степень реактивного отношения (заинтересованность, возмущение, неприятие) субъекта к оцениваемому объекту, что выражается при помощи сочетания слов-интенсификаторов *so, such, very, how, quite* с оценочным предикатом. Такой способ выражения эмоциональной оценки является одинаково продуктивным для художественных текстов как XIX, так и XX века: (10) *I always liked old George. He's so droll* (Galsworthy J.) 'Мне всегда нравился Джордж. Он такой забавный'; (11) *He is such a disagreeable man, that it would be quite a misfortune to be liked by him* (Austen J.) 'Он такой несносный мужчина, что понравиться ему было бы сущим несчастьем'.

Необходимо отметить, что использование вышеназванных лексических средств способствует наиболее полной передаче эмоционального состояния объекта оценки, а также в значительной степени повышает категоричность всего высказывания.

Эмоциональная оценка предполагает движение признака по оценочной шкале в сторону нарастания его степени, в то время как при рациональной оценке наблюдается движение признака в противоположном направлении. Поэтому оценочные речевые акты, тяготеющие к рациональности, характеризуются использованием оценочных предикатов в сочетании с лексеми-деинтенсификаторами, такими как *a bit, a little, almost*. Например: (12) *It would be a bit awkward for you to see her just this once now that Jon's father is dead?* (Galsworthy J.) 'Было бы нелепо с твоей стороны встречаться с ней в тот момент, когда отец Джона мертв?'; (13) *Lizzy is not a bit better than the others* (Austen J. 1) 'Лиззи ничуть не лучше других ваших дочерей'.

Еще одним средством выражения рациональной оценки, характерной для оценочных высказываний, функционирующих в текстах XX века, является использование аксиологических предикатов мнения *I think, I suppose*, а также вводных конструкций *in my opinion, to my mind*. Таким способом не только снижается категоричность оценки, но и подчеркивается, что основанием рациональной оценки является мнение, а не переживание. Например: (14) *I think that woman's beautiful* (Galsworthy J.) 'Я думаю, что эта женщина красива'.

Для оценочных высказываний рационального типа, отобранных из текстов XIX века, почти не характерно использование аксиологических предикатов мнения, тогда как наблюдается использование вводных слов *surely, certainly*, а также вводных конструкций *to be sure, for sure*. Тем самым еще больше снижается категоричность и субъективность высказывания. Например: (15) *You are over-scrupulous, surely* (Austen J.) ‘Вы, несомненно, чересчур щепетильны’.

Другим лингвистическим маркером оценочного высказывания эмоционального типа является определенная синтаксическая структура. Для выражения эмоциональной оценки в художественных текстах XIX и XX веков используются восклицательные предложения, подчеркивающие спонтанность и ситуативность оценки: (16) *Oh my dear! How marvelous!* (Maugham W. S.) ‘О, дорогая! Как прекрасно!'; (17) *Her hair is so untidy, so blowsy!* (Austen J. 1) ‘Ее волосы такие неопрятные, такие грязные’.

Еще одним средством выражения эмоциональной оценки является использование конструкций усеченного типа, в которых опущен или глагол связка, или объект оценки. Однако это характерно, в большей степени, для оценочных высказываний, функционирующих в художественных текстах XX века. Например: (18) «*You unsociable devil*». *George's eyes seemed to answer.* (Galsworthy J.) ‘«Бес ты эдакий», – ответили, казалось, глаза Джорджа’.

Выводы. Оценочные высказывания эмоционального типа основаны на чувстве субъекта, вызванном оцениваемым объектом, и поэтому характеризуются субъективностью, спонтанностью и направлены на изменение эмоционального состояния собеседника. Основанием для рациональных оценочных высказываний является заранее сформированное мнение субъекта об объекте оценки, поэтому им свойственна объективность и обдуманность. Эмоционально-рациональной оценке присуще органическое единство эмоций и рационально-оценочных суждений.

В языковом материале исследования представлены все типы оценок. В XIX веке количественная разница между оценочными высказываниями эмоционального и рационального типа является незначительной (эмоциональная оценка – 50%, рациональная оценка – 40%). В художественных текстах XX века превалирует эмоциональная оценка (65%), тогда как рациональные оценочные высказывания составляют всего лишь 25%.

Каждый тип оценки выражен в художественном дискурсе исследуемых периодов присущими только ему лексическими и синтаксическими средствами. Предикат эмоционального оценочного высказывания выражается аффективным прилагательным или существительным, прилагательным в сочетании со словом-интенсификатором, также

иногда используются междометия. В рациональных оценочных высказываниях предикат репрезентируется прилагательным в сочетании со словом-деинтенсификатором, собственно оценочная часть может вводиться аксиологическим предикатом. В отличие от рациональной, эмоциональная оценка часто вербализуется в восклицательных предложениях. Большинство элементов оценочной рамки эмоционального высказывания выражается имплицитно. Эксплицитно выражены в большинстве случаев только объект оценки и сам оценочный элемент. Рациональная оценка, как правило, объективируется с помощью полных распространенных предложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
2. Бессонова О. Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка // *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2019. № 28. С. 52-58.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. Москва: УРСС, 2002. 247 с.
4. Кишко С. Н. Положительно-оценочные высказывания в свете актуализации коммуникативно-прагматической категории модерации // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 3 (37). С. 45-52
5. Колесник С. Н. Оценочные номинации и их функционирование в тексте (на материале английского языка): автореф. дис. ... на канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1988. 18 с.
6. Крисанова Т. А. Висловлювання негативної оцінки адресата в сучасній англійській мові (комунікативно-прагматичний аспект): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Київ, 1999. 17 с.
7. Кузенко Г. М. Структурно-семантичні та комунікативно-прагматичні особливості емотивних висловлювань негативної оцінки (на матеріалі англійського художнього дискурсу): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Харків, 2006. 20 с.
8. Лазебна О. А. До проблеми типології суб'єктів оцінки (на матеріалі сучасної німецької та австрійської художньої прози) // *STUDIA GERMANICA ET ROMANICA: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання*. Донецьк: ДонНУ, 2014. Т. 11. № 1 (31). С. 14-23
9. Миронова Н. Н. Структура оценочного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 1997. 22 с.
10. Пазыч Н. В. Средства языковой номинации отрицательной оценки в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1986. 23 с.
11. Приходько А. И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы ее выражения в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2004. 43 с.
12. Сальникова Ю. А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прессы США (на материале современных информационно-аналитических газетных статей): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2010. 24 с.
13. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. Москва: Наука, 1991. 205 с.
14. Темиргазина З. К. Оценочные высказывания в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.01. Республика Казахстан, 1999. 51 с.

15. Хидекель С. С., Кошель Г. Г. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. С. 11-16.

16. Фомина Ю. А. Функциональный потенциал номинативных оценочных высказываний в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Тагил, 2009. 20 с.

17. Шакирова С. Н. Эмоционально-оценочная актуализация слова в художественном тексте (на материале существительных современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Одесса, 1985. 27 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Austen J. *Pride and Prejudice*. Санкт-Петербург: Издательство КАРО, 2009. 450 p.
2. Austen J. *Sense and Sensibility*. Доступ: <https://freeditorial.com/en/books/pride-and-prejudice>. (дата обращения: 03.11.2019).
3. Fitzgerald F. S. *Tender is the night*. Доступ: <https://epdf.pub/tender-is-the-night.html>. (дата обращения: 03.11.2019).
4. Galsworthy J. *To Let*. Москва: Менеджер, 2004. 287 p.
5. Maugham W. S. *Theatre*. Москва: Менеджер, 1998. 304 p.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Typy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Byessonova, O. L. (2019). *Osnovnye kharakteristiki otsenochного tezaurusа angliyskogo yazyka* [Principal features of english evaluative thesaurus]. In *Studia Linguistica*. Sankt-Peterburg. No. 28. Pp. 52-58. (In Russ.).
3. Volf, E. M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [The functional semantics of evaluation]. Moskva: URSS. (In Russ.).
4. Kishko, S. N. (2017). *Polozhitelno-otsenochnye vyskazyvaniya v svete aktualizatsii kommunikativno-pragmaticheskoy kategorii moderatsii* [Positive evaluative utterances in the light of actualization of the communicative-pragmatic category of moderation]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU, T. 13. Vyp. 3 (37). (In Russ.).
5. Kolesnik, S. N. (1988). *Otsenochnye nominatsii i ikh funktsionirovanie v tekste (na materiale angliyskogo yazyka)* [Evaluative nomination and their functioning in the text (on the basis of the English language material)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kiev. (In Russ.).
6. Krisanova, T. A. (1999). *Vyslovlyuvannya negatyvnoyi otsinky adresata v suchasnyi angliyskiy movi (komunikatyvno-pragmatychnyy aspekt)* [Utterances of negative recipient's evaluation in modern English (communicative-pragmatic aspect)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kyiyv. (In Ukr.).
7. Kuzenko, G. M. (2006). *Strukturno-semantychni ta komunikatyvno-pragmatychni osoblyvosti emotyvnykh vyslovlyuvan negatyvnoyi otsinky (na materialy anglomovnoho khudozhnogo diskursu)* [Structural-semantic and communicative-pragmatic peculiarities of emotive utterances of negative evaluation (on the basis of English-speaking fictional discourse)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kharkiv. (In Ukr.).
8. Lazebna, O. A. (2014). *Do problemy typologiyi subektiv otsinky (na materialy suchasnoyi nimetskoyi ta avstriyskoyi khudozhnyoyi prozy)* [To the problem of the evaluative subjects (on the basis of the material of modern German and Austrian prose)]. In *STUDIA GERMANICA ET ROMANICA: Inozemni movy. Zarubizhna literatura. Metodyka vykladannya*. Donetsk: DonNU. T. 1. Vyp. 31. (In Ukr.).

9. Mironova, N. N. (1997). *Struktura otsenochnogo diskursa* [The structure of evaluative discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva, 1997. (In Russ.).
10. Pazych, N. V. (1986). *Sredstva yazykovoy nominatsyi otritsatel'noy otsenki v sovremennom angliyskom yazyke* [Negative evaluation means of nomination in modern English]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kiev. (In Russ.).
11. Prikhodko, A. I. (2004). *Kognitivno-diskursivnyy potentsial otsenki i sposoby ee vyrazheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Cognitive-discursive potential of evaluation and its expression modern English]: avtoref. d-ra. filol. nauk: 10.02.04. Belgorod. (In Russ.).
12. Salnikova, YU. A. (2010). *Sotsiopragsmatika otsenki v diskurse kachestvennoy pressy SSHA (na materiale sovremennykh informatsionno-analiticheskikh gazetnykh statey)* [Socio-pragmatics of evaluation in the discourse of the USA quality press (on the material of modern information and analytical newspaper articles)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
13. Teliya, V. N. (1991). *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy eksspressivnosti* [Human factor in the language. The language mechanism of expressiveness]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
14. Temirgazina, Z. K. (1999). *Otsenochnye vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Evaluative utterances in modern Russian]: avtoref. dis. ... d-ra filolog. nauk: 10.02.01. Respublika Kazakhstan. (In Russ.).
15. Hidekel, S. S., Koshel, G. G. (1983). Priroda i kharakter yazykovykh otsenok [The nature and character of language evaluation]. In *Leksicheskie i grammaticheskie komponenty v semantike yazykovogo znaka*. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. Pp. 11-16. (In Russ.).
16. Fomina, Yu. A. (2009). *Funktionalnyy potentsial nominativnykh otsenochnykh vyskazyvaniy v sovremennom russkom yazyke* [Functional potential of nominative evaluative utterances in modern Russian]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Nizhniy Tagil. (In Russ.).
17. Shakirova, S. N. (1985). *Emotsionalno-otsenochnaya aktualizatsiya slova v hudozhestvennom tekste (na materiale sushchestvitel'nykh sovremennogo angliyskogo yazyka)* [Emotional and evaluative actualization of a word in fiction (on the basis of modern English language)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Odessa. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Austen, J. (2009). *Pride and Prejudice*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo KARO.
2. Austen, J. *Sense and Sensibility*. Available at: <https://freeditorial.com/en/books/pride-and-prejudice> (accessed: 03.11.2019).
3. Fitzgerald, F. S. *Tender is the night*. Available at: <https://epdf.pub/tender-is-the-night.html> (accessed: 03.11.2019).
4. Galsworthy, J. (2004). *To Let*. Moskva: Menedzher.
5. Maugham, W. S. (2004). *Theatre*. Moskva: Menedzher.

Осташова Оксана Игоревна – старший преподаватель кафедры английской филологии (email: oksanaostashova@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Ostashova Oksana I. – Senior Teacher of the English Philology Department (email: oksanaostashova@yandex.ru) State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»
24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 24 декабря 2019 г.

УДК 130.3(430)

© 2020 Н. В. Скляр

КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРЫ И ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья посвящена изучению взаимосвязи концепций культуры, раскрытых в трудах немецких философов, и понятия «культурный человек». Исходя из основных философских положений, предпринята попытка выявить черты, которыми обладает культурный человек. Определяющими среди них названы: осознание сути природы, обладание нравственной и физической свободой, стремление к морально-этическим и созидательным целям.

Ключевые слова: язык, лингвистика, культура, культурный человек, немецкая классическая философия.

© 2020 N. V. Sklyar

CONCEPTIONS OF CULTURE AND THE NOTION OF «CULTURAL PERSON» IN GERMAN CLASSICAL PHILOSOPHY

The article focuses on the study of the relationship between the conceptions of culture disclosed in the works of German philosophers and the notion of «cultural person». In accordance with the main philosophical principles, an attempt to identify the features of a cultural person has been made. The determinative features are: awareness of the essence of nature, possession of moral and physical freedom, striving for moral, ethical and creative goals.

Key words: language, linguistics, culture, cultural person, German classical philosophy.

В период с середины XVIII до середины XIX столетия немецкие философы, которых впоследствии назвали классиками мировой философии, разрабатывали в своих трудах идею о человеке как деятельном субъекте, активно создающем разносторонний мир духовной культуры.

Понятия «внутренний мир», «сознание», «когниция», «дух» стали основополагающими в классической философии благодаря теориям И. Канта, И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля. Впоследствии продолжение их идей в трудах Ф. Ницше, О. Шпенглера, М. Хайдеггера дали направление развитию не только философской мысли, но литературы, живописи, искусства и науки в целом.

Настоящая статья преследует цель рассмотреть основные культурологические концепции в трудах немецких философов, уделяя основное внимание определению в них понятия «культурный человек» и выявлению его основных черт.

Многие отечественные ученые (А. В. Гулыга [Гулыга, 1986], М. А. Булатов [Булатов, 2003], Р. А. Бурханов [Бурханов, 2017]) посвятили свои труды изучению философского наследия немецких ученых. Актуальность прецедентной темы

состоит в попытке рассмотрения непосредственной взаимосвязи концепции культуры и культурного человека, установления места и роли человека в развитии культуры и общества, выявления характерных черт, которые отличали бы культурного человека.

В трудах И. Канта, по праву считающегося основоположником немецкой классической философии, концепция культуры занимает важное место – её трактовка связана с процессом и результатом познавательной деятельности человека. Хотя в научных трудах немецкого философа понятие «культурный человек» не встречается, можно найти множество его «косвенных» толкований, которые, естественно, будут связаны с понятием «культура». Именно о них пойдет речь далее.

Для восприятия и раскрытия значения культуры, для понимания сущности «предметов природы» необходимо обладать не только «эстетической способностью суждения, но и познавательными способностями, которые лежат в ее основе» [Kant, 2017: 135]. Именно стремление к познанию сути природы бытия будет основоположным при определении человека как основного носителя культуры. Природа в трудах И. Канта – мощное духовное начало, к которому человек обращается на пути к нравственному совершенствованию и постижению. В параграфе «О последней цели природы как телеологической системы» своей книги «Критика способности суждения» философ подчеркивал одну из важных, направленных на развитие человека целей природы: «Первой целью природы было бы счастье, второй – культура человека» [Kant, 2017: 303]. (Тут и далее перевод с немецкого языка наш – Н. С.). Немецкий философ настаивал на том, что только культура может быть последней целью, которую возможно приписывать природе по отношению к человеческому роду (а не его счастье на Земле или даже способность быть главным орудием для создания порядка и согласия в лишенной разума природе вне его) [Kant, 2017: 305]. Главная цель природы по отношению к человеку заключается в приближении отдельной личности к окружающему ее обществу, в попытке привнести в это общество гуманность, следуя моральным нормам и законам. В процессе общения с другими представителями общества «человек своим разумом определен <...> повышать свою культуру, цивилизованность и моральность, и <...> стать, деятельно преодолевая препятствия, навязанные ему грубостью его природы, достойным человечества» [Kant, 2017: 578]. Взаимовлияние и взаимонаправленность культуры человека и природы очевидна – как культурный человек стремится к природному началу и природе в целом, так и направленность природы устремляется к культуре индивидуума.

Кроме гармоничной близости к неиспорченной цивилизацией природе И. Кант выделял нравственное самоусовершенствование человека: «В самом деле, без развития

нравственных идей то, что мы, подготовленные к тому культурой, называем возвышенным, покажется необразованному человеку лишь пугающим» [Kant, 2017: 135]. Культура может стимулировать и развивать творческий потенциал человека, освободить его от бремени природных потребностей и условий обыденности бытия, помочь обнаружить и развить заложенный в индивидууме потенциал. Современный исследователь кантовских философских идей Р. А. Бурханов также считает, что в рамках трансцендентализма И. Кант подчеркивал активный характер отношения человека к миру через активность априорных форм познания и воления [Бурханов, 2017: 1]. То есть, исходя из этой идеи И. Канта, культурным человеком можно назвать стремящуюся к познанию путем нравственного развития личность, и именно она будет готова к постижению возвышенного. Именно культура делает из человека активную, деятельную личность, способную ставить цели и реализовывать их в соответствии с высоким морально-нравственным развитием.

Развитие указанной темы на основе антропологического способа мышления переросло в целую концепцию о культуре, которую И. Кант понимал как свободу устанавливать цели и созидательно проходить путь к ним: «Развитие способности разумного существа ставить перед собой любые цели вообще (следовательно, в его свободе) есть культура» [Kant, 2017: 303]. Развитие такой «способности» происходит в ходе морально-нравственной эволюции индивида и человеческого рода. Свобода – это базис нравственности личности и цель культуры [Kant, 2017: 66]. Таким образом, нравственная и физическая свобода – это субстанция, необходимая культурному человеку для достижения своих целей, имеющих морально-этическую суть и созидательную направленность. Она также важный фактор не только для постоянного процесса духовного саморазвития личности, которая не может не сопереживать духовному прогрессу общества. Культура дает возможность «прогрессивной гуманизации» человека и осуществления его свободного существования благодаря разумной общественной организации и гуманистического хода истории.

В «Антропологии» И. Кант развивает учение о культуре несколько в ином направлении, он сравнивает ее с «интеллектуальным удовольствием», создающим основу для способности суждения. И. Кант считает, «наслаждение есть удовольствие, получаемое путем внешнего чувства...» [Kant, 2017: 94], но животные инстинкты наслаждения у человека сдерживает нравственная, духовная и культурная узда. Человеческое удовольствие синонимично культуре: «Есть один вид наслаждения, который в тоже время

содействует и культуре человека; при этом возникает осознание, что наша способность получать удовольствие и наслаждаться этим видом впечатлений у нас увеличивается; такое удовольствие мы получаем от наук и изящных искусств» [Kant, 2017: 100]. Речь идет о любовании красотой, о чувстве прекрасного, об эстетическом удовольствии от предметов искусства и т. д. Таким образом, культурный человек – это интеллектуальный эстет, вбирающий в себя дары искусства и получающий умственное и духовное удовольствие от «... а) представляемых понятиях, или б) от идей» [Kant, 2017: 94], развивая таким образом свои мыслительные способности и получая наслаждение.

Философ позднего Просвещения И.Г. Гердер освещал понятие культуры в его связи с происхождением языка. Само возникновение языка, по его мнению, связано с развитием культуры [трактат о языке], огромный труд он посвятил размышлениям о происхождении культуры, о «культурных и некультурных нациях», стремясь создать обобщенную картину культурного развития человечества. Гердер объяснял зарождение и становление культуры естественным ходом развития истории. И в первую очередь, по его мнению, этому способствовало стремление удовлетворить насущные потребности и, конечно же, преодолеть обстоятельства, обусловленные историческим развитием. Культура сплачивает людей и являет собой продукт их деятельности и одновременно ее стимул [Гердер, 2007]. Ученые, изучающие философское наследие Гердера, считают, что к понятию культуры он относил язык, науку, ремесло, искусство, семейные отношения, государство, религию [Гулыга, 1986: 42].

По нашему мнению, особое внимание И. Г. Гердер уделяет рассмотрению отдельной личности в контексте исторического развития и ее роли в развитии культуры общества и целой нации, в стремлении человечества к совершенству. В ходе своих философских размышлений, представленных в книге «Идеи к философии истории человечества», он замечает: «Мне хотелось бы вместить в одно слово – «человечность» – все сказанное о благородном складе человеческого существа, предрасполагающем человека к разуму и воле, к тонким чувствам и влечениям, к хрупкости и выносливости тела, к заселению всей суши и к власти над всей Землей; ведь чтобы говорить о своем человеческом предназначении, нет у человека слова более благородного, чем само слово «человек», в котором запечатлен образ творца земли, насколько он может стать зрим на этой земле» [Гердер, 2013: 112]. Конечно же, если взглянуть на интересующий нас вопрос сквозь призму прецедентного высказывания, культурный человек, по И. Г. Гердеру, это, прежде всего, благородный, разумный и свободный человек, обладающий особым «возвышенным» восприятием действительности, стремящийся к гармоничному

существованию, чувствуя себя полноправным хозяином дарованного ему мира. Философ подчеркивает также религиозную сущность человека, акцентируя внимание на том, что Творец создал человека по образу и подобию своему, а значит, он должен нести божественный замысел на земле.

Для культурного человека будет также характерна внутренняя, обусловленная природой гуманность. Сравнивая человека и животное, философ выделяет стремление к прекрасному, доброму, подчеркивает необходимость платонической любви как главную отличительную черту разумного и благородного человека. «Человеческие влечения зависят не от необходимости, а от прелести, от красоты, должны покорствоваться разуму и по доброй воле умеряться, как и положено всему, что есть в человеке. И любовь человека должна быть гуманной – ради этого создан природой весь внешний облик человека» [Гердер, 2013: 113]. Из этого следует, что культурный человек реализовывает чувство любви исключительно как гуманное отношение к окружающему миру, и это чувство созревает в нем только на основе понимания прекрасного, восхищения окружающей красотой и добровольного подчинения разуму.

О взаимосвязи культуры и чувства свободы говорит немецкий философ И. Г. Фихте. В своих трудах «К исправлению суждений публики о Французской революции» он утверждает, что «культура – это тренировка всех сил на пути к достижению полной свободы, полной независимости от всего, чем Мы сами не являемся. Я все более в этом убеждаюсь» [Fichte: 24]. Иными словами, владеть культурой означает быть свободным для понимания самого себя и реализации себя. Однако на пути к такой свободе перед личностью, стремящейся к культурному развитию, стоит «борьба за свободу», «борьба против рабства» [Fichte: 24], и освободиться может помочь только «чувственность». Это понятие, по мнению философа, в рамках его цели можно воспринимать двойственно. С одной стороны, личность должна сдерживать его и подчинять себе, чувственность же должна не руководить, а служить личности, «это не она должна прописывать нам цели» [Fichte: 25]. Так, «чувственность» – главный критерий, регулирующий деятельностную направленность культурного человека, в чем заключается первая задача чувственности. Но при этом «чувственность» – это еще и чувственное восприятие всего происходящего в жизни общества, к которому личность принадлежит. Она включает в себя вспомогательные понятия: «чистейшая форма нашего Я», «наивысшая духовность», «наивысшая цель разума», «веле́ние разума», «культура чувственности» [Fichte: 24]. Именно с последним, по мнению философа, связана вторая задача чувственности – вся

духовная, глубинная, интеллектуальная работа культурного человека должна быть направлена на достижение внутренней и внешней свободы. «Культуру чувственности» необходимо постоянно «усиливать», «упражнять», ведь это – чистая форма нашего Я, <...> формирование духа и сердца путем самого чистого процесса мышления <...> она совершенно неизменна (чистой мысли)» [Fichte: 25]. Так, «обуздание чувственности» и «культура чувственности» – два важных фактора, которые должен осознавать и созидать в своем духовном мире культурный человек. Только «обуздав чувственность, человек становится по-настоящему свободным от Себя, от собственного чистого Я» [Fichte: 25].

И. Г. Фихте говорит, что культура свободы – это единственно возможная, конечная цель человека, в то время как она является неотъемлемой частью чувственности, причем не наивысшей конечной целью человека по отношению к себе, а последним средством достижения его высшей духовной конечной цели; под ней понимается также полное слияние его воли и законов разума [Fichte: 25]. Культура свободы должна распространяться на созидание своего внутреннего мира и на трансляцию этой категории во внешний мир. Однако И. Г. Фихте, продолжая размышлять над этим вопросом, считает, что «никого нельзя окультурить, каждый сам должен работать над своей культурой, «сам себя культивировать». Внутреннее понимание этого – главное условие успешного достижения данной цели, ведь мучительное навязывание – это как раз таки противоположность культуре, нельзя составить план культуры, только свободная воля к образованности, к внутренней свободе и ее правильной интерпретации могут помочь развитию человеческого рода» [Fichte: 26]. Подтверждается эта мысль и в трудах исследователя немецкой классической философии А. В. Гулыги. Интерпретируя рассуждения И. Г. Фихте о свободе, он считает, что свобода личности невозможна без определенной культуры, а «принуждение к культуре дает обратный результат. Воспитание – это самодеятельность» [Гулыга, 1986: 124].

Таким образом, основа культуры свободы лежит в понимании самой личностью необходимости стать на путь ее достижения. Подчеркивается, что никакие внешние факторы не могут воздействовать на этот процесс, не могут подталкивать личность к подобному духовному развитию именно в этом направлении. Но они могут, на наш взгляд, оказать лишь негативное влияние, связанное с теми или иными коренными, судьбоносными изменениями в обществе, которые носят отрицательный характер, будь то различного характера войны, диктаторский режим, игнорирование демократических свобод, экономический упадок и т. д.

Конечно же, более современные немецкие философы также уделяли большое

внимание теме сущности и роли культуры. Так, например, Ф. Ницше посвятил немало трудов теме древней и современной культуры, взаимосвязи культуры и искусства, культуры и морали, культуры и религии, естественно представив в своих трудах и толкование понятия культуры. Исследовательница философского наследия Ф. Ницше Е. Н. Левандовская считает, что темы, посвященные судьбе культуры, являются основными в трудах Ф. Ницше [Левандовская, 2015]. Как подчеркивает ученая, философ считал, что одной из важных целей современного ему общества является «открытие принципов новой культуры, которая бы могла сравниться по силе и мощи с греческой» [цит. по Левандовская, 2015]. Е. Н. Левандовская утверждает, что для Ницше культура – результат борьбы между первозданной природой и присущей человечеству духовностью, равнодействующая двух противоположных сил [Левандовская, 2015: 124].

В трудах философа понятие культуры не было однозначным, в разные периоды его творчества оно претерпевает изменения. Изначально он связывает культуру и искусство как два элемента духовного развития человечества, искусство при этом постоянно развивает и «наполняет» культуру, именно благодаря ему она обогащается. В этом начальном периоде его философской деятельности уже начинается отрицание христианской морали, которая, по мнению Ницше, направлена против самой жизни, которая останавливает развитие искусства, а значит, губит культуру. Поэтому для культуры античное искусство, мифотворчество с дионисийским началом имеет первостепенное значение, оно питает, развивает творчество, искусство и культуру.

Далее Ф. Ницше рассматривает науку как основу новой культуры, не творцов искусства, а деятелей науки он называет «свободными умами», представляющие новую культуру телесности и переоценки всех ценностей, которую он начинает развивать в своих философских произведениях [Nietzsche, 2013]. В этот период, по мнению ученых, развивается так называемый «культурный пессимизм» Ницше, когда он выдвигает теорию о том, что современная культура не может достичь своего главного предназначения, «не может служить совершенству, а наоборот, уничтожает жизнь» [Sommer, 2008: 7].

В более позднем периоде понятие культуры переходит в метафизическую концепцию «воли к власти» [Nietzsche, 2013]. Ф. Ницше говорит о культурном аристократизме, рассуждения о культурном декадансе переходят в построение модели «сверхчеловека». Эти разноплановые видения культуры отражаются и на трактовке философом понимания культурного человека. Можно предположить, что изначально культурный человек – это человек искусства, понимающий и воспевающий античную

культуру, творящий свои произведения в соответствии с ее канонами. Далее это бунтующая личность, стремящаяся показать все несовершенство этого мира, отрицающая его, наблюдающая его распад. И, в конце концов, это волевая личность, которой все подвластно. По мнению немецкого исследователя А. У. Зоммера, в поздних трудах Ф. Ницше не раскрывает систему, которая бы выстраивала и характеризовала культуру, на первом плане для него становится личность, выстраивающая эту систему, творящая саму историю [Sommer, 2008]. Именно таким путем он приходит к мнению о значимости «великого человека», «сверхчеловека».

В трудах еще одного немецкого мыслителя более позднего периода, философа М. Хайдеггера можно заметить еще один подход к пониманию культуры и культурной личности. В его работах культура раскрывается как главная деятельностная сущность человека. Именно в культурном развитии кроется способ достижения наивысшей ступени духовного и ценностного развития: «...Четвертое явление Нового времени дает о себе знать тем, что человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура. Культура есть в этой связи реализация верховных ценностей путем заботы о высших благах человека. В сущности культуры заложено, что подобная забота начинается с заботы о самом себе и так становится культурной политикой» [Heidegger, 2012: 237]. Во-первых, современный философ подчеркивает неразрывность концепций культуры и культурного человека, во-вторых, он отводит культуре первостепенную роль при достижении обществом наивысших благ, т. е. сама культура – это забота о высшем благе.

Далее в философской книге «Исток художественного творения» утверждается, что необходимость заботы человека о самом себе в духовном и нравственном плане заложена самой природой, а уже позднее этот «процесс заботы» отрывается от человеческой деятельности и забота о культуре или культура начинает уже сама по себе. М. Хайдеггер рассуждает о сущности культуры в её связи с современным представлением о ней и рассуждает о взаимосвязи культуры и искусства: «В соответствии с распространенным представлением, мы обозначаем область, внутри которой развертывается духовная и творческая деятельность человека, именем «культура». К ней относят и науку, ее развитие и организацию. Однако пока мы берем науку только в этом аспекте культуры, мы не сможем измерить всей глубины ее сущности. То же относится и к искусству. Их еще и сегодня ставят рядом: искусство и науку. Искусство тоже можно представить как область культурного производства» [Heidegger, 2012: 239]. Так, искусство является важной частью культуры, где происходит ее развитие, обогащение. Произведения искусства несут созидательную направленность и дают почву для развития творческого и духовного

потенциала человека. Искусство стало базисом для «культурного строительства». И так, философская концепция культуры М. Хайдеггера подчеркивает взаимосвязь искусства и развития культуры: благодаря созиданию произведений искусства происходит достижение высшего духовного блага, которое является целью культуры. Иными словами, искусство – это необходимая основа культуры и в тоже время ее неотъемлемая часть.

Некоторые труды М. Хайдеггера в литературно-философском ключе, содержащие комментарии лирических произведений М.-Р. Рильке, Ф. Гельдерлина, Г. Траля, затрагивают вопросы, что такое культура, кто такой представитель культуры и сам культурный человек. По мнению философа, сам «автор, активно творящий в культуре» и есть наилучшим представителем культуры того общества, в котором живет его творчество [цит. по Т. Stähler, 2001: 134].

По мнению М. Хайдеггера, великие произведения искусства, например, такие как поэзия Гомера, могут творить культуру целого народа. В этом заключается историческая сила искусства: «Произведение воссоздает мир» [Heidegger, 2012: 245]. Согласно идеям М. Хайдеггера, искусство – это «становление и возникновение истины», потому что мир создан или воспроизведен произведениями искусства [Heidegger, 2012: 158]. Однако в его высказываниях наблюдается сомнение в том, возможно ли создать «великое искусство» с обязательным притязанием на всю культуру. Ответ на этот вопрос, по мнению М. Хайдеггера, можно найти в поэтическом творчестве Фридриха Гельдерлина, память о котором нужно пробудить во всех деталях. Личность самого писателя, творящего художественное произведение, которое впоследствии становится частью культуры народа, нельзя недооценивать. Конечно же, он сам становится представителем этой культуры.

Таким образом, приходим к выводу, что в основе философских концепций, направленных на изучение сущности понятия культуры, истоков зарождения самого этого явления, процесса его развития и целей, человек определяется как основной носитель культуры. В этом аспекте основной является направленность человеческой сущности на осознание сути природы. При этом культурного человека отличает стремление к такому познанию путем нравственного саморазвития. Цели культурного человека всегда имеют морально-этическую и созидательную основу, для их достижения ему необходима нравственная и физическая свобода. Именно свобода – нравственный базис развития личности и цель культуры.

Понятия «культура» и «культурный человек» неразрывно связаны. Культура в этом контексте трактуется как явление, объединяющее коллектив людей, при этом она – это и

результат их созидательной деятельности, и в то же время ее стимул. Личность, «транслирующая культуру» в общество, является свободным, великодушным и разумным человеком, который гармонично и свободно занимается саморазвитием, имеет религиозную сущность, свободен в своем волеизъявлении, и в философском контексте все эти черты вмещает в себя понятие человечность.

Кроме того, синонимичным к «культурному человеку» является понятие «человек разумный и благородный, способный к платонической любви, к культивированию себя, к передаче своего созидательного опыта окружающим». В философских трудах культурный человек еще и эстет, интеллектуал, который испытывает духовное наслаждение от объектов искусства, науки. Перспективным видится вопрос изучения особенностей языковой картины мира культурного человека, ее специфических элементов в когнитивном и семиотическом аспектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов М. А. Немецкая классическая философия. Киев: Стилос, 2003. Ч. I. Кант. Фихте. Шеллинг. 322 с.
2. Бурханов Р. А., Трусова В. В. Человек и культура в философии Иммануила Канта // Общество: философия, история, культура. 2017. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-kultura-v-filosofii-immanuila-kanta> (дата обращения: 25.01.2020).
3. Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка. Москва: ЛКИ, 2007. 88 с.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд., испр. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
5. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. Москва: Мысль, 1986. 334 с.
6. Левандовская Е. Н. О роли понятия культуры в философии Ницше // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 17. Вып. 1. С. 123-128.
7. Fichte J. G. Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die französische Revolution. Available at: http://docs.mises.de/Fichte/Fichte_Revolution.pdf. (assessed: 14.02.2020).
8. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes. Frankfurt am Main: herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann, 2012. 318 S.
9. Kant I. Kritik der Urteilskraft. Available at: <http://archiv-svw.de/pdf-bank/Kant,%20Immanuel%20-%20Kritik.der.Urteilskraft.pdf> (assessed: 04.03.2020).
10. Kant I. Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie, Politik und Pädagogik: in 6 Bnd. Verlag: Wbg Academic, 2017. Bnd. VI. Darmstadt. 859 S.
11. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. Leipzig: Reclam-Verlag, 2013. 326.
12. Sommer A. U. Nietzsche – Philosoph der Kultur(en)? Einige einleitende Fragen // Nietzsche – Philosoph der Kultur(en)? Berlin: de Gruyter, 2008. S. 1-10.
13. Stähler T. Der Raum des Kunstwerks bei Heidegger und Merleau-Ponty // Phänomenologische Forschungen. Felix Meiner Verlag GmbH, 2001. No. 1/2. S. 127-142.

REFERENCES

1. Bulatov, M. A. (2003). *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Kiev: Stilos. Ch. I. Kant. Fichte. Shelling. (In Russ.).
2. Burhanov, R. A., Trusova, V. V. (2017). Chelovek i kultura v filosofii Immanuila Kanta [Man and culture in the philosophy of Immanuel Kant]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya,*

kultura. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-kultura-v-filosofii-immanuilakanta> (assessed: 25.01.2020). (In Russ.).

3. Gerder, I. G. (2007). *Traktat o proishozhdenii yazyka* [A treatise on the origin of the language]. Moskva: LKI. (In Russ.).

4. Gerder, I. G. (2013). *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of human history]. 2-e izd., ispr. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (In Russ.).

5. Gulyga, A. V. (1986). *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Moskva: Mysl. (In Russ.).

6. Levandovskaya, E. N. (2015). O roli ponyatiya kultury v filosofii Nitsshe [About the role of the concept of culture in Nietzsche's philosophy]. In *Vestnik SPbGU*. Ser. 17. Vyp. 1. Pp. 123-128. (In Russ.).

7. Fichte, J. G. *Beitrag zur Berichtigung der Urteile des Publikums über die französische Revolution*. Available at: http://docs.mises.de/Fichte/Fichte_Revolution.pdf (assessed: 14.02.2020).

8. Heidegger, M. (2012). *Der Ursprung des Kunstwerkes*. Frankfurt am Main: herausgegeben von Friedrich-Wilhelm von Herrmann.

9. Kant, I. *Kritik der Urteilskraft*. Available at: <http://archiv-svv.de/pdf-bank/Kant,%20Immanuel%20-%20Kritik.der.Urteilskraft.pdf>. (assessed: 04.03.2020).

10. Kant, I. (2017). *Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie, Politik und Pädagogik*: in 6 Bnd. Verlag: Wbg Academic. Bnd. VI. Darmstadt.

11. Nietzsche, F. (2013). *Die fröhliche Wissenschaft*. Leipzig: Reclam-Verlag.

12. Sommer, A.U. (2008). Nietzsche – Philosoph der Kultur(en)? Einige einleitende Fragen. In *Nietzsche – Philosoph der Kultur(en)?* Berlin: de Gryeter. Pp. 1-10.

13. Stähler, T. (2001). Der Raum des Kunstwerks bei Heidegger und Merleau-Ponty. In *Phänomenologische Forschungen*. Felix Meiner Verlag GmbH. No. 1/2. Pp. 127-142.

Скляр Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии

(e-mail: natalieskljar@mail.ru),

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования

«Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко»

82001, Луганск, Оборонная, 2

Sklyar Natalya V. – Candidate of Philology, Associate Professor of Romance and Germanic Philology Department

(e-mail: natalieskljar@mail.ru),

State Educational Institution of Higher

Professional Education «Lugansk National University named after Taras Shevchenko»

2 Oboronnaya st., Lugansk, 82001

Поступила в редакцию 26 марта 2020

ОТ БИБЛЕЙСКОГО ПРОТОТИПА ДО СОВРЕМЕННОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В статье осуществляется попытка проанализировать два уровня развития фразеологии библейского происхождения, а именно: первоначальный уровень, или уровень прототипа, и результирующий уровень, который развился с течением времени, то есть уровень вариативности фразеологизмов в современном английском языке. В результате анализа выясняется, что многие фразеологизмы библейского происхождения приобрели ряд новых вариантов по сравнению со своим прототипом.

Ключевые слова: *английский язык, фразеологизм библейского происхождения, фразеологический прототип, вариантность, виды вариантов.*

© 2020 T. N. Fedulenkova

FROM BIBLICAL PROTOTYPE TO MODERN PHRASEOLOGICAL UNIT

The article attempts to analyze the two levels of development of phraseology of biblical origin, namely, the initial level, or prototype level, and the resulting level that has evolved over time, that is, the level of variation of phraseological units in modern English. The analysis reveals that many phraseological units of biblical origin have acquired a number of new variants compared to their prototype.

Key words: *English, phraseological unit of biblical origin, phraseological prototype, variants, types of variants.*

Введение

Разночтения в библейских текстах и современных словарях английских идиом привели нас на путь поиска ответа на вопросы: какие единицы современного английского фразеологического библейского происхождения являются подлинными и какие – вторичными. В соответствии с этими вопросами работа нацелена на определение истинно библейского варианта фразеологизма и выявление новых его вариантов и их разновидностей.

Актуальность работы состоит в назревшей необходимости дифференцировать оригинальные варианты библейской фразеологии от ее более поздних образований. Материалом исследования послужили тексты Библии и современные словари английских идиом. Иллюстративными примерами послужили контексты, которые были подобраны из «Британского национального корпуса» (BNC).

Теоретической базой исследования послужила фразеологическая концепция А. В. Кунина и предложенный ученым метод фразеологической идентификации [Кунин, 1996: 38], успешно апробированный его учениками и последователями на

материале не только английского, но и других германских и негерманских языков [Naciscione, 2001; Khostay, 2010; Fedulenkova, 2015; Горохова, 2020].

Основная часть

В современных толковых и лингвистических словарях зафиксирован фразеологизм *bear / carry one's cross*, значение которого эксплицируется следующей дефиницией: *suffer, or cope with, a disability, grief, irksome responsibility, either as a condition of life or for a period* [Cowie, 2000: 57]. В библейских же текстах эта единица не может быть найдена, так как прототип этого библеизма в качестве глагольного компонента имел лексему *take*. Так, в десятой главе от Матфея читаем: «*And he that **taketh not his cross, and followeth after me, is not worthy of me***» (King James Bible, 1769/2017, Matthew X: 38) и далее «*Then said Jesus unto his disciples, If any man will come after me, let him deny himself, and **take up his cross, and follow me***» (King James Bible, 1769/2017, Matthew XVI: 24).

В современном английском языке данный фразеологизм развивает лексические варианты, которые проявляются в виде варьирования глагольного компонента *bear / carry*, и грамматические варианты, которые выражаются в варьировании переменного компонента *one's*, выполняющего роль детерминанта [Федуленкова, 2018: 64] и определенного артикля *the*.

Изучение контекстуальных примеров показывает, что в настоящее время в английском языке гораздо чаще употребляется вариант данного фразеологизма с глаголом *carry* и с определенным артиклем *the*, т. е. *carry the cross*, причем глагольный компонент *carry* трансформируется, как правило, в герундиальную форму (а) или имеет форму настоящего длительного времени (б), или форму причастия (в), сравним:

а) *All three Synoptic Gospels agree that Simon of Cyrene was forced into **carrying the cross** for Jesus. Mark gives the extra detail that Simon had two sons called Alexander and Rufus. The fact that he does not explain anything about them probably means that they were known to his audience. Perhaps they belonged to the Christian community in Rome (BNC).*

б) *I don't think we Christians have understood what carrying the cross means. We are not **carrying the cross** when we are poor or suffering small everyday things – these are all part of life. The cross comes when we try to change things. That is how it came for Jesus (BNC).*

в) *But the exhibits themselves contribute relatively little to an understanding of the phenomenon. This is partly because of the presence of a remarkably heterogenous group of pictures displayed under the name of Giorgione. Thus, the wizened old woman of 'Col Tempo' from the Academia is shown in the same room as Leonardo's drawings of grotesque heads, to which it bears little resemblance. In another room is 'Christ **carrying the cross**' from the Scuola*

di San Rocco, which was given to Titian at the Palazzo Ducale a couple of years ago, but is here assigned to Giorgione (BNC).

Оба глагольных варианта рассматриваемого фразеологизма развивают лексико-синтаксические варианты *have a heavy cross to bear / have a heavy cross to carry*, которые заключаются в появлении нового лексического компонента *heavy* (г), а также в варьировании глагольного компонента *have / be* (д) и в изменении синтаксической структуры всего сочетания (г, д), т. е. в появлении постпозитивного определения, выраженного инфинитивом *to bear* или *to carry*. Поскольку эти изменения ведут к расширению компонентного состава рассматриваемого фразеологизма, то результирующие варианты могут быть квалифицированы как квантитативные [Федуленкова, 2001: 139]. Приведем примеры:

г) *He suggested that Aeneas left Dido in obedience to his fate but he was not thereby relieved of feelings of shame or unhappiness – he felt ‘a worm’. Such a destiny does not make life easier but rather ‘it is a very heavy cross to bear’. It is significant, perhaps, that he says ‘is’ rather than was or ‘must be’. There is clearly an element of dramatic self-consciousness here, just as there is in Duncan’s account of his affecting the symptoms of old age <...> (BNC).*

д) *She was given to religion; to quotations from the Bible. Rubberneck was her cross to carry. The Lord saw fit; Meg did not question that hers was the heavy load. Or it might be – the Lord worked, she knew, in mysterious ways – his blessing, that, such a brother; a saintly trial her worth in heaven. Meg thought herself that they both had sinned, like Mary Magdalen. Her favourite saint (BNC).*

Кроме того, в иллюстративном контексте (е) отмечаем также появление окказионального лексико-квантитативного варианта *very*.

В двенадцатой главе под названием Экклезиаст, стих 5 читаем: «*Also when they shall be afraid of that which is high, and fears shall be in the way, and the almond tree shall flourish, and the grasshopper shall be a burden, and desire shall fall: because man goeth to his long home, and the mourners go about the streets <...>*» (King James Bible, 1769/2017, Ecclesiastes XII: 5).

В словаре идиоматики современного английского языка фразеологизм [*go to one’s*] *long home* сопровождается пометами «устаревший, эвфемизм» (euphemistic, dated) и его значение определяется как ‘death, the expression is based on the idea of the soul’s destination after death’ [Аyto, 2010: 214]. Наряду с оригинальным фразеологизмом появляется его лексический, в данном случае, адъективный вариант [*go to one’s*] *last home*, значение которого определяется как ‘the last resting place, i. e. the grave’ [Gulland, 1994: 143]. Действительно, в современном употреблении этот фразеологизм встречается редко, о чем свидетельствует единичный

контекст, обнаруженный в Британском национальном корпусе:

<...> *because she was ill, not with typhus but with tuberculosis. At first I had thought she would recover, but when I learned her illness was serious, I decided to visit her at night, for what might be the last time. I found her lying in bed, looking pale and weak. 'You've come to say goodbye,' she whispered, coughing. 'You are just in time. I'm **going** soon.' 'Where, Helen? Are you going home?' I asked. 'Yes, **to my long home – my last home.**' 'No, no, Helen!' I was crying at the thought of losing her (BNC).*

В данном случае разрыв как стилистический прием употребления данного фразеологизма обеспечивает двойную его актуализацию [Naciscione, 2010: 80]: буквальное понимание с одной стороны, и с другой – метафорическое прочтение.

Лексико-квантитативный (редуцированный) вариант исходной формы рассматриваемого библеизма отличается наибольшей частотностью в современном английском языке (62 случая в Британском национальном корпусе):

*Your answers show me you have a wicked heart. You must pray to God to change it, if you ever want to **go to heaven.** 'Mr Brocklehurst,' interrupted Mrs Reed, 'I mentioned to you in my letter that this little girl has in fact a very bad character. If you accept her at Lowood school, please make sure that the headmistress and teachers know how dishonest she is (BNC).*

Причина такого широкого распространения, очевидно, в том, что постепенно произошло расширение значения данного фразеологизма от «попасть на небеса, попасть в рай» – в противопоставление к значению «попасть в ад» (а) – до «попасть на небеса» в более широком смысле, т. е. «уйти в мир иной» (б), ср., например:

а) *His pastimes, which he later came to abhor, included dancing, bell-ringing and games on the village green. One Sunday, after listening to a sermon in church on the wickedness of Sabbath-breaking, he was playing at tipcat (a predecessor of cricket) when he suddenly heard a voice cry, 'Wilt thou leave thy sins and **go to Heaven,** or have thy sins and **go to Hell?**' Thus commenced a quest for salvation which lasted six years and in which he was often in a state of great depression (BNC).*

б) *And the following day he worked harder than usual in digging a grave, where Prince was buried. All the children cried. '**Has he gone to heaven?**' asked Abraham in tears. But Tess did not cry. Her face was dry and pale She felt she had murdered a friend. <...>. Life now became rather difficult for the Durbeyfields. Without Prince to carry loads, John Durbeyfield could not buy and sell as he used to (BNC).*

В рамках данного лексико-квантитативного (редуцированного) варианта развивается еще один лексический вариант, т. е. глагольный вариант, по причине варьирования глагольного компонента фразеологизма go / get: *go to heaven > get to heaven:*

*Sometimes he would lay out in a row the seven or eight letters from the seven or eight men who he would most like to meet and talk to when he **got to heaven**. He knew of course that he never could meet them, but he wanted so badly to talk to them that he would get out their letters and pictures from his box of papers and talk quietly to them anyway (BNC).*

Анализ языкового материала показывает, что данный библеизм развивает также и субстантивный вариант: *go to heaven* > *go to Kingdom(-)come*, например:

*When Nanny returned at last Artemis asked her what father had meant by saying her mother had gone. 'Because I'm afraid she has, dear,' Nanny replied. She's gone where we all must follow.' 'I see,' Artemis said, without seeing. 'But where, Nanny? she gone?' 'She's crossed over, dear,' Nanny sighed, '**gone to Kingdom come**. Your poor mother has been gathered.' 'Will I ever see her again, Nanny? <...> They buried Lady Mary Deverill without her daughter knowing. It had been decided that the child was too young <...> (BNC).*

С недавнего времени глагольный компонент *go* находит свои контекстуальные варианты *blow*, *send* и некоторые другие, и фразеологизм *go to Kingdom(-)come*, переходит границы общелитературного пространства, утрачивая положительную коннотацию и приобретая грубоватый оттенок, что незамедлительно отмечается также и в словарной дефиниции: *blow, send, etc sb to kingdom come – (very informal) kill sb especially with a gun, a bomb or other very violent methods [Warren, 1997: 135]*, читаем, например:

*'They carted Gary's great-grandad off and he didn't last long once he was in there. He'd started to forget things, see. Left the gas on, things like that. He nearly **blew us all to kingdom come** once.... No, just let them see that you can't cope and they've got you!'* (BNC).

Контекстуальная вариация глагольного компонента в форме глагола *whip* усиливает негативное звучание рассматриваемого фразеологизма, как, например, в следующем контексте:

*<...> his generals would kill him within five minutes if he ever declared war, and he only had one ball. Ivan was the real threat, and if only Adolf had the sense he'd do a deal with Churchill, they'd kick Neville into touch, and the pair of them would **whip** the Reds from her to **Kingdom Come**, or from arsehole to breakfast-time, whichever was the shorter route (BNC).*

Вызывает интерес судьба субстантивных вариантов фразеологизмов библейского происхождения *go the way of all the earth / go the way of all flesh*. В Библии читаем: «*And, behold, this day I am **going the way of all the earth**: and ye know in all your hearts and in all your souls, that not one thing hath failed of all the good things which the Lord your God spake concerning you; <...>*» (King James Bible, 1769/2017, Joshua XXIII: 14).

Исследование языкового материала и сопоставление его с фразеографическими источниками вскрывает тот факт, что во время перевода библейского текста с латинского

на английский язык (1609 г.) первоначальный вариант *go the way of all the earth* был утрачен и появился новый вариант *go the way of all flesh* в связи с тем, что вместо словосочетания *universae terrae (of all the earth)* переписчиком было использовано выражение *universae carnis (of all flesh)*.

Видимо поэтому ни в одном из известных толковых словарей нет словарной статьи, посвященной прототипному варианту рассматриваемого библейского фразеологизма (*go the way of all the earth*), в отличие от его нового субстантивного варианта (*go the way of all flesh*). Так, в словаре современной английской идиоматики, созданном Энтони Кауи, находим дефиницию этого фразеологизма: ***go the way of all flesh*** (saying) (live and) die as other men do; suffer any of the changes, hazards, or temptations which men are faced with [Cowie, 2000: 237].

В современном английском языке этот библеизм часто используется в редуцированной форме, приобретая номинативную функцию:

I had lit up a cigarette on leaving aunt's house, without realising it. I did not wish to go straight home. I had much on my mind, and I wanted to ponder over my problems, real or imaginary. Mother has to die some day, as do all of us. It's the way of all flesh. Who would want immortality? Certainly not Mum (BNC).

О широком распространении данного фразеологизма свидетельствует также повышение его уровня абстракции [Мелерович, 1976: 46; Fedulenkova, 2009: 45]: от референта «человек» до референта «неодушевленное существительное» (*its attempt*), ср.:

We refuse to accept the human and inevitable tragedy of aging, even in the case of contemporary art, which we condemn to an unwanted permanence, despite its attempt to go the way of all flesh. In this case, restoration is akin to the cosmetic procedures adopted by the American film industry, intent on transforming classics shot in black and white into full technicolour a facelift for the linguistic corpse left by the director (BNC).

Наряду с глагольными и субстантивными компонентами изменению подвергаются также и адъективные компоненты библейских фразеологизмов. Так, в Библии читаем: «***The last enemy that shall be destroyed is death***» (King James Bible, 1769/2017, 1 Corinthians 15: 26). Очевидно, что в библейском контексте словосочетание *the last enemy* не является фразеологизмом, оно лишь используется в качестве предикативного метафорического описания слова *death*. С течением времени это словосочетание приобретает устойчивость употребления и воспроизводимость вместе с закрепившимся за ним метафорическим значением, т.е. становится фразеологизмом:

'Call for Mrs Hawkes – she will help me! <...>. May this Helper be yours and mine in the same trying hour! For, oh, how awful is the seizure of the invisible, last enemy, sitting in triumph

over the body, which is all over which he can have power.' Despite these brave words, when Mrs Hawkes lay on her death-bed sixteen years later, she found herself assailed (BNC).

Наряду с данным фразеологизмом в современном английском языке функционирует его адъективный вариант *great enemy*:

*<... what could harm him but Death which here would be no **great enemy**? And God would surely receive him in this mood which was so open to Him. He looked around and, seeing himself alone, got on his knees: his eyes closed, his head tight with exhilaration. 'O Lord,' he prayed earnestly, <...> (BNC).*

Тем не менее, этот вариант рассматриваемого фразеологизма не зафиксирован ни в одном толковом словаре английских идиом, хотя, по утверждению А. В. Кунина, если фразеологизм встречается более чем в одном контексте (что соответствует пониманию важнейшего признака фразеологизма как «фразеологической устойчивости не ниже минимальной» [Кунин, 1970: 210]), то он уже является достоянием языка. Кстати, в «Британском национальном корпусе» зафиксировано несколько случаев употребления данного фразеологизма, например:

*To my grief and surprise I found her mind bowed down to the very depths of painful disquietude, unable to realise the presence of her Saviour, and harassed with the fiery darts of **the great Enemy**... Thanks be to God for His gracious help! In this case, as in innumerable others, the sword of the Spirit prevailed (BNC).*

Выводы

Подводя итоги наших наблюдений, приходим к выводу, что многие фразеологизмы, которые считаются библейскими, в тексте Библии не всегда фигурировали в такой же форме, в которой они используются в настоящее время.

Разные причины повлияли на возникновение вариантов библейских фразеологизмов. Исследование показывает, что приобретенные варианты библейских фразеологизмов подвергаются рубрикации на различные виды по степени участия в варьировании тех или иных компонентов их структуры, как то: лексические (субстантивные, глагольные, адъективные), грамматические, синтаксические и количественные варианты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горохова А. М. Репрезентация британского национального характера в паремииологическом фонде английского языка. Москва: ФЛИНТА, 2020. 208 с.
2. Кунин А. В. Английская фразеология: Теоретический курс. Москва: ВШ, 1970. 344 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: ВШ, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

4. Мелерович А. М. К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции // Вопросы русского языка: Проблемы лексики и синтаксиса. Ярославль, 1976. Вып. XI. С. 46-55.

5. Федуленкова Т. Н. Квантитативно-усеченные дериваты коммуникативных фразеологических единиц современного английского языка // Филология и культура. Тамбов: Тамбов. гос. пед. ун-т им. Г. Р. Державина, 2001. Ч. 1. С. 139-143.

6. Федуленкова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков. Москва: Изд. Дом Академии Естествознания, 2018. 220 с.

7. Fedulenkova T. Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains // EUROPHRAS 2015: Computerized and Corpus-based Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives / Eds. Pastor G.P., Castro M.B., Gutierrez R. Malaga, 2015. Pp. 229-301.

8. Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008. Arkhangelsk; Aarhus, 2009. Pp. 42-54.

9. Khostay I. S., Elfimova K. S., Fedulenkova T. N. Phraseological nomination: complex meaning transference // Linguo-Prophy: Proceedings of International conference. Vladimir: Vladimirsky Humanitarian Un-t., 2010. P. 77-81.

10. Naciscione A. Phraseological Units in Literary Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. 283 p.

11. Naciscione A. Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 292 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ayto J. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford: Oxford University Press, 2010. 408 p.

2. Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Oxford: Oxford University Press, 2000. Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms. 685 p.

3. Gulland D. M., Hinds-Howell D. G. The Penguin Dictionary of English Idioms. Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1994. 305 p.

4. Warren H. Oxford Learner's Dictionary of English Idioms. Oxford: Oxford University Press, 1997. 334 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BNC: British National Corpus. Доступ: <https://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 17.01.2020).

2. King James Bible. [1769] 2017. King James Bible Online. (Original work published 1769). Доступ: <https://www.kingjamesbibleonline.org>. (дата обращения: 17.01.2020).

REFERENCES

1. Gorohova, A. M. (2020). *Reprezentatsiya britanskogo natsionalnogo kharaktera v paremiologicheskoy fonde angliyskogo yazyka* [Presentation of British national character in the Paremiological Fund of English]. Moskva: FLINTA. (In Russ.).

2. Kunin, A. V. (1970). *Angliyskaya frazeologiya: Teoreticheskiy kurs* [English phraseology: Theoretical course]. Moskva: VSh. (In Russ.).

3. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [A Course of phraseology of modern English]. Moskva: VSh, Dubna: Izd. tsentr «Feniks». (In Russ.).

4. Melerovich, A. M. (1976). К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции [To the question of linguistic forms of expression of phraseological abstraction]. In *Voprosy russkogo yazyka: Problemy leksiki i sintaksisa*. Yaroslavl. Vyp. XI. Pp. 46-55. (In Russ.).

5. Fedulenkova, T. N. (2001). Kvantitativno-usechennye derivaty kommunikativnykh frazeologicheskikh edinit sovremennogo angliyskogo yazyka [Quantum-truncated derivatives of communicative phraseological units of modern English]. In *Filologiya i kultura*. Tambov: Tambov. gos. ped. un-t im. G. R. Derzhavina. Ch. 1. S. 139-143. (In Russ.).

6. Fedulenkova, T. N. (2018). *Sopostavitelnaya frazeologiya angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [Comparative phraseology of English, German and Swedish]. Moskva: Izdatelskiy Dom Akademii Estestvoznaniya. (In Russ.).

7. Fedulenkova, T. (2015). Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains. In Pastor G.P., Castro M.B., Gutierrez R. (eds.) *EUROPHRAS 2015: Computerized and Corpus-based Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives*. Malaga. Pp. 229-301.

8. Fedulenkova, T. (2009). Phraseological Abstraction. In T. Fedulenkova (ed.) *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008*. Arkhangelsk; Aarhus. Pp. 42-54.

9. Khostay, I. S., Elfimova, K. S., Fedulenkova, T. N. (2010). Phraseological nomination: complex meaning transference. In *Linguo-Prophy: Proceedings of International conference*. Vladimir: Vladimirsky Humanitarian Un-t. P. 77-81.

10. Naciscione, A. (2001). *Phraseological Units in Literary Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga: Latvian Academy of Culture. 283 p.

11. Naciscione, A. (2010). *Stylistic use of phraseological units in discourse*. Amsterdam: John Benjamins. 292 p

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Ayto, J. (2010). *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press.
2. Cowie, A. P., Mackin, R., McCaig, I. R. (2000). *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English*. Oxford: Oxford University Press. Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms.
3. Gulland, D. M., Hinds-Howell, D. G. (1994). *The Penguin Dictionary of English Idioms*. Harmondsworth: Penguin Books Ltd.
4. Warren, H. (1997). *Oxford Learner's Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BNC: British National Corpus. Available at: <https://www.natcorp.ox.ac.uk>. (accessed: 17.01.2020).
2. King James Bible. [1769] 2017. King James Bible Online. (Original work published 1769). Available at: <https://www.kingjamesbibleonline.org>. (accessed: 17.01.2020).

Федуленкова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, член-корр. РАН, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации (e-mail: fedulenkova@list.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых» 600026, Владимир, Горького, 87

Fedulenkova Tatiana N. – Doctor of Philology, RANS Corr. Member, Professor of the Foreign Languages of Professional Communication Department (e-mail: fedulenkova@list.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Vladimir State University named after the Stoletov brothers» 87, Gorkogo st., Vladimir, 600026

Поступила в редакцию 10 апреля 2020 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42: 811.133.1

© 2020 И. Г. Тамразова

РЕЧЕВАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: ЭРИСТИЧЕСКАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ И ИМИДЖ ПОЛИТИКА

В статье на материале французского медиадискурса рассматриваются малоизученные языковые механизмы создания политического имиджа – цитации речи политиков – воспроизведение их не вполне удачных, с точки зрения широкой аудитории, квазиафоризмов и малапропизмов, становящихся политическими «мемами» во французском пространстве массовой коммуникации.

Ключевые слова: малапропизмы, политический имидж, речевая персонология, меморизация речевого имиджа.

© 2020 I. G. Tamrazova

SPEECH PERSONOLOGY: ERISTIC TONALITY AND IMAGE OF A POLITICIAN

The article examines little-studied linguistic mechanisms for creating the political image – citations of politicians' speeches – reproduction of their not quite successful from a wide audience's point of view quasi aphorisms and malapropisms becoming political «memes» in the French media space.

Key words: malapropisms, political image, speech personology, memorization of speech image.

В отличие от исследующих языковую личность (ЯЛ) лингвистической [Ляпон, 1995] и лингвополитической [Ухова, 2016] персонологии, под обыденной *речевой персонологией* нами понимается делокутивные («от речи») [Тамразова, 2017] характеристики *речевых персонажей*, в частности политиков, бытующие в форме *цитат* в обыденной коммуникации и квазиафоризмов-«мемов» в средствах массовой коммуникации (СМИ, Интернет и др.). Редуцированные в речевой форме – цитате – косвенные и имплицитные характеристики ЯЛ политика закрепляются в обыденно-политической коммуникации [Голев, 2011] и тиражируются благодаря механизму меметического заражения [Чернявская, 2006] в форме «*малапропизмов*» (от фр. *mal à propos*) [Попова, 2019]. Меморизируемые высказывания политиков (по-французски окрестили их «фразочками» – *petites phrases*), эристичные и трансгрессивные, как с точки зрения логики и нормы языка, так и оценки обществом их релевантности [Там же].

Особенностью обыденной речевой персонологии является её *эристический* характер [Тамразова, 2019]. Под эристическим в речи нами понимается трансгрессивные формы

порождения и интерпретации высказывания, нарушающие нормативность – речезыковые и поведенческие, межличностные – правила и каноны коммуникации. В основе эристического высказывания лежит ингерентное (внутреннее) и /или адгерентное (внешнее) противоречие на уровне формы и /или содержания высказывания. Исходя из инвариантной интенциональности эристических речевых проявлений (спор, ирония, сарказм, насмешка, провокация и т. д.), такая речевая стратегия направлена на дискредитацию субъекта-адресата. При эристической интерпретации происходит *дискредитация источника* высказывания на первичном – ингерентном (внутреннее неприятие, идиосинкразия) и вторичном – адгерентном (комментарии, публичная оценка) уровнях восприятия персонального высказывания (речи, речевого поведения).

Таким образом, необходимо различать эристическую интенциональность *говорящего* (цель высказывания) и эристическую интенциональность *интерпретатора* (эффект высказывания), основанную на «эпистемической бдительности» [Sperber, 2013] – недоверии либо идиосинкразии по отношению к источнику высказывания.

Под эту схему подпадает феномен политических малапропизмов, проявляющий в самом общем своем функционале идиосинкразию и «эпистемическую бдительность» как внутри политического класса, так и в отношениях политического класса и гражданского общества, воспроизводимых, как правило, средствами массовой коммуникации. Эти так называемые «перлы» политических акторов актуальны как во Франции, так и в России, Америке и т. д., как внутри политического класса, так и еще в большей степени в коммуникативном (медийном) пространстве гражданского общества. Наряду с гелотогенной функцией «бушизмов» и «черномырдинок» [Попова, 2019] в политической и обыденной коммуникации периодически возникают обсуждения новых высказываний, которые далеко не всегда имеют исключительно смехопорождающий функционал. Заглядывая в историю, отметим, что знаменитое путинское «мочить в сортире» – эмоциональное высказывание в серьезном и трагическом контексте борьбы с терроризмом, – только став мемом, кажется сегодня забавным благодаря своей эристичной – не только по содержанию, но и по форме – интенциональности. Эта маркированная форма выражения эристической интенциональности приобрела *релевантность* как сильная имиджевая характеристика политического лидера. Поэтому, говоря о гелотогенности рассматриваемого материала, следует помнить, что афористическая меморизация имеет свое жанровое измерение: её функционал – это прежде всего личностная оценочная «дейктизация», прагматическая указательная функция, маркирующая тот или иной политический персонаж. Очень часто такая индексальность получает отрицательную коннотацию.

Сегодня французы обсуждают «лексикон» президента Э. Макрона. Его речевая эристика («*Je ne céderai rien aux fainéants, cyniques, extrémistes*» [Figaro, 2017] – *Я не уступлю ни лентяям, ни циникам, ни экстремистам*») послужила поводом для многочисленных обвинений в оскорблении французского народа («*fainéants* – лентяи») и слева, и справа (**Martine Aubry**: «*Les français sont des fainéants! Quel mépris, quelle ignorance !*» – *Французы – лентяи ! Какое презрение и какое невежество!* **Marine le Pen** : «*Gramsci disait «Le vieux monde se meurt, le nouveau tarde à apparaître, et dans les claires obscures surgissent les monstres». Nous y sommes*» – *Граммши говорил: «Старый мир умирает, новый мир не спешит рождаться, и в этом безвременье появляются монстры. Вот к этому мы и пришли*»). Хотя сам президент объяснил, что «имел в виду всех тех, кто мешает реформам во Франции» [Idem].

Будучи министром экономики, Макрон запустил еще один «мем» своей фразой, адресованной безработным: «*Le meilleur moyen de se payer un costard, c'est de travailler*» – «*Лучший способ купить костюм – работать*», за что получил характеристику «незрелого политика» [Figaro 2015]. С тех пор «высокомерие» становится главной медийной чертой Макрона, который получает прозвище «Юпитер» («*Jupiter planète gazeuse*») и хэштеги #*Costardgate* (*Костюмгейт* по аналогии с Уотергейтом) и #*UnTshirtpourMacron* (*МайкадляМакрона*). Эристический дискурс СМИ в адрес президента Макрона по поводу его высказываний выходит на первые полосы газет и новостных, и аналитических телепередач. Эристическими личностными дейктиками являются субстандартные апеллятивы – прозвища, чрезвычайно распространенные во французской политической коммуникации. Эристемы-мемы Макрона могут составить небольшой сборник «макронизмов», в частности, высказывание (Дания, июнь 2018), в котором он сравнивает лютеранцев-датчан (*peuple luthérien*), открытых к преобразованиям, с «галлами, сопротивляющимися переменам» («*Gaulois réfractaires au changement*»). Эта ирония была расценена большинством французов как «высокомерная и презрительная» («*Les «Gaulois» vont se faire un plaisir de répondre à son arrogance et à son mépris!*» – *Marine Le Pen* [Le Monde] – «*«Галлы» припомнят ему это презрение и высокомерие*» – *Марин Ле Пен*). Пророчество сбылось той же осенью – «Галлы» надели «жёлтые жилеты».

С другой стороны, совершенно понятно, что высказанная Макроном (само)ирония не являлась ни надменной, ни агрессивной. Наоборот, она могла бы быть интерпретирована как подчеркивающая (эвоцирующая) *упорство галлов* времен Римской Империи («Астерикс и Обеликс») или немецкой оккупации (Сопротивление), вошедшее в легенды. Но эти *эвокации* остались нереализованными. Контекстуально слова Макрона в присутствии датской королевы прозвучали неуместно (нерелевантно), так как нарушили один из постулатов

общения – «не принижай себя перед посторонними» (ср. [Попова, 2019]). Самоирония предполагает *взаимную эмпатию* со стороны адресата, которой, к сожалению, Э. Макрон не может похвастаться: его высказывания, увы, получают *эристическую интерпретацию* (что связано с интенциональной и психологической «установкой» его аудитории).

Реплика, вырванная из контекста, становится поводом для серьёзной медийной эристики и дискредитации имиджа президента со стороны оппозиции.

«Высокомерие» становится главной медийной чертой Макрона, который получает прозвище «Юпитер» («*Jupiter planète gazeuse*»). Э. Макрону даже пришлось извиниться перед французами в телеобращении в разгар «восстания» «желтых жилетов». Кстати, сами эти манифестации вызвали реакцию, подтверждающую тезис о мифологизации дистантной эристики. Многие иностранцы – в основном туристы, находящиеся в Париже, – говорили журналистам: «Вот молодцы, французы! Показали своим правителям!», глядя на разбитые витрины, изуродованные барельефы Триумфальной арки. Но здесь речь идет уже не об эристике как таковой, а об агрессии и не только речевой. С другой стороны, одна из представительниц самих желтых жилетов в интервью *Russia Today* заявила о слабости французского президента и пожалела о том, что «во Франции нет такого президента, как Путин» [Russian RT].

Во французском медиа-сообществе меморизация политических перлов приобретает характер национальной медиа-игры. На сайте Французского Пресс-клуба [Press Club de France] можно найти результаты ежегодного (начиная с 2002 г.) конкурса «Юмор и политика» (*Humour et Politique*) на лучший политический «афоризм» – фразу политика, произвольно или произвольно ставшую юмористическим мемом. В первом туре года лидируют такие «фразочки», как высказывание Э. Мореля о генеральном секретаре социалистической партии О. Форэ: *Pour savoir où est Olivier Faure, suivez les sifflets – Если вы хотите знать, где выступает Оливье Фор, идите на свист публики* (Emmanuel Maurel); в номинации «La plus belle flagornerie en macronie» («Лучшая лесть в макронизмах») лидирует Бернар Кушнер: *Macron est une fierté pour le monde – Макрон – это гордость мира* (Bernard Kouchner), хотя ирония и сарказм в адрес *Юпитера* неиссякаемы: *La méthode Macron c'est un peu «je pense donc tu suis» – Метод руководства Макрона – это что-то вроде «я мыслю, следовательно ты исполняешь»* (игра с омоформами глаголов *существовать* и *исполнять*) [Pascal Pavageau].

Подведем итог. В основе меморизации (идиоматизации) малапропизмов лежит эристическая трансгрессия – парадоксальный блендинг противоречивых концептуальных репрезентаций на уровне речезыковой (в том числе и функционально-стилистической) формы либо на уровне содержательном (логическом, лексико-семантическом,

энциклопедическом, актуально-политическом). На определенном синхроническом срезе они попадают в паремический фонд языкового узуса в качестве авторских фразеологизмов (*Хотелось, как лучше, а получилось, как всегда; никогда такого не было, и вот опять; мочить в сортире; денег нет, но вы держитесь* и т. д.). Само их существование в качестве мемов-паремий представляется нам маркером отношения гражданского общества к политическому классу. Как и в случае с политическими прозвищами, частотность и количество таких афоризмов свидетельствует о релевантности агональной, эристической модальности в социуме, опирающейся и на его этнокультурные и этнопсихологические черты.

Здесь мы подходим еще к одной дилемме эристического имиджа. То, что не прощается или кажется грубым, нетактичным, неэтичным, даже аморальным в обыденном общении, в реальной межличностной коммуникации «здесь и сейчас», – может восприниматься нормально и даже с восторгом, если речь идет о **ДИСТАНТНОМ** – во времени, в пространстве, в социальной иерархии, в другой семье, в другой стране / культуре и т. д. – когда речь идет о **дистантном мифологизированном персонаже**. Медийность – это и есть мифологизация, с одной стороны, а с другой – медийным в концептуальном смысле становится любой человек, **если мы о нем говорим**. Одним из признаков медийной мифологизации является **делокутивность в её широком понимании**. Поэтому одним из **главных инструментов в анализе имиджа** является персональная афористика или, проще, – персональная **цитация**. Делокутивность становится оценочной характеристикой медийного персонажа, меморизация его дискурса в виде «мемов» и составляет его «медийный ресурс» – имидж, превращающий личность в **КОНЦЕПТ**, поскольку восприятие эристического персонажа проходит три стадии: перцепции (физического восприятия персонажа), концептуальной репрезентации (определения качеств персонажа, их оценка и обобщение) и **метарепрезентации** как формулирования сложившегося своего или чужого мнения, выражаемого в суждении. В современном обществе, превращающемся в одну большую медиа-среду, метарепрезентации подменяют собой репрезентацию, а иногда и перцепцию.

Эристика как свойство эмоционального интеллекта и как речевая стратегия амбивалентна и неоднозначно важна для формирования имиджа. Проявления эристического могут стать частью харизмы и сделать образ лидера непосредственным, эмоциональным, остроумным, подчеркнуть чувство юмора в эвкативных речевых актах-эристемах. Отсутствие эристической харизмы делает имидж пресным, плоским и неинтересным. Но это обоюдоострое оружие, которое может превратиться и в медийную гильотину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2011. С. 66-68.
2. Ляпон М. В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 311-317.
3. Попова Г. Е. Релевантность персонального дискурса в политике // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал. Донецк: ДонНУ, 2019. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). С. 93-99.
4. Тамразова И. Г. Стереотипность делокутивов. Фразеорефлексы // *Общественные науки*. 2017. № 1. С. 278-285.
5. Тамразова И. Г. Эристика как «политическое поведение» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*: научный журнал. Донецк: ДонНУ, 2019. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). С. 100-107.
6. Ухова Л. В. Модель описания языковой личности медиаперсоны // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». 2016. Т. 2. № 1 (7). Доступ: <https://globalf5.com/Zhurnaly/Yazykoznanie-Lingvistika/NR-Lingvist/vypusk-2016-1>. (дата обращения: 25.10.2019).
7. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. Москва: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
8. Figaro-2015. Une petite phrase d'Emmanuel Macron sur les « milliardaires » consterne à sa gauche. 7.01.2015. Доступ: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/01/07/25002-20150107ARTFIG00070-une-petite-phrase-d-emmanuel-macron-sur-les-milliardaires-consterne-a-sa-gauche.php>. (дата обращения: 02.11.2019).
9. Figaro-2017. «Illettrés», «fainéants», «bordel» ... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron. 5.10.2017. Доступ: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005>. (дата обращения: 02.11.2019).
10. Sperber D. Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian // *Episteme*. 2013. № 10 (1). P. 61-71.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Le Monde. «Gaulois réfractaires»: critiqué pour ses propos, Emmanuel Macron plaide «l'humour». Доступ: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/article/2018/08/29/emmanuel-macron-compare-les-francais-a-des-gaulois-refractaires-au-changement_5347766_5008430.html. (дата обращения: 11.10.2019).
2. Pascal Pavageau. «La méthode Macron, c'est un peu «je pense donc tu suis»». Доступ: <https://www.force-ouvriere.fr/pascal-pavageau-la-methode-macron-c-est-un-peu-je-pense-donc-tu?lang=fr>. (дата обращения: 15.10.2019).
3. Press Club de France. Доступ: <https://pressclub.fr>. (дата обращения: 15.10.2019).
4. Russian RT. Доступ: <https://russian.rt.com/world/article-makron-rt>. (дата обращения: 11.10.2019).

REFERENCES

1. Golev, N. D. (2011). Obydennaya lingvopolitologiya: problemy i perspektivy [Ordinary linguistics: problems and perspectives] In *Sovremennaya politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg. Pp. 66-68. (In Russ.).
2. Lyapon, M. V. (1995). Yazykovaya lichnost: poisk dominanty [Linguistic personality: the search for the dominant]. In *Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost*. Moskva. Pp. 311-317. (In Russ.).

3. Popova, G. E. (2019). Relevantnost personalnogo diskursa v politike [Relevance of personal discourse in politics] In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 15. Vyp. 1-2 (43-44). Pp. 93-99. (In Russ.).

4. Tamrazova, I. G. (2017). Stereotipnost delokutivov. Frazeorefleksy [The stereotype of delocutive. Phraseological reflexes] In *Obshchestvennye nauki*. No. 1. Pp. 278-285 (In Russ.).

5. Tamrazova, I. G. (2019). Eristika kak «politicheskoe povedenie» [Eristic as «political behavior»] In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 15. Vyp. 1-2 (43-44). Pp. 100-107. (In Russ.).

6. Ukhova, L. V. (2016). Model opisaniya yazykovoy lichnosti mediapersony [The model of description of media persons language] In *Setevoy zhurnal «Nauchnyy rezultat»*. Seriya «Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki». Vol. 2. No 1 (7). Available at: <https://globalf5.com/Zhurnaly/Yazykoznanie-Lingvistika/NR-Lingvist/vypusk-2016-1>. (accessed: 25.10.2019). (In Russ.).

7. Chernyavskaya, V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of power and power of discourse: problems of speech influence]. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).

8. Figaro (2015). Une petite phrase d'Emmanuel Macron sur les «milliardaires» consterne à sa gauche. 7.01.2015. Available at: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/01/07/25002-20150107ARTFIG00070-une-petite-phrase-d-emmanuel-macron-sur-les-milliardaires-consterne-a-sa-gauche.php>. (accessed: 02.11.2019).

9. Figaro (2017). «Illettrés», «fainéants», «bordel» ... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron. 5.10.2017. Available at: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005>. (accessed: 02.11.2019).

10. Sperber, D. (2013). Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian. In *Episteme*. No. 10 (1). Pp. 61-71.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Le Monde. «Gaulois réfractaires»: critiqué pour ses propos, Emmanuel Macron plaide «l'humour». Available at: https://www.lemonde.fr/emmanuel-macron/article/2018/08/29/emmanuel-macron-compare-les-francais-a-des-gaulois-refractaires-au-changement_5347766_5008430.html. (accessed: 11.10.2019).

2. Pascal Pavageau. «La méthode Macron, c'est un peu «je pense donc tu suis»». Available at: <https://www.force-ouvriere.fr/pascal-pavageau-la-methode-macron-c-est-un-peu-je-pense-donc-tu?lang=fr>. (accessed: 15.10.2019).

3. Press Club de France. Available at: <https://pressclub.fr>. (accessed: 15.10.2019).

4. Russian RT. Available at: <https://russian.rt.com/world/article-makron-rt>. (accessed: 11.10.2019).

Тамразова Илона Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
(e-mail: ilona999@mail.ru)
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет»
107023, г. Москва, ул. Большая Семеновская, 38

Tamrazova Ilona G. – Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Language Department
(e-mail: ilona999@mail.ru)
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University»
38, Bolshaya Semenovskaya st., Moskva, 107023

Поступила в редакцию 08 ноября 2019 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'2

© 2020 М. А. Грачев, Е. С. Рябой

ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ВНУТРЕННИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И СО СТОРОНЫ

В статье анализируется лингвистическая ситуация в Республике Молдова. Обращается внимание на многоязычие в стране: стихийное использование молдавского, румынского, русского и украинского языков, а в Гагаузии – гагаузского языка. В самопровозглашённой республике Приднестровье русский, украинский и молдавский языки получили статус государственных. Использование разных языковых средств способствует многочисленным конфликтам как на официальном, так и на бытовом уровне.

Ключевые слова: молдавский язык, русский язык, ситуация, кириллица, латиница, население, официальный, государственный, статус.

© 2020 M. A. Grachev, E. S. Ryaboy

CHANGES IN THE STATUS OF RUSSIAN IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: INTERNAL AND EXTERNAL OBSERVATIONS

The article addresses the linguistic situation in the Republic of Moldova. Attention is drawn to multilingualism in the country: the spontaneous use of Moldovan, Russian and Ukrainian, and in Gagauzia – Gagauz. In the self-proclaimed Republic of Transnistria, Russian, Ukrainian and Moldovan have received the state languages status. The use of different language means contributes to numerous conflicts both at the official and domestic level.

Key words: Moldovan language, Russian language, situation, Cyrillic, Latin, population, official, state, status.

Современная Молдова переживает кризис в языковой области уже на протяжении десятилетий. После распада Советского Союза многие позиции русского языка были заменены молдавским и даже румынским. Так, например, все официальные документы оформляются на румынском языке. Некоторые современные лингвисты считают, что «румынский» и «молдавский» являются разными названиями (лингвонимами) одного языка, в то время как иные источники молдавский язык, наряду с румынским, считают одним из восточно-романских языков. Но, как известно, Молдова как государство сформировалась раньше, чем Румыния. Во время образования Румынии в её состав вошло несколько княжеств. Существует даже теория о том, что на основе лингвистических средств данных территорий сформировался единый румынский язык, частью которого был и молдавский. Так как языки схожи между собой, возник спор о существовании молдавского языка. Цель статьи – показать изменения в лингвистической сфере Молдовы со времени распада СССР.

Начнём с того, что русский язык в Республике Молдова является средством межнационального общения. После распада СССР было предпринято несколько попыток, чтобы придать русскому языку статус официального, но, к сожалению, правительство РМ не стало решать данный вопрос. В результате появилось множество спорных языковых проблем. Например, в автономном территориальном образовании *Гагаузия* статус официального языка имеют гагаузский и русский языки. В непризнанной Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) официальными языками являются молдавский на основе кириллицы, русский и украинский. Из этого следует, что русский язык не просто популярен в Молдове, а является вторым языком, используемым в общении. Согласно опросам, 68% населения страны говорят, пишут и читают на русском языке, 18% населения говорят и читают, но пишут с ошибками на русском языке, 1% населения Молдовы совсем не знает русского языка.

Как известно, после распада СССР между Молдовой и Приднестровьем произошёл вооружённый конфликт. Народ и страна были разделены. 21 июля 1992 г. ПМР подписывает соглашение с Российской Федерацией о необходимости присутствия небольшого миротворческого контингента вооружённых сил России, который принимал участие в конфликте 1992 г. Таким образом, между Молдовой и ПМР имеются территориальные (а следовательно, политические, экономические и культурные) разделы, границы которых контролируются российскими и приднестровскими войсками. ПМР использует два государственных флага – РФ и МССР.

В ПМР большая часть населения в общении использует русский язык. Что касается молдавского языка – он является государственным, но практически не используется. Во-первых, все официальные документы ведутся на русском языке, но переводятся на молдавский и украинский. Во-вторых, в ПМР существует формальное преподавание орфографических правил молдавского языка на основе кириллицы (за исключением восьми частных школ, где языком обучения формально является румынский). В-третьих, мнение Молдавии и ПМР расходятся, так как приднестровцы считают, что язык называется молдавским, если его применяют с кириллическим алфавитом, а если язык применяется с латинским алфавитом, то он называется румынским.

Между гражданами РМ и ПМР очень редко возникают языковые конфликты, потому что это части братского народа. Простое население не хочет конфликтовать, так как в памяти хранятся воспоминания о событиях 1992 г. Более того, большая часть молдавского населения разделяет взгляды приднестровцев в отношении Румынии и России. Если говорить

о возможности объединения в единое государство, то в молдавском обществе возникают две точки зрения. С одной стороны, старшее поколение, пережившее все трудности перестройки и распада СССР, стремится к объединению территорий. С другой стороны, молодое поколение, родившееся во время или после перечисленных исторических событий, не видит смысла в воссоединении, так как для этой части населения Приднестровье и Молдова являются скорее разными государствами. Приднестровцы не хотят сближения с Молдовой (на референдуме 97,2% жителей ПМР высказались за объединение с РФ). Усугубляют сложившуюся обстановку кишинёвские власти, которые с 2009 до 2016 гг. не ведут переговоров, в том числе о языке, с Тирасполем.

На бытовом уровне между приднестровцами и молдаванами конфликты практически не случаются. Жители ПМР беспрепятственно передвигаются по территории Молдовы и наоборот. Выпускники школ обеих территорий поступают как в молдавские, так и приднестровские вузы.

Русский язык в Молдове, к огромному сожалению, совершенно не развивается. Довольно часто в школах не проводят уроки русского языка. Ситуация стала напряжённей ещё и из-за того, что с 2009 года по настоящее время в стране были закрыты десятки русскоязычных школ, а также резко сократилось количество студентов, изучающих русский язык в высших учебных заведениях. В 2018 году бывшее правительство запретило трансляцию российских новостных, информационно-аналитических и военно-патриотических программ. Всё это привело к тому, что русскоязычная часть населения почти не имеет возможности пополнять лексикон русскими словами. Русская лексика на территории современной Молдовы представляет собой совокупность русской, молдавской и украинской лексики. Поэтому очень часто граждане МР не отличают русский литературный язык от общерусского просторечия и территориальных диалектов.

Народ Молдовы за прошедшие годы уже десятки раз подписывал различные петиции, устраивал митинги у Парламента и Министерства Образования, чтобы сохранить русский язык и утвердить его как второй государственный. Но бывшее правительство РМ проигнорировало эти законные требования.

Деструктивную роль в языковом вопросе играет Михай Гимпу, исполнявший обязанности президента с 2009 по 2010 гг. и председателя либеральной партии. Из-за его разрушительной политики молдавское общество разделилось на четыре лагеря: унионистов, желающих объединения с Румынией и признания того, что Молдовы как государства не существует, как и молдавского языка; тех, кто хочет восстановления и сохранения отношений с РФ; тех, кто видит Молдову независимым государством,

сохранившим хорошие отношения со всеми странами мира; националистов, которые стремятся в Евросоюз и негативно относятся к России. Именно с его правления начинается закрытие русских школ, ущемление в правах русскоязычных граждан. Политик нередко грубо выражался в отношении русской части населения. Одной из его самых известных фраз при упоминании русских и их языка является: «Чемодан. Вокзал. Россия».

В этот период набирает особую популярность унионизм, т.е. общественное движение, которое стремится к объединению с Румынией. Унионисты в основном проживают в Кишинёве, в других частях страны это движение есть, но оно не такое активное как в столице. Представители унионистского движения устраивали в Кишинёве различные митинги в пользу проведения референдума об объединении с Румынией. Также они пропагандировали тезис о том, что Россия – это зло и все, кто хочет сохранить отношения с РФ, пусть уезжают из Молдовы. Граждане стараются обходить данную группу людей, так как очень часто русскоязычные жители подвергаются физическому насилию и словесным оскорблениям.

На севере Молдовы расположено село, жители которого негативно настроены по отношению к России. Уже сам разговор на русском языке их приводит в бешенство, а русскоговорящий рискует получить членовредительство.

В РМ существует прорумынская часть населения, так называемые националисты, которая не согласна со взглядами унионистов, но считает, что русскоязычные граждане должны перестать разговаривать на русском, так как они проживают в Республике Молдова и должны знать румынский, государственный, по их мнению, язык. К счастью, таких людей немного. Однако на бытовом уровне иногда возникают конфликты: так, например, в магазине продавец отказывается обслуживать покупателя, если последний разговаривает на русском языке.

Что касается Румынии, то не все граждане этой страны хотят объединиться с Молдовой, но считают, что молдавского языка не существует. К жителями РМ румыны относятся как к людям второго сорта, они не раз говорили об этом во время покупок в приграничных городах Молдовы. В их речи присутствуют грубость и приказной тон по отношению к молдаванам.

Начиная с 2016 г. президент Республики Молдова, И. Н. Додон, ведёт активную политику по восстановлению отношений с Российской Федерацией. В 2018 году во главе с президентом Молдова стала наблюдателем в Евразийском экономическом союзе. Это

способствует не только экономическому развитию и сближению с РФ, но, что особенно важно, языковому сближению. Президент защищает русскоязычную часть населения.

Партия социалистов Республики Молдовы (ПСРМ), которую до 2016 г. возглавлял И. Н. Додон, ведёт активную политику в отношении сохранения русской культуры в Молдове. Бывшая проевропейская власть в 2018 г. сняла с русского статус языка межнационального общения. ПСРМ вместе с народом выходили на митинги у государственных учреждений в надежде вразумить власть. Митинги также проходили на центральных площадях городов Бельцы и Кишинёва. По словам председателя партии Зинаиды Гречаный, «Партия социалистов выступает против дискриминации по языку собственных граждан и считает манипуляции в отношении русского языка прямой угрозой для социально-политической стабильности и внутренней безопасности Республики Молдова, а также фактором, угрожающим существованию нашего многонационального государства. Русский язык должен оставаться языком межнационального общения на всей территории Республики Молдова. Партия социалистов поддержала требования участников митингов, которые выступают за: безусловное право родителей на выбор языка обучения для своих детей на территории Молдовы; право каждого гражданина Республики Молдова подавать обращение в государственные органы и получать ответ на государственном языке, либо на русском языке как языке межнационального общения; право на перевод любого официального документа либо официального Интернет-ресурса на русский язык; право на дублирование на русском языке указаний врачей и инструкций к лекарственным препаратам».

«Болгары, гагаузы, украинцы – это около 500 тысяч человек, которые говорят на русском языке. Это сотни школ, медицина, бизнес – многие вещи, которые являются частью этого общества. Ломать эту систему – абсолютная глупость, политический примитивизм и преступление против общества», – говорит депутат парламента от Партии социалистов Влад Батрынча.

В Республике Молдова северная столица, город Бельцы, считается русским городом. Примерно 80% горожан разговаривают на русском языке и считают его своим родным. По мнению горожан, если русский язык, как добиваются того проевропейские и прорумынские партии, исчезнет из Молдовы, то исчезнет часть культуры, и страна потеряет существенную часть граждан, которые будут вынуждены покинуть государство. В связи с этим несколько лет назад бельцкие власти выдвинули условие, что если реформа о ликвидации русского языка будет приведена в действие, тогда г. Бельцы станет автономной республикой.

В Республике Молдова после распада СССР утвердился румынский язык как государственный, но который не закреплён в Конституции. Вопрос о государственном языке не решён и по сегодняшний день. Румынизация является следствием кризиса обретения независимости Молдовой и десятилетнего режима правления либералов и демократов. Поэтому все мировые новости приходят преимущественно на румынском языке.

Примерно 70% населения Молдовы выступает за сохранение русского языка и придания ему статуса государственного. Стоит отметить, что большая часть молдаван, уезжающих на заработки, работают именно в РФ. У молдавского народа общая с русскими гражданами история и культура.

Достаточно вспомнить, что особенно популярным русский язык становится в 1820–1823 гг. Именно в Молдавии А. С. Пушкин проводит три года своей южной ссылки. Здесь поэт пишет знаменитые произведения «Цыгане», «Кавказский пленник» и др. В 1823 г. в Кишинёве Пушкин пишет первые строки знаменитого романа в стихах «Евгений Онегин». Пушкинисты утверждают, что поэт за это время очень полюбил молдавский народ, природу и даже изучал молдавский язык.

С развитием общества, изменением истории, появляются новые слова и уходят в прошлое старые. Молдавский народ всегда был прочно связан со своей историей, поэтому даже сейчас многие слова не вышли из обихода. С одной стороны, это связано с привычкой использования устарелых слов и отказа от новых. С другой стороны, русский язык на территории современной Молдовы практически не развивается. Последнее связано с политической обстановкой в стране и усиленным давлением на русскоязычных граждан. Также это связано с тем, что бывшее правительство вело активную политику по воссоединению с Румынией, которая является противницей России в сфере влияния на молдавское общество.

Несмотря на улучшение отношений с Российской Федерацией, родственные связи, под влиянием западных СМИ и из-за отсутствия альтернативной информации, для существенной части общества Россия является источником зла. Это является следствием того, что молдавский народ лишают своей истории (в школах изучается история Румынии), а это значит, что молодое поколение не знает ничего о том, что связывает Россию и Молдову. Особенно это характерно для национальных школ (обучение в них ведётся на румынском языке), в которых пропагандируется активная политика объединения с Румынией. В таких школах проводились уроки русского языка, начиная с пятого класса. Несколько лет назад Министерство образования РМ пыталось вытеснить

русский язык из программы обучения в национальных школах, но родители были против этого и подписывали петиции за сохранение занятий по русскому языку. Тогда Министерство прислушалось к мнению родителей, но с 2018 г. Министерство Образования выдвинуло предложение о том, чтобы родители самостоятельно выбирали, какой иностранный язык изучать их ребёнку – русский или английский. Родители обеспокоены данной реформой, которая пока ещё не вошла в силу. Существенных изменений в программе русскоязычных школ Министерство образования не обещает, но родители всерьёз обеспокоены, так как количество часов, отведённых на изучение русского языка, снизилось, и качество преподавания ухудшилось.

В настоящее время большей частью молдавского населения являются пожилые граждане. Они положительно настроены по отношению к РФ и не видят другого, лучшего, пути для развития страны.

Народ Молдовы надеется, что с новой властью удастся расширить отношения с Россией во всех областях. Несмотря на пройденный тернистый путь, жители Молдовы верят, что экономическая, политическая и социальная жизнь улучшится. А это значит, что сохранится культурное наследие, произойдёт воссоединение семей и прекратится гонение русскоязычных граждан со стороны проевропейских и прорумынских партий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В лабиринтах самоопределения. Том 1. Этническая мобилизация национальных меньшинств. Сост.: Е.М. Губогло. Москва: ЦИМО, 2003. 423 с.
2. Вне России. Сборник научных статей о русских и русской культуре Молдовы. Кишинев, 1997. 232 с.
3. История и культура гагаузов. Очерки. Кишинев. Понтос, 2006. 740 с.
4. История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, испр. и доп. Кишинев, 2002. 336 с.
5. Млечко Т. П. Местные русские: особенности этнического состояния // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция: Истоки. Факторы. Горизонты. Материалы научно-практической конференции. Кишинев, 1999. С. 32-34.
6. Млечко Т. П. Особенности функционирования, состояния и изучения русского языка в Молдове // Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Братислава, 1999. С. 119.
7. Млечко Т. П. Русско-национальное двуязычие в полиэтничной Республике Молдова // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии Наук РМ. Кишинев, 2000. Т. 1. С. 106-114.
8. Николаев Д. М., Донцов П. А. Кто защитит тебя, русская речь? Кишинёв: Изд-во «SRL Grafik-Design», 2010. 160 с.
9. Русские Молдовы: история, язык, культура. Кишинев: «Инконком», 1994. 214 с.
10. Русские в новом Зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах. Москва, 1996. 200 с.
11. Славянские культуры в инациональной среде. Кишинев, 1995. 240 с.
12. Феномен Приднестровья. 2 изд., перераб. и доп. Кишинев. РИО ПГУ, 2003. 336 с.

13. Шорников П. Національна політика Республіки Молдова на сучасному етапі // Єврорегіони: потенціал міжетнічної гармонізації. Зб. наукових праць. Чернівці: Букрек., 2004. С. 140-155.

REFERENCES

1. *V labirintakh samoopredeleniya* [In the labyrinths of self-determination]. Sost.: E. M. Guboglo. Moskva: TSIMO. Vol. 1. Etnicheskaya mobilizatsiya natsionalnykh menshinstv, 2003. (In Russ.).

2. *Vne Rossii. Sbornik nauchnykh statey o russkikh i russkoy kulture Moldovy* [Outside Russia. Collection of scientific articles about Russian and Russian culture of Moldova]. Kishinev, 1997. (In Russ.).

3. *Istoriya i kultura gagauzov. Ocherki* [History and culture of the Gagauz. Essays]. Kishinev. Pontos, 2006. (In Russ.).

4. *Istoriya Respubliki Moldova s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The history of the Republic of Moldova from ancient times to the present day]. 2 izd., ispravl. i dopol. Kishinev, 2002. (In Russ.).

5. Mlechko, T. P. (1999). Mestnye russkie: osobennosti etnicheskogo sostoyaniya [Local Russians: Ethnic characteristics]. In *Etnicheskaya mobilizatsiya i mezhetnicheskaya integratsiya: Istoki. Faktory. Gorizonty*. Kishinev. Pp. 32-34. (In Russ.).

6. Mlechko, T. P. (1999). Osobennosti funktsionirovaniya, sostoyaniya i izucheniya russkogo yazyka v Moldove [Features of functioning, condition and study of the Russian language in Moldova] In *Russkiy yazyk, literatura i kultura na rubezhe vekov*. Bratislava. (In Russ.).

7. Mlechko, T. P. (2000). Russko-natsionalnoye dvuyazychie v polietnichnoy Respublike Moldova [Russian-national bilingualism in the polyethnic Republic of Moldova]. In *Ezhegodnik Instituta mezhetnicheskikh issledovaniy Akademii Nauk RM*. Kishinev. Vol. 1. Pp. 106-114. (In Russ.).

8. Nikolayev, D. M., Dontsov, P. A. (2010). *Kto zashchitit tebya, russkaya rech?* [Who will defend you, Russian speech?] Kishinev: Izd-vo «SRL Grafik-Design». (In Russ.).

9. *Russkiye Moldovy: istoriya, yazyk, kultura* [Russian Moldova: History, language, culture. Materials of the international scientific and practical conference]. Kishinev: «Inkonkom», 1994. (In Russ.).

10. *Russkiye v novom Zarubezhye: itogi etnosotsiologicheskogo issledovaniya v tsifrakh* [Russians in the New Abroad: The results of ethno-sociological research in figures]. Moskva, 1996. (In Russ.).

11. *Slavyanskije kultury v inonatsionalnoy srede* [Slavic cultures in a foreign environment]. Kishinev, 1995. (In Russ.).

12. *Fenomen Pridnestrovyia*. [Phenomenon of Transdnistria]. 2 izd., pererabot. i dopoln. Kishinev. RIO PGU, 2003. (In Russ.).

13. Shornykov, P. (2004). Natsionalna polityka Respubliki Moldova na suchasnomu etapi [National policy of the Republic of Moldova at the present stage]. In *Evroregiony: potentsial mizhetnichnoyi harmonizatsiyi*. Chernivtsi: Bukrek. Pp. 140-155. (In Ukr.).

Грачев Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации (e-mail: ma-grachev@mail.ru), Нижегородский государственный лингвистический университет

Grachev Mihail A. – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Philology, Foreign Literature and Intercultural Communication Department (e-mail: ma-grachev@mail.ru), Linguistics University of Nizhny Novgorod 31A, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155

*им. Н. А. Добролюбова
603155, ул. Минина, 31А, Нижний Новгород,
Нижегородская обл.*

Рябой Екатерина Сергеевна – студент
кафедры русской филологии, зарубежной
литературы и межкультурной коммуникации
(*e-mail: kr28.1999@gmail.com*),
Нижегородский государственный
лингвистический университет
*им. Н. А. Добролюбова
603155, ул. Минина, 31А, Нижний Новгород,
Нижегородская обл.*

Ryaboy Ekaterina S. – Student of the Russian
Philology, Foreign Literature and Intercultural
Communication Department
(*e-mail: kr28.1999@gmail.com*),
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31A, Minina st., Nizhny Novgorod, 603155

Поступила в редакцию 26 ноября 2019 г.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена анализу способов выражения участников каузативной ситуации смены эмоционального состояния в английском и русском языках. Выделены базовые глаголы, формирующие ядро каузативной конструкции, проанализированы признаки одушевленности / неодушевленности каузатора и объекта каузации, рассмотрены главные черты консеквента в ситуациях каузирования смены эмоционального состояния.

Ключевые слова: *антецедент, каузатор, каузативная конструкция, каузативная ситуация, консеквент, объект каузации*

© 2020 P. K. Lipanova

REPRESENTATION OF ELEMENTS OF CAUSATION SITUATION IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article is devoted to the analysis of the ways of expressing the participants in the causative situation of changing the emotional state in English and Russian. The basic verbs that form the core of the causative structure are highlighted, the features of animacy / inanimacy of the causator and the causation object are analyzed, the main features of the consequent in situations of causation of changing the emotional state are considered.

Key words: *antecedent, causator, causative construction, causative situation, consequent, object of causation.*

1. Введение

В центре настоящего исследования лежит явление каузативной ситуации, которая рассматривается как макроситуация, состоящая из двух микроситуаций – каузирующей (антецедента) и каузируемой (консеквента), связанных между собой отношением каузации. Каузативная ситуация (КС) строится по следующей модели: $R_i - K - R_j - S_j$, где R_i – каузатор, K – оператор каузации, выраженный каузативной конструкцией или каузативным глаголом, R_j – объект каузации, S_j – консеквент, т.е. некое эмоциональное состояние [Недялков, Сильницкий 1969: 6-7].

Стоит отметить, что порядок участников КС не является строго фиксируемым и может изменяться в результате трансформаций:

англ. *I felt that a Ben Johnson (R_j) made (K) angry (S_j) by a Carl Lewis (R_i) had made us all look second-rate (J. Linford) [BNC].* ‘Я чувствовал, что некий Бен Джонсон, рассерженный каким-то Карлом Льюисом, заставлял нас всех выглядеть второсортными’. Так, в данном примере можно наблюдать инверсию элементов каузативной ситуации, выраженную через пассивную конструкцию: объект каузации *Ben Johnson* (Бен Джонсон) стоит перед

каузирующим глаголом-связкой *made* (заставлял) и консеквентом *angry* (рассерженный), а каузатор ситуации *Carl Lewis* (Карл Льюис) указан в последнюю очередь.

Объектом данного исследования служат каузативные конструкции (КК), передающие ситуацию каузирования эмоционального состояния у объекта каузации.

Предметом выступают лексические, грамматические и синтаксические способы выражения участников каузативной ситуации.

Целью данного исследования является установление способов выражения участников КС, приводящих к смене эмоционального состояния объекта каузации.

Материалом данного исследования послужили предложения, содержащие в своем ядре семантическую ситуацию каузирования эмоционального состояния, взятые из национальных корпусов английского и русского языков.

2. Основные способы передачи элементов ситуации каузирования эмоционального состояния в английском и русском языках

2.1. Способы репрезентации оператора каузации (К). Объектом данной части исследования послужили конструкции, в которых позицию оператора каузации (глагола, осуществляющего процесс каузации) К выполняют глаголы в английском языке *to make* ‘заставлять’, *to cause* ‘причинять’, *to force* ‘вынуждать’, *to get* ‘позволять’ и др., а в русском языке *вынуждать*, *вызывать*, *заставлять* и др.

Как показывает проведенное исследование, наиболее продуктивным глаголом, формирующим КК, является глагол *to make* ‘заставлять’ в английском и *заставлять*. Это может объясняться тем фактом, что сам по себе глагол *to make* выражает значение конкретного воздействия на объект [Бессонов, 2019: 56]: англ. *It made me sad to read, that five entire families from her street numbered among the dead (E. Blair) [BNC]*. ‘Грустно было видеть имена целых пяти семей с ее улицы в списке погибших’; рус. *Её ответ заставил меня загрустить [БТС]*.

Некоторые ученые утверждают, что неотъемлемо деятельностный характер глагола *to make* в английском языке обуславливает возможность замены в предложениях активных форм на пассивные [Болдырев, 1995: 95]: англ. *It made me feel uncomfortable to realise that she knew so many things about me while I was totally blind about her personality (R. Riggs) [BNC]*. ‘Осознание того, что она знала обо мне так много всего, в то время как сам я оставался в полнейшем неведении относительно ее личности, заставляло меня чувствовать себя неуютно’ [НКРЯ].

В свою очередь *get*-конструкции являются менее устойчивыми по сравнению с *make*-конструкциями, что приводит к снижению частоты их употребления [Baron, 1974: 327]:

англ. *She said he kept promising to marry her, but by mid-May she had got very frustrated that the relationship wasn't accelerating as quickly as she wanted* (A. Richardson) [BNC]. 'Она говорила, что он обещал жениться на ней, но к середине мая она была крайне раздражена тем фактом, что их отношения не развивались так быстро, как ей бы того хотелось'.

Анализ словарных дефиниций позволяет выявить специфику выражения каузативного значения глаголов в английском языке *to cause* 'причинять' и *to force* 'вынуждать', а в русском языке *вызывать* и *вынуждать*.

Глагол *to cause* 'причинять' передает нейтральное значение причинения, которое может нести как намеренный, так и ненамеренный характер со стороны каузатора [Кожокина 2015: 232]: англ. *Such a decision of yours could cause confusion among those present* (S. Rogers) [BNC]. 'Подобные решения могут сбить с толку присутствующих'; рус. *Сложно представить, что такие простые вещи вызывают столько грусти* (С. Кузнецов) [НКРЯ].

Значение глагола *to cause* трактуется как *to be the cause of* 'быть причиной' [LDC, 1992]. В ряде словарей отмечается возможность принудительной каузации: *compel by authority or force* 'принуждать властью или силой' [AHD]. Именно это объясняет высокую частоту употребления глагола при формировании КК [Карловская, 2019: 115]. Русский толковый словарь, также, подчеркивает возможную негативную коннотацию глагола *причинить* «вызвать, сделать что-л., послужить причиной чего-л. (обычно неприятного)» [ТСО].

Глагол *to force* 'принуждать' отличает сема насильственного характера каузации как в английском, так и в русском языке, что находит свое отражение в словарных дефинициях: англ. *forcefully or irresistibly* 'насильственно или непреодолимо' [MWD]; рус. *вынуждать* «заставить сделать, выполнить что-л.; принудить» [ТСО]. В ряде англоязычных словарей подчеркивается сема сопротивления со стороны объекта каузации *to cause smth to do smth they do not want by threatening them* 'заставлять кого-то делать что-то против их воли путем запугивания' [LDC, 1992; Гурин, Батицкая, 2018: 45]: англ. *His indifference forced the feeling of loneliness in her soul...* (D. Pow) [BNC]. 'Его безразличие пробуждало чувство одиночества в ее душе'; рус. *Никто не вынуждает тебя чувствовать счастье или грусть, все зависит только от тебя* (С. Кузнецов) [НКРЯ].

С точки зрения синтаксиса КК могут быть представлены целым рядом структурных форм и выступать в роли разных частей предложения:

– герундием и инфинитивом в функциях подлежащего, определения, дополнения, обстоятельства (цели, следствия, времени, образа действия и т. д.): англ. *Miss Morson was*

left to all the satisfaction of having forced him to feel miserable (S. Butler) [BNC]. ‘Мисс Морсон испытывала удовлетворение от того, что заставила его чувствовать себя подавленным’; рус. И, чтобы не злит его, она продолжала молчать на протяжении всего разговора (З. Прилепин) [НКРЯ];

– инфинитивом в функциях составного глагольного сказуемого: англ. *His next step was to make her feel happy and peacefully (J. Cain) [BNC]. ‘Его следующий шаг заключался в том, чтобы заставить ее чувствовать себя счастливой и умиротворенной’; рус. Эти странные слова заставили Николая удивиться... (П. Корнеев) [НКРЯ];*

– причастием совершенного и несовершенного вида: англ. *He had been very foolish, forcing everybody around him to become desolate (S. Butler) [BNC]. ‘Заставлять всех вокруг чувствовать себя подавленными было глупым решением с его стороны’; рус. Она знала, что он не остановился бы, заставляя ее чувствовать себя все более и более подавленной (А. Васильев) [НКРЯ].*

КК могут также употребляться в сослагательном или повелительном наклонении: англ. *If some stranger had to think about the problem in its full complexity, it would cause confusion and uncertainty in his mind and soul (J. Galsworthy) [BNC]. ‘Если бы какой-нибудь незнакомец подумал о проблеме во всем ее объеме, она привела бы его в смятение и принесла беспокойство его разуму и душе’; рус. «Заставь его пожалеть о сказанном!» [НКРЯ].*

2.2. Способы репрезентации каузатора (R_i). В роли каузатора в КС ситуации может выступать неодушевленный предмет или явление или агенс (одушевленный предмет) [Kaliuščenko, 2000: 39]. Иногда в английском языке каузатор не находит формального выражения в структурной схеме предложения: *From time to time his mistakes broke up our rhythm and it made us tired and frustrated (M. Atwood) [BNC]. ‘Время от времени он ошибался и сбивал нас с ритма, что сильно утомляло и раздражало’. It caused a lot of delight to think about forthcoming vocation (J. Carroll) [BNC]. ‘Мысли о грядущем отпуске приносили массу удовольствия’.*

Признаком одушевленности обладают каузаторы, выраженные:

– одушевленным нарицательным существительным, обозначающим лицо или животное: англ. *The king forced the villagers to feel lost and scared for their lives (D. Owens) [BNC]. ‘Король заставлял крестьян чувствовать себя потерянными и бояться за свои жизни’; рус. По непонятным причинам мужчина вызывал тревогу (А. Васильев) [НКРЯ];*

– личными и относительными местоимениями: англ. *«I will make you to feel sorry for everything you have done!» (J. Fowless) [BNC]. ‘«Я заставлю тебя пожалеть обо всем, что ты натворил!»’; рус. «Ты тревожишь меня. Почему ты молчишь?» (Л. Улицкая) [НКРЯ];*

– антропонимами: англ. *Julia was winding herself up, inciting anger from bad but unconfirmed assumptions (D. Steel)* [BNC]. ‘Джулия накручивала себя, вызывая гнев плохими, но неподтвержденными предположениями’; рус. *Мария Павловна всегда радуется моему присутствием (Л. Улицкая)* [НКРЯ];

– неопределенными и отрицательными местоимениями: англ. *And as for Cabol, he doesn't know anyone who can get so irritated in such short time (P. Graham)* [BNC]. ‘Что же касается Кабола, он не знает никого, кто так же быстро выходит из себя за такое короткое время’; рус. *«Никто не сможет успокоить меня, ничто не принесет моей душе покой!» (С. Беляков)* [НКРЯ].

Способы выражения неодушевленного каузатора более вариативны. Так, эту позицию могут занимать в первую очередь неодушевленные существительные:

– исчисляемые и неисчисляемые существительные: англ. *A simple string of pearls evoked deep joy in her (J. Conrad)* [BNC]. ‘Простая нить жемчуга пробуждала в ней глубокую радость’; рус. *Один единственный взгляд на него вызвал в ней бурю негодования (С. Самсонов)* [НКРЯ].

– отглагольные существительные: англ. *An unforeseen disassembling forced him to postpone all the matters and feel helpless (R. Silverberg)* [BNC]. ‘Непредвиденное разбирательство заставило его отложить все дела и почувствовать себя беспомощным’; рус. *Она слишком устала, и долгожданное окончание разговора вызвало в ней облегчение (М. Елизаров)* [НКРЯ].

В качестве неодушевленного каузатора могут выступать также:

– неопределенные и отрицательные местоимения: англ. *Nothing could get him really angry (T. Capote)* [BNC]. ‘Ничто не могло на самом деле вывести его из себя’; рус. *Нечто скрывалось в тенях, и это нечто вызывало первобытный страх (Ю. Михеева)* [НКРЯ];

– личные, указательные, вопросительные или относительные местоимения, замещающие неодушевленное существительное: англ. *That let them feel calm whereas the situation was getting worse (P. Graham)* [BNC]. ‘Это позволяло им сохранять спокойствие, хотя ситуация становилась все хуже’; рус. *Он прекрасно знал, что заставит ее снова радоваться жизни (Д. Литвинова)* [НКРЯ];

– герундий или инфинитивный оборот в английском языке: *Going so long without talking to you has got me sorta crazy (S. King)* [BNC]. ‘Отсутствие общения с тобой почти свело меня с ума’.

Каузатор может быть выражен не только одним словом, но и словосочетанием или даже грамматической конструкцией. Единицы, которые относятся к слову-каузатору,

могут стоять в постпозиции или препозиции к нему [Апресян, 1998: 275]. Так, препозитивными распространителями каузатора в КС могут выступать:

– качественные и относительные прилагательные: англ. *The amount of sorrow that can be caused by some vicious ignorant fool is truly unimaginable (P. Graham) [BNC]*. ‘То, сколько скорби может принести [народу] один порочный невежественный дурак, поистине трудно представить’; рус. *Хорошая книга в качестве подарка всегда радовала ее больше, чем дорогое украшение, а цветы она и вовсе не любила (А. Ильянена) [НКРЯ]*;

– притяжательные местоимения: англ. *His humorous question got the brothers confused (R. Silverberg) [BNC]*. ‘Его шуточный вопрос сбил братьев с толку’; рус. *Их усердие не могло не радовать (П. Пичонин) [НКРЯ]*;

– указательные местоимения: англ. *This howl made him scared and he started to look around frantically (O. Wilde) [BNC]*. ‘Вой испугал его, и он принялся судорожно оглядываться’; рус. *И именно этот ответ вызвал в нем ярость (Д. Лутвинова) [НКРЯ]*;

– количественные и порядковые числительные: англ. *The very first attempt which turned out to be a failure caused him bitter disappointment (J. K. Rowling) [BNC]*. ‘Первая же попытка, оказавшаяся провальной, вызвала в нем глубокое разочарование’; рус. *Третий по счету участник уже не вызывал такого удивления (С. Самсонов) [НКРЯ]*.

В качестве постпозитивных распространителей чаще всего используются:

– в английском языке описательные of-конструкции: *The idea of a charity on such a scale ... would have made our most enthusiastic philanthropists to be greedy (E. Bellamy) [BNC]*. ‘Сама идея благотворительности в таких масштабах ... заставит даже самых бескорыстных наших филантропов испытывать жадность’;

– определительные придаточные предложения: англ. *When they arrived Michael, who had been trying to be nice to his fellow travelers all the way there, finally lost his temper and yelled at the concierge which caused a lot of confusion (A. Napolitano) [BNC]*. ‘Когда они прибыли на место Майкл, который старался быть милым со своими попутчиками на протяжении всего пути, наконец утратил самообладание и накричал на консьержа, чем вызвал массу недоумения’; рус. *А теперь этот ребенок, которого она ждала так долго, вызывал в ней лишь глухое раздражение (Л. Улицкая) [НКРЯ]*;

– причастные обороты: англ. *The artist, embittered and raddled even in death, did not evoke any sympathy in him (J. Conrad) [BNC]*. ‘Художник, обиженный жизнью и лишенный покоя даже в смерти, не вызвал у него никакого сочувствия’; рус. *Его слова, неосторожно брошенные через плечо, вызвали вспышку негодования у присутствующих (А. Ильянена) [НКРЯ]*.

2.3. Способы репрезентации объекта каузации (R_j). В первую очередь стоит отметить, что объект каузации может не иметь эксплицитного выражения в структуре КК. Как правило такое явление встречается, когда ситуация контекста однозначно указывает на каузанта или для избежания повторения [Сюткина, 2019: 54]: англ. *Something (R_i) in the dark room with only one candle lit made (K) [me] feel uneasy (S_j) and almost scared (S. Butler)* [BNC]. ‘Что-то в этой темной комнате с единственной зажженной свечой заставляло [меня] чувствовать себя беспокойной и почти вызывало страх’; рус. *Угрожая копытами, они (R_i) старались вызвать (K) страх (S_j), но он оставался непоколебим (В. Шаров)* [НКРЯ].

Далее рассматриваются КС с одушевленным объектом каузации:

– личное местоимение в объектном падеже: англ. *«I'm so sorry I made you feel melancholy and distressed!» (A. Christie)* [BNC]. ‘«Мне так жаль, что из-за меня ты чувствуешь себя расстроенной!»»; рус. *Я и не предполагал, что мое предложение так разозлит тебя (Н. Лилин)* [НКРЯ];

– антропоним: англ. *He will force Ford to feel miserable and that will be his game changer! (D. Adams)* [BNC]ю ‘Он заставит Форда чувствовать себя подавленным, и это станет его козырной картой!'; рус. *«Ты, наверное, не знал, но твое поведение расстроило Анну едва ли не до слез» (С. Самсонов)* [НКРЯ];

– одушевленное нарицательное существительное, в том числе собирательное: англ. *The evil-doers could make the young feel so depressed that something bad could happen; they even could force them to commit suicide (J. Grisham)* [BNC]. ‘Это злодеи могли заставить молодежь чувствовать себя настолько расстроенными, что могло случиться непоправимое; они могли даже вынудить их совершить самоубийство’; рус. *Подобные высказывания подогревают в молодежи негодование (Д. Тарнова)* [НКРЯ];

– неопределенное или отрицательное местоимение: англ. *Such boring performances can neither amuse nor upset anyone (A. Krentz)* [BNC]. ‘Подобные скучные выступление не могут никого ни развеселить, ни расстроить’; рус. *«Я еще никогда никого не злил так сильно! Занятно...» (Н. Лилин)* [НКРЯ];

– возвратное местоимение: англ. *We can't force ourselves to feel happy or unhappy (R. Bach)* [BNC]. ‘Мы не можем заставить себя быть счастливыми или несчастными’; рус. *Я не мог утешить даже себя, что уж говорить о родителях (Н. Лилин)* [НКРЯ];

– числительное: англ. *A sudden slamming and loud footsteps made the three of them to startle (J. K. Rowling)* [BNC]. ‘Неожиданный хлопок двери и громкие шаги заставили всех троих испугаться’; рус. *Если мои слова подбодрят хотя бы одного [человека], я буду счастлив (С. Кузнецов)* [НКРЯ].

В ситуациях каузирования смены эмоционального состояния неодушевленные объекты каузирования не встречаются.

Каузант не склонен к распространению, однако иногда в препозиции к объекту каузации наблюдаются:

– прилагательные, причастия и причастные обороты: англ. *In addition to incomparable beauty there was something else in her that made even the most proud people suffer from despair* (E. Bellamy) [BNC]. ‘Помимо несравненной красоты было в ней нечто, что заставляло даже самых последних гордецов страдать от отчаянья’; рус. *Ее песня заставила самых бесстрастных из них испытать прилив тоски* (В. Макушевич) [НКРЯ];

– притяжательные местоимения: англ. *She was instilled for a long time with what humiliation she caused her family* (B. Taylor) [BNC]. ‘Ей долго внушали, какое унижение она причинила своей семье’; рус. *Даже такая мелочь могла вызвать радость у ее друзей* (К. Баронин) [НКРЯ];

– указательные местоимения: англ. *I also asked why they forced that poor kid to feel lonely and left off* (T. Capote) [BNC]. ‘Я также спросил за что они заставляли бедного ребенка чувствовать себя одиноким и брошенным’; рус. *Почему она вызвала гнев именно этого человека!* (А. Ильенена) [НКРЯ];

– неопределенные, определенные, отрицательные местоимения: англ. *His support and kind words always made all his friends feel confident* (P. Graham) [BNC]. ‘Его поддержка и добрые слова всегда заставляли всех его друзей чувствовать уверенность в своих силах’; рус. *Его громкая речь и экстравагантное поведение начали вызывать раздражение у каких-то прохожих, и я поторопился увести его* (А. Ильенена) [НКРЯ].

2.4. Способы репрезентации консеквента (S_j). В КС смены эмоционального состояния объекта каузации консеквентом выступает чувство или эмоция, вызванные каузатором. Следует отметить, что у ученых нет единого мнения относительно определения основных эмоциональных состояний [Родионова, 2009: 187]. Так Аристотель выделял 11 аффектов (влечение, гнев, страх, отвага злорадия, радость, любовь, ненависть, тоска, зависть и жалость) – наиболее ярко выраженных эмоций, вызванных в человеке неким воздействием [Аристотель, 1937: 47-49]. Рене Декарт считал, что основных эмоций всего 6: восхищение, любовь, ненависть, страсть, радость, страдание [Декарт, 1989: 73-74]. Такого же мнения придерживается и современный психолог Пол Экман, который причисляет к 6 основным эмоциям счастье, грусть, отвращение, страх, удивление, гнев [Ekman, 2018: 56]. Роберт Плутник, в свою очередь, называет 4 пары эмоций (радость – грусть, гнев – страх, доверие – отвращение, удивление – ожидание) [Plutchik, 2001: 344], а

В. Г. Пэрротт – более ста, объединяя их все в те же 6 категорий: любовь, радость, удивление, гнев, грусть, страх [Parrott, 2018: 23-26].

Итак, в зависимости от каузирующего глагола консеквент эмоционального состояния может быть выражен в английском языке:

– с глаголами *to make* и *to force* прилагательным или причастием прошедшего времени в английском языке: англ. *All his words and actions at that moment made her the happiest woman in the world (K. Reid) [BNC]*. ‘Все его слова и действия в тот момент делали ее самой счастливой женщиной на земле’;

– с глаголом *to cause* существительным: англ. *Everything in her appearance from a luxurious dress to an exquisite hairstyle caused admiration (R. Riggs) [BNC]*. ‘Все в ее облике, от роскошного платья до изысканной прически, вызывало восхищение’;

– с глаголом *to get* причастием прошедшего времени: англ. *All her attempts to calm down only got her more stressed and at the end of the day she could hardly stand on her feet (D. Owens) [BNC]*. ‘Все ее попытки успокоиться только заставляли ее еще больше нервничать, так что к концу дня она едва стояла на ногах’.

В русском языке консеквент выражается:

– с глаголами *вынуждать*, *заставлять* инфинитивом: рус. *Почему ты все время заставляешь меня грустить? (Н. Данилов) [НКРЯ]*;

– с глаголом *вызывать* существительным: рус. *Это место не могло вызвать ничего, кроме страха (А. Проханова) [НКРЯ]*.

Консеквент не склонен к распространению, особенно к постпозиционному, однако препозиционное распространение встречается и может выражаться:

– качественными прилагательными: англ. *His departure caused only a slight sadness in her (O. Wilde) [BNC]*. ‘Его отъезд вызвал в ней лишь легкую грусть’; рус. *Неудачи всегда вызывали в нем глухое раздражение (О. Прохоров) [НКРЯ]*;

– наречиями степени сравнения: англ. *My decision got her so extremely mad that she didn't talk to me for the next several days (A. Napolitano) [BNC]*. ‘Мое решение настолько вывело ее из себя, что она не разговаривала со мной несколько последующих дней’; рус. *«Мне кажется, эти новости сделали ее чрезмерно радостной...» (Л. Улицкая) [НКРЯ]*;

– в английском языке *of*-конструкциями, дающими качественную характеристику консеквента: *Her newfound freedom caused the feeling of boundless bubbling happiness so she couldn't contain her laughter (A. Richardson) [BNC]* ‘Ее новообретенная свобода вызывала у нее чувство безграничного пузырящегося счастья, так что она не могла сдержаться смех’.

3. Выводы

3.1. В ситуациях каузирования эмоционального состояния глаголами, формирующими КК в английском языке могут выступать *to cause, to make, to get, to force*,

а в русском языке *вынуждать, вызывать, заставлять*.

3.2. Каузатор КС обладает такими признаками, как одушевленность и неодушевленность. Одушевленный каузатор может выражаться именем существительным, личным местоимением (а также иногда неопределенным или отрицательным) или антропонимом. Неодушевленный каузатор может выражать неодушевленное существительное, любое местоимение (кроме личного, заменяющее имя существительное), а также герундий или инфинитивный оборот.

3.3. Объект каузации обладает меньшей вариативностью. В КС изменения эмоционального состояния объект каузации может быть только одушевленным и выражается обычно местоимением (личным в объектном падеже, неопределенным, нарицательным, возвратным), антропонимом, одушевленным нарицательным существительным (в том числе собирательным), а также в редких случаях числительным.

3.4. Консеквентом в рассмотренном материале выступают наименования чувств и эмоций одушевленного объекта каузации. Эмоциональные состояния могут быть выражены в английском языке прилагательными и причастиями прошедшего времени (с глаголами *to make* и *to force*), существительными (с глаголом *to cause*) и причастием прошедшего времени (с глаголом *to get*), в русском языке инфинитивом (с глаголами *вынуждать* и *заставлять*) и существительным (с глаголом *вызывать*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Каузативы или конверсивы? // Типология, грамматика, семантика (К 65-летию В. С. Храковского). СПб.: Наука, 1998. С. 273-281.
2. Аристотель О душе / Предисловие В. К. Сережникова, перевод и примечания П. С. Попова. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 180 с.
3. Болдырев Н. Н. Функциональная категория английского глагола. Тамбов: Изд.-полиграф. центр ТГУ. 1995. 140 с.
4. Бессонов Н. Ю. Семантика глаголов-связок в составе каузативных конструкций в свете теории динамики силы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Москва. 2019. № 1 (817). С 56-65.
5. Гурин В. В., Батицкая В. В. К вопросу об актуализации концепта *force* в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск. 2018. № 6 (416). С. 44-48.
6. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. 1989. Т. 1. 654 с.
7. Карловская В. Н. Эмотивные ситуации трансформации эмоций в полярные в английском прозаическом тексте // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2019. Т. 1. № 2. С. 113-120.
8. Кожокина А. В. Структура категории каузативности в пассивной конструкции (на материале анализа английских глаголов *to cause* и *to make*) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7-2. С. 231-234.
9. Недалков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука. 1969. 311 с.

10. Родионова Е. В. Эмоции как каузатор изменения цвета референта // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 187-189.
11. Сюткина Н. П. Эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 53-58.
12. Baron N. S. The structure of English causatives // *Lingua*. 1974. № 33. P. 299-342.
13. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2000. Bd. 419. 253 s.
14. Ekman P. The Nature of Emotion: Fundamental Questions. Oxford: Oxford University Press. 2018. 560 p.
15. Plutchik R. H. Emotions and their nature // *American Scientist*. 2001. Vol. 89. No. 4. P. 344-350.
16. Parrott W. G. Emotions in Social Psychology: Essential Readings. Psychology Press, 2018. 378 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Большой толковый словарь русского языка. Доступ: <http://gramota.ru/slovari/>. (дата обращения: 12.04.2020). [БТС].
2. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 10.04.2020). [НКРЯ].
3. Толковый словарь Ожегова. Доступ: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.04.2020). [ТСО].
4. British National Corpus. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 05.04.2020). [BNC].
5. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman Group UK Limited. 1992. 1528 p. [LDC].
6. Meriam-Webster Online Dictionary. Доступ: www.m-w.com/dictionary.htm (дата обращения: 04.04.2020). [MWD].
7. The American Heritage Dictionary of the English Language. Fourth Edition. Доступ: www.bartleby.com/61 (дата обращения: 04.04.2020). [AHD].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1998). *Kauzativy ili konversivy? [Causatives or conversives?]*. In *Tipologiya, grammatika, semantika (K 65-letiyu V. S. Khrakovskogo)*. SPb.: Nauka, 1998. Pp. 273-281. (In Russ.)
2. Aristotel (1937). *O dushe [About the soul] / Predislovie V. K. Serezhnikova, perevod i primechaniya P. S. Popova*. M.: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo. (In Russ.)
3. Boldyrev, N. N. (1995). *Funktsionalnaya kategoriya angliyskogo glagola [Functional category of the English verb]*. Tambov: Izd.-poligraf. tsentr TGU. (In Russ.)
4. Bessonov, N. Yu. (2019). *Semantika glagolov-svyazok v sostave kauzativnykh konstruktsiy v svete teorii dinamiki sily [Semantics of connective verbs in causative constructions in the light of the theory of force dynamics]*. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Moskva. No. 1 (817). Pp. 56-65. (In Russ.)
5. Gurin, V. V., Batitskaya, V. V. (2018). *K voprosu ob aktualizatsii kontsepta force v angliyskom yazyke [On the question of updating the concept of force in English]*. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Chelyabinsk. No. 6 (416). Pp. 44-48. (In Russ.)
6. Dekart, R. (1989). *Sochineniya [Writings]: v 2 t. M.: Mysl. T. 1.* (In Russ.)
7. Karlovskaya, V. N. (2019). *Emotivnye situatsii transformatsii emotsiy v polarnye v angliyskom prozaicheskom tekste [Emotive situations of transformation of emotions into polar*

ones in English prose]. In *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*. Vol. 1. No. 2. Pp. 113-120. (In Russ).

8. Kozhokina, A. V. (2015). *Struktura kategorii kauzativnosti v passivnoy konstruktsii (na materiale analiza angliyskikh glagolov to cause i to make)* [The structure of the category of causation in a passive construction (based on the analysis of the English verbs to cause and to make)]. In *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl'*. Vol. 7. No. 7-2. Pp. 231-234. (In Russ).

9. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). *Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy. Morfologicheskiy kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka. (In Russ).

10. Rodionova, E. V. (2009). *Emotsii kak kauzator izmeneniya tsveta referenta* [Emotions as the causator of referent color change]. In *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. No. 11. Pp. 187-189. (In Russ).

11. Syutkina, N. P. (2019). *Emotivno-kauzativnyy kategorialnyy semanticheskiy kompleks* [Emotive-causative categorical semantic complex]. In *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal*. No. 3. Pp. 53-58. (In Russ).

12. Baron, N. S. (1974). The structure of English causatives. In *Lingua*. No. 33. Pp. 299-342.

13. Kaliuščenko, V. D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen : Max Niemeyer Verlag. Bd. 419.

14. Ekman, P. (2018). *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. Oxford: Oxford University Press.

15. Plutchik, R. H. (2001). Emotions and their nature. *American Scientist*. Vol. 89. No. 4. Pp. 344-350.

16. Parrott, W. G. (2018). *Emotions in Social Psychology: Essential Readings*. Psychology Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. Available at: <http://gramota.ru/slovari/>. (accessed: 12.04.2020).

2. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/>. (accessed 10.04.2020).

3. *Tolkovyy slovar Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. Available at: <https://slovarozhegova.ru/>. (accessed: 10.04.2020).

4. *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (accessed: 05.04.2020).

5. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Harlow: Longman Group UK Limited, 1992.

6. *Meriam-Webster Online Dictionary*. Available at: www.m-w.com/dictionaiy.htm. (accessed: 04.04.2020).

7. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Fourth Edition. Available at: www.bartleby.com/61. (accessed: 04.04.2020).

Липанова Полина Константиновна – преподаватель кафедры теории и практики перевода (e-mail: lipanova.polina@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Lipanova Polina K. – Reader of the Translation Studies Department e-mail: lipanova.polina@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 21 апреля 2020 г.

ОБЪЕМ И ФУНКЦИИ ЗАГОЛОВКОВ СТАТЕЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются заголовки политических статей и сообщений информационного характера на материале электронных версий ведущих англо-, немецко- и русскоязычных СМИ. Были рассмотрены и проанализированы заголовки актуальных статей за период с марта по май 2020, определены объем, функции заголовков, а также корреляция объема и функций заголовков.

Ключевые слова: заголовок, объем заголовка, прагматический потенциал заголовков, функции заголовков.

© 2020 D. E. Potrakhova

SIZE AND FUNCTIONS OF ARTICLE HEADLINES IN A CONTRASTIVE ASPECT

The article presents the analysis of the headlines of political articles and messages of an informative nature based on the material of electronic versions of the leading English, German and Russian-language media. The headlines of relevant articles issued in the period from March to May 2020 have been reviewed and analyzed, the functions of the headlines, size and the correlation of headline functions and their size have been determined.

Key words: headline, headline size, pragmatic potential of headlines, headline functions.

Вводные замечания. В данной статье рассматриваются заголовки политических статей и сообщений (далее ЗПСС) на материале электронных версий авторитетных англо-, немецко- и русскоязычных СМИ. В условиях стремительного развития информационных технологий в целом, появилась потребность актуализировать практически все сферы деятельности человека. Печатные издания уже давно освоили электронный формат публикации своих новостей и спешно информируют своих читателей о последних событиях в мире. Ввиду того, что язык СМИ «впитывает» в себя и является отражением многих общественных, политических и культурных процессов, статьи и информационные сообщения представляют собой актуальный и выразительный материал для аналитической работы в рамках лингвистики, а точнее нового её ответвления – медиалингвистики. Заголовки же являются первым элементом всего комплекса статьи, с которым знакомится читатель, поэтому практически всегда выполняют целый ряд функций и могут обладать большим объемом информационного и прагматического потенциала [Баженова, 2013].

Проблемой изучения заголовков и закономерностей их функционирования занимались такие исследователи как В. П. Вомперский [Вомперский, 1966], Т. Г. Добросклонская [Добросклонская, 2008], В. Г. Костомаров [Костомаров, 2004], Э. А. Лазарева [Лазарева, 1989], В. С. Мужев [Мужев, 1970], А. С. Попов [Попов, 1966],

Э. И. Турчинская [Турчинская, 1984], а среди иностранных лингвистов – А. Bell [Bell, 1991], М. Conboy [Conboy, 2012]. Вместе с тем заголовки являются малоисследованными в ряде аспектов, в том числе в сопоставительном на материале разноструктурных языков.

Актуальность работы заключается в необходимости изучения языка и политической лингвистики, в частности сопоставительного исследования заголовков политических статей и информационных сообщений на материале разноструктурных языков.

Объектом исследования являются ЗПСС на материале англо-, немецко- и русскоязычных электронных версий СМИ.

Цель работы заключается в описании функций информационных сообщений и статей, в определении признаков реализации этих функций в англо-, немецко- и русскоязычных СМИ.

Материалом исследования в немецком языке послужили онлайн-версии средств массовой информации Германии, такие как Deutsche Tageszeitung [Deutsche Tageszeitung – Nachrichten aus Politik und Wirtschaft], der Spiegel [Der Spiegel. Online-Nachrichten], Frankfurter Allgemeine Zeitung [Aktuelle Nachrichten online – FAZ.net]. Источником материала для изучения заголовков англоязычных СМИ стали интернет версии журнала The Week [The Week Magazine], The New York Times [Magazine – The New York Times] и The Guardian [The Guardian]. В качестве источников материала на русском языке были использованы следующие СМИ: Ведомости [Ведомости], Коммерсантъ [Издательский дом Коммерсантъ], Известия [Известия]. Общее количество заголовков составило 600 единиц (по 200 заголовков в каждом языке).

1. Заголовки в медиалингвистике. Пресса является одним из самых главных средств распространения информации и новостей и играет важную роль в общественной, культурной и политической жизни той или иной страны. Ведущие газеты и журналы каждого государства освещают события, происходящие не только внутри страны, но и за её пределами, проводят аналитическую работу, опросы, исследования для наиболее точного освещения актуального положения дел. Помимо информационных сообщений, связанных с политикой, статьи в прессе носят также развлекательный и образовательный характер, помогают в выборе досуга. Иными словами, газеты и журналы охватывают все сферы и реалии повседневной жизни человека и общества в целом.

В период непрерывного развития технологий, дигитализации и распространения интернет-связи по всему миру, практически ни одна сфера человеческой деятельности не осталась в стороне и подверглась изменениям, связанным с вышеупомянутыми процессами. В настоящее время основным источником в большей мере становятся

онлайн-источники информации, которые всегда находятся в свободном доступе для читателя, постоянно и оперативно обновляются.

Оформление статей в электронном варианте, их структура и форма заголовков были заимствованы из печатных версий СМИ, однако онлайн-версии представляют собой более динамичную, гибкую форму, актуальную в данный период всемирной глобализации и соответствующую постоянной потребности читателей не только поглощать информацию, но и выражать своё мнение и делиться им с другими людьми в различных социальных сетях, блогах и микроблогах. Иными словами, онлайн-версия издания СМИ объединяет в себе характеристики печатного варианта газеты или журнала и электронного варианта коммуникации в рамках сети Интернет [Баженова, 2013].

Язык отражает большинство явлений общественной жизни и постоянно развивается, реагируя на изменения в жизненном укладе человечества. Язык журналов и газет по своей сути динамичен, носит массовый характер коммуникации и, следовательно, реагирует на все изменения, происходящие в обществе, отражает состояние человека и формирует его сознание. Таким образом, лингвистические исследования на базе статей СМИ приобретают всё большее значение и распространение [Горина, Лазарева, 2009].

До недавнего времени функционирование языка в сфере текстов средств массовой информации рассматривались и подвергались анализу лишь опираясь на такие направления лингвистической науки, как синтаксис, стилистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвистическая прагматика и т. д. Однако со временем появилась потребность в комплексном подходе к анализу и изучению языка СМИ. Вследствие этого, основываясь на различных направлениях лингвистики, возникают такие направления, как политическая лингвистика, медиалингвистика и т. д. [Баженова, 2013; Голодов, 2015]. В 1990-х годах язык массовой коммуникации стал рассматриваться как самостоятельная языковая подсистема, заслуживающая полноценного и тщательного изучения. В настоящее время политическая лингвистика является одним из приоритетных направлений исследований начала XXI века, которое характеризуется полипарадигмальностью и междисциплинарностью методологических установок [Будаев, Чудинов, 2011: 22].

1.1. Заголовок – это коммуникативная единица, с которой раньше всего сталкивается читатель, просматривая страницу газеты или журнала и выбирая статью для прочтения. Зачастую именно от заголовка зависит возникновение или отсутствие у читателя желания ознакомиться со статьёй или продолжить поиск чего-то более интересного. Если говорить о заголовках статей в онлайн-версиях СМИ, то зачастую в ленте актуальных новостей читатель видит только множество названий, поэтому выбор статьи для чтения определяется именно информационной целостностью и «броскостью» заголовка (в соответствии результатами психологических исследований 80% читателей просматривают только заголовки статей).

Иногда заголовок сопровождают несколько предложений, чуть более подробно раскрывающий суть статьи, но в любом случае основную роль играет именно то слово или сочетание слов, которым автор статьи озаглавливает её.

Что касается определения понятия «заголовок», мнения лингвистов расходятся. Данное исследование основывается на следующем определении: заголовок – это коммуникативная единица, которая синтаксически оформлена, сжато воспроизводит содержание текста, отражает идею автора, даёт название тексту и выполняет роль разделителя различных речевых высказываний [Сыров, 2002: 59].

А. Белл к значимым характеристикам газетной прессы относит ясность, краткость и броскость [Bell, 1991]. Характерно, что сегодня заголовки, как правило, строятся по нетрадиционным для российской прессы моделям. Сжатые и краткие заголовки сменились на более длинные. В заголовках стали использоваться аббревиатуры, числа, слова из сленга и разговорной речи, иностранные слова и выражения [Шостак, 1998: 44].

Заголовок приобретает новые функции отсылки к будущему тексту, к содержанию статьи, к внутреннему информационному полю, а также является самостоятельной единицей, существующей отдельно от текста [Горина, Лазарева, 2009].

1.2. Объем заголовка играет важную роль для реализации различных функций, поэтому в рамках данного исследования был осуществлён количественный анализ ЗПСС на основе вышеописанного материала.

Таблица 1. *Количество слов в ЗПСС англо-, немецко и русскоязычных СМИ*

№	Количество слов	Англоязычные СМИ	Немецкоязычные СМИ	Русскоязычные СМИ
1.	3	2 (1%)	2 (1%)	4 (2%)
2.	4	6(3%)	12 (6%)	16 (8%)
3.	5	14 (7%)	24 (12%)	12 (6%)
4.	6	10 (5%)	30 (15%)	18 (9%)
5.	7	26 (13%)	40 (20%)	34 (17%)
6.	8	30 (15%)	32 (16%)	24 (12%)
7.	9	24 (12%)	30 (15%)	30 (15%)
8.	10	24 (12%)	12 (6%)	28 (14%)
9.	11	26 (13%)	10 (5%)	16 (8%)
10.	12	14 (7%)	4 (2%)	16 (8%)
11.	13	10 (5%)	0 (%)	2 (1%)
12.	14	14 (7%)	1 (0,5%)	0 (0%)
13.	17	0 (0%)	1 (0,5%)	0 (0%)
	Всего	200 (100%)	200 (100%)	200 (100%)

Минимальный объем ЗПСС составляет 3 слова. Эти трёхсловные ЗПСС отмечены в единичных примерах во всех языках. Заголовки, состоящие из менее чем 5 слов, встречаются

достаточно редко во всех языках и в основном представляют собой лаконичные, яркие и эмоционально-экспрессивные сочетания, часто фразеологизмы или короткие вопросительные предложения, например *Мировая экономика на развилке* [Ведомости, 08.04.2020]. Прагматическая функция является основной для таких заголовков.

Максимальное количество слов в исследованных ЗПСС в английском языке составляет 14 слов в 1 заголовке), в немецком языке – 17 слов в 1 примере, в русском языке – 13 слов в 1 примере.

Для английского языка самой продуктивной (более 10%) является группа заголовков объемом от 7 до 11 слов в одном заголовке. Для немецкого языка наиболее частотными являются заголовки от 5 до 9 слов в одном заголовке. В русскоязычных СМИ наиболее распространёнными являются заголовки объемом от 5 до 8 слов в одном примере.

Заголовки, состоящие из 8 слов, составляют самую многочисленную группу для англоязычных СМИ (30 заголовков), например *How George W. Bush exposed Trump's biggest failure*, 'Как Джордж Уокер Буш разоблачил самый большой провал Трампа'. Также достаточно частотными являются ЗПСС из 7, 9, 10 и 11 слов. Также количество слов в одном заголовке не превышает 14, однако данная группа не является малочисленной (14 заголовков), что свидетельствует о применении авторами статей англоязычных СМИ сложных, информационно насыщенных предложений.

Для немецкоязычных СМИ наиболее частотной оказалась группа заголовков, состоящих из 7 слов (40 заголовков), например *SPD-Politikerin Högl soll neue Wehrbeauftragte werden*, 'Политик СДПГ Эва Хёгль станет новым военным офицером Бундесвера'. Заголовки длиной в 6, 8 и 9 слов встречаются практически одинаково часто (около 30 ЗПСС в каждой группе). Самый длинный заголовок состоит из 17 слов, однако встречается единожды, что доказывает редкое использование настолько широко распространённых сложных предложений в качестве заголовка.

Количественные данные, полученные путём анализа заголовков русскоязычных СМИ, можно сравнить с заголовками немецкоязычных СМИ, результаты имеют схожие черты. Наиболее частотной группой заголовков также являются ЗПСС, состоящие из 7 слов (34 заголовка), например *Россияне стали реже ходить в продуктовые магазины* [Ведомости, 07.04.2020]. Также, как и в СМИ Германии, ЗПСС из 6, 8, 9 и 10 слов часто применяются авторами СМИ России.

В среднем заголовки объемом в 6-11 слов являются наиболее распространёнными для всех исследуемых языков. Таким образом, ЗПСС современных СМИ не отличаются краткостью. Заголовки представляют собой в большинстве случаев

распространенные предложения.

2. Функции заголовков в текстах статей СМИ. Данные коммуникативные единицы имеют свои особенности. Дискуссионным является вопрос количества компонентов, из которых состоит заголовок, или точнее заголовочный комплекс, к которому относится сам заголовок, надзаголовок, подзаголовок, тематическое название полосы, рубрика [Прохорова, 2012: 238]. В данной работе рассматривается только заголовок.

2.1. Изучение функций заголовков журнальных и газетных статей позволяет выделить следующие функции заголовков:

- 1) номинативная;
- 2) графически-выделительная;
- 3) информативная;
- 4) прагматическая;
- 5) прогностическая [Петрова, 2015; Пешкова, 2012; Попов, 1966].

Нельзя утверждать, что в рамках того или иного заголовка статьи СМИ реализуется только одна из данных функций. Все они находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и присутствуют одновременно, но в различной степени, в зависимости от цели написания статьи и задумки автора. Учитывая жанровое своеобразие текстов прессы, важно отметить, что некоторые функции доминируют как в самих текстах, так и в заголовках. Речь идёт об информативной, прагматической и рекламной функциях.

2.2. Номинативная функция реализуется уже на том этапе, когда автор даёт название своему публицистическому материалу. Иными словами, данная функция является обязательной, присуща всем структурным типам заголовков и служит для того, чтобы читатель мог идентифицировать и выделить заголовок и саму статью среди всего многообразия материала, представленного в онлайн-версиях СМИ. Данная функция определяется как «назначение слова или словосочетания служить названием (наименованием) предмета [Ахманова, 1969: 507]. Также номинативная функция состоит в том, что заглавия называют текст, выступают в качестве его имён», т.е. в данной функции заголовок аналогичен любому имени собственному [Лазарева, 1989: 69].

2.3. Графически-выделительная функция является важной стилистической составляющей публицистических текстов, оперирует экстралингвистическими средствами и в корне отличается от других функций, так как не требует языковых средств для своей реализации. Основными операторами данной функции являются шрифт, его цвет и размер, стиль, а также остальные визуальные компоненты, такие как рисунки, фото- и видеоматериалы. Последние элементы наиболее актуальны для онлайн-версий СМИ. Так,

практически каждая статья подкреплена тематическими изображениями, конкретными фотографиями и видеосюжетами, снятыми непосредственно для той или иной статьи. Достаточно часто заголовки представлены в виде гипертекста [Фатина, 2015]. Гипертекст представляет собой непосредственно текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов [Руднев, 1997].

Отмечается важность взаимодействия вербальных и графических составляющих как главной особенности прессы: «Тип и размер шрифта, наличие иллюстраций, использование цвета, качество бумаги, расположение материалов на полосе – все это тесно соединяется со словесным рядом, образуя единое целое – синкретический язык прессы» [Добросклонская, 2008: 21].

2.4. Большинство медиалингвистов выделяют информативную функцию заголовков, как основную. Данная функция обеспечивает передачу адресату главной информации о содержании текста [Вомперский, 1966; Костомаров, 2004; Лазарева, 1989; Мужев, 1970; Попов, 1966; Турчинская, 1984]. Таким образом, информативную функцию можно считать доминирующей в заголовках новостных сообщений и относить к основным критериям создания наиболее удачных заголовков текстов статей. Степень реализации функции информативности зависит от жанровой особенности текста. Наиболее информативными представляются заголовки статей информационного жанра, так как их задачей является «сообщение фактов в объективной, «нейтральной» форме» [Турчинская, 1984: 136]. Таким образом, под информативностью заголовка понимается степень полноты отражения в нём элементов смысловой структуры [Vater, 1994: 55]. Если данная функция реализована в полной мере, то по прочтении заголовка читатель может ответить себе на ряд основных вопросов (Кто? Что? Где? Когда? и т. д.). Наглядным примером реализации информативной функции является заголовок (1) *CDU-Wehrexpert kritisiert SPD-Vorstoß zu Atomwaffen als «grob-fahrlässig»* [Deutsche Tageszeitung, 04.05.2020] ‘Военный эксперт ХДС критикует продвижение СДПГ к ядерному оружию как «крайне неосторожное»’. Данный заголовок передаёт смысл текста статьи в полном объеме. Глагол *kritisieren* реализует свою обязательную валентность (актанты: субъект – *CDU-Wehrexpert*, объект – *SPD-Vorstoß*). В свою очередь у отглагольного существительного *Vorstoß* (*vorstoßen* ‘продвигаться, пробиваться’) выражены три актанта: субъект *SPD*, цель *Atomwaffen*, характеристика действия *grob-fahrlässig*. Такая формулировка названия статьи делает возможным достаточно полное понимание основного содержания публикации.

2.5. Прагматическая функция текстов статей СМИ представляет собой важную

составляющую изучения ЗПСС. Для коммуникативно-прагматических исследований важным является изучение отношения человека к языковым знакам, а также к выбору адекватных языковых единиц для оформления своего высказывания или текста, с помощью которых говорящий / автор намеревается достигнуть желаемой цели [Leschenko, 2019: 38]. Основной задачей заголовков является формирование определенного мнения и впечатлений у реципиента (удивить, озадачить, пробудить уверенность или сомнения в чем-то), обеспечив таким образом достижение начальной цели написания той или иной статьи. Автор осуществляет выбор языковых средств как для написания статьи, так и для содания заголовка для неё. Прагматическая функция и её реализация являются важным составляющим в данном процессе. Только «яркий», выразительный и привлекательный для читателя заголовок может в полной мере реализовать его прагматическую функцию. Существует множество стилистических эффектов, применяемых с целью активного привлечения внимания аудитории, к ним относятся эффекты обманутого и усиленного ожидания. Прагматическая функция реализуется в заголовке также посредством использования игры слов, метафор, фразеологических единиц для того, чтобы сформировать у читателя отрицательную или положительную оценку [Лазарева, 1989: 60].

Примером реализации прагматической функции можно считать заголовок (2) *EU «enttäuscht» über Post-Brexit-Gespräche mit Großbritannien* [Deutsche Tageszeitung, 15.05.2020]. 'ЕС разочарован результатами переговоров с Великобританией после Брексита'. Применение эмоционально насыщенного, поданного в краткой форме словосочетания *enttäuscht sein* 'быть разочарованным' привлекает внимание и пробуждает интерес читателя, заставляя его задаться вопросом «А чем же всё-таки разочарован ЕС?». Название статьи (3) *The real value of the coronavirus protests* [The Week, 15.05.2020]. 'Реальное значение протестов против коронавируса' также выполняет прагматическую функцию. Материал статьи описывает движение протеста против ограничительных мер в связи с распространением коронавируса. Использование прилагательного «real» усиливает эффект неожиданности, «подогревает» интерес читателя и ставит под сомнения ту информацию, которую читатель получал ранее, ведь именно в этой статье описано «реальное» (настоящее, правдивое) значение вышеупомянутых протестов.

Для реализации поставленной цели авторы статей прибегают к использованию не только эмоционально насыщенной лексики, но и к языковым единицам, побуждающим сознание читателя воспроизводить целый ряд ассоциаций. Данное явление можно рассмотреть на примере заголовка, рассказывающего о трудной ситуации, которая

сложилась в сфере туристических услуг ввиду эпидемии коронавируса (4) *Ryanair-Chef blickt voller Pessimismus in die Zukunft* [Spiegel online, 18.05.2020]. 'Глава авиакомпании Ryanair смотрит в будущее с глубоким пессимизмом'. Заголовок такого типа вызывает у читателя не только интерес, но и беспокойство, даже ощущение огорчения, так как такое название статьи создает атмосферу и настроение пессимизма, которое царит в мировой экономике, с его помощью автором успешно описана напряжённая обстановка среди представителей пассажирских авиакомпаний.

Вышеприведенные примеры реализации прагматической функции свидетельствуют о том, что журналисты используют в заголовках статей различные языковые средства и приемы, однако все они служат для выражения авторского мнения по поводу проблемы, описываемой в самом тексте статьи. Заголовки такого типа помогают автору сформировать у читателя нужное отношение к тем или иным событиям. Что касается заголовков новостных текстов, то именно интенция адресанта определяет конкретную стратегию коммуникации с реципиентом.

Результаты исследования показали, что прагматическая функция чаще всего реализуется в заголовках англоязычных СМИ, где количество слов составляет от 7 до 10, и в ЗПСС немецкоязычных СМИ с количеством слов от 4 до 6 (см. табл. 2).

2.6. Рекламная функция зачастую реализуется наравне с прагматической функцией заголовка, формируют прагматическую ориентацию всего текста. Реализация рекламной функции заголовка подразумевает стремление журналиста настроить адресата на определенное восприятие текста его статьи. К тому же преобладание рекламной функции способствует тому, что заголовок приобретает необычную форму, становясь похожим на рекламный текст.

Следует отметить, что данные функции служат единой цели – произвести впечатление на читателя, привлечь его внимание и определить его мнение. Однако очевидным является также и то, что рекламная функция находит свою реализацию в рамках прагматической функции, соответственно именно последнюю стоит рассматривать в качестве главной функции и брать за основу для анализа материала данного исследования.

В качестве примера осуществления рекламной функции в рамках прагматической можно рассмотреть следующий заголовок (5) *Волонтеры нашего времени: НКО смогут рассчитывать на меры господдержки* [Известия, 30.04.2020]. Данное заглавие не отличается краткостью, однако содержит реминисценцию на название известного романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», что делает его броским и наделяет дополнительным смыслом, который читается между строк.

Таблица 2. Частотность функций ЗПСС англо-, немецко- и русскоязычных СМИ

Функции	3-6			7-9			10-13			13+		
	Англ.	Нем.	Рус.	Англ.	Нем.	Рус.	Англ.	Нем.	Рус.	Англ.	Нем.	Рус.
Информативная	0 (0%)	30 (5%)	18 (3%)	14 (2,3%)	58 (9,7%)	56 (9,3%)	23 (3,8%)	14 (2,3%)	54 (9%)	8 (1,3%)	2 (0,3%)	0 (0%)
Прагматическая	18 (3%)	28 (4,7%)	14 (2,3%)	40 (6,7%)	8 (1,3%)	4 (0,7%)	12 (2%)	0 (0%)	4 (0,7%)	3 (0,5%)	0 (%)	0 (0%)
Информативно- прагматическая	6 (1%)	10 (1,7%)	16 (2,7%)	30 (5%)	28 (4,7%)	22 (3,7%)	33 (5,5%)	10 (1,7%)	10 (1,7%)	5 (0,8%)	6 (1%)	0 (0%)
Прагматически- прогностическая	8 (1,3%)	6 (1%)	2 (0,3%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)
Всего	600 (100%)											

Если убрать первую часть заголовка, то экспрессивность и насыщенность сразу же снижается и остаётся лишь сухая констатация факта, что недостаточно для того, чтобы побудить читателя перейти по ссылке и ознакомиться со статьёй в полном объеме. Именно узнаваемое сочетание «нашего времени» приближают заголовок к рекламному слогану и выделяют статью среди других, тем самым делая её более привлекательной для читателей. Вторая, менее образная часть заголовка также выполняет свою функцию – информативную. Читателю становится понятно, о ком конкретно будет идти речь и от кого должны ждать помощи, ведь заголовок достаточно ёмко раскрывает суть материала статьи. Таким образом, заголовок успешно выполняет одновременно две функции.

2.7. При описании прогностической функции следует упомянуть механизм антиципации, под которой подразумевается предвосхищение или предугадывание тех или иных событий. Данная функция предполагает способность заголовка вызвать у читателя формирование определенной проекции текста статьи. Иными словами, заголовок заставляет читателя предугадывать написанное далее в тексте самой статьи, тем самым провоцируя желание узнать, действительно ли он не ошибся в своих догадках. При этом, успешная реализация прогностической функции зависит не только от использования журналистом однозначных и понятных реципиенту заголовков, но и от фоновых знаний, а также от лексикона самого читателя, использующего заголовок как ключ к пониманию всего текста. В качестве примера можно рассмотреть заголовок (6) *The great uncertainty* [The Week, 12.05.2020]. ‘Большая неопределенность’. Человек, который хорошо знаком с классической литературой, сразу же уловит связь и проведет параллель с названием известного романа Чарльза Диккенса «Большие надежды» (*The great expectations*). Данный заголовок был целенаправленно создан автором для той аудитории читателей, которые знакомы с произведением или хотя бы знают о чём идет речь, что на подсознательном уровне подтолкнёт их к прочтению статьи и сравнению актуального положения дел в мире с событиями в книге. Данная функция также не выступает в «чистом» виде и служит реализации прагматического потенциала, в нём заключена идея и замысел автора, поэтому она также может быть представлена как прагматически-прогностическая. Эта функция характеризует относительно небольшое количество ЗПСС во всех трёх языках (см. табл. 2)

Материал данного исследования позволяет провести анализ функций, которые реализуются в ЗПСС и определить наиболее и наименее частотные функции заголовков и также провести сопоставительный анализ языков СМИ. Стоит отметить, что такие функции, как номинативная и графически-разделительная не рассматриваются в рамках проведенного анализа, так как они актуальны абсолютно для всех ЗПСС и реализуются «по умолчанию».

2.8. Важным представляется установление факта отсутствия или наличия корреляции между функциями ЗПСС и их объемом (см. табл. 2).

Как свидетельствует данная таблица 2, ЗПСС выполняющие информативную функцию более всего характеризуются объемом в 7-9 слов. В немецком языке также отмечается значительное количество ЗПСС с информативной функцией, состоящие из 3-6 слов, что можно объяснить наличием слов-композигов, которые могут быть семантически более насыщены, чем слова в английском и русском языках. Продуктивной группой для информативных ЗПСС русскоязычных СМИ являются заголовки, состоящие из 10-13 слов, что свидетельствует о потребности в использовании более объемных заголовков для полноценной реализации информативной функции. В целом, для ЗПСС русско- и немецкоязычных статей и сообщений СМИ наиболее распространенной является информативная функция. Соответственно первостепенную задачу авторы статей видят в сообщении той или иной информации, предполагая, что это заинтересует и привлечёт читателя больше, чем выражения, имеющие более высокий прагматический потенциал (см. табл. 2).

Прагматическая функция является наиболее продуктивной для заголовков англоязычных СМИ и характеризуется ЗПСС объемом 7-9 слов. Соответственно англоязычный читатель охотнее откроет ту статью, которая вызывает у него удивление, выражает негативную или положительную оценку, и т. д. Также ЗПСС немецкоязычных СМИ достаточно часто реализуют прагматическую и информационно-прагматическую функцию, что говорит о высокой степени присутствия авторского «я» в тексте статей. Однако, заголовки немецкоязычных СМИ, представляющие прагматическую функцию, характеризуются объемом 3-6 слов, что также свидетельствует о возможности немецкого языка реализовать данную функцию посредством слов-композигов.

Информационно-прагматическая функция в большинстве случаев реализуется посредством ЗПСС объемом в 7-9 слов для всех языков, а также 10-13 слов для английского языка.

Наименее распространенной функцией ЗПСС является прагматически-прогностическая функция. Данный факт можно объяснить тем, что автор чаще делает выбор в пользу более распространенных, менее «завуалированных» языковых средств, таких как фразеологизмы, метафоры, устойчивые словосочетания. Не каждый читатель имеет достаточную базу знаний для понимания реминисценций, поэтому авторы стараются этим не злоупотреблять, чтобы не отпугнуть читателя. Объем ЗПСС, реализующих данную функцию, не превышает 6 слов. Это краткие словосочетания,

схожие с фразеологизмами, названиями фильмов и песен, произведений художественной литературы, которые также редко представляют собой сложные предложения.

Таким образом, существует определенная корреляция между функциями и объемом ЗПСС. Чем больше заголовок наполнен информацией, тем больший объем требуется для полного охвата всех данных и фактов, которые автор намеревается сообщить читателю в своём заголовке. И, соответственно, чем выше степень образности и прагматического потенциала заключено в заголовке, тем меньшее количество слов требуется для реализации соответствующих функций.

4. Выводы. В результате изучения ЗПСС немецко-, англо- и русскоязычных СМИ, их объема и функций, были сделаны следующие выводы:

4.1. Заголовок является наиболее тем элементом всего заголовочного комплекса, который первым привлекает к себе внимание читателя. Также к заголовочному комплексу относятся надзаголовок, подзаголовок, тематическое название полосы и рубрика. Заголовок выделяют графически, изменяя размер, цвет или стиль шрифта. Его можно рассматривать как часть целого (заголовочного комплекса), так и в качестве самостоятельной смысловой единицы. При создании заголовков автор руководствуется желанием привлечь внимание читателя, заинтересовать его, буквально заставить прочесть статью полностью, не ограничиваясь одним заголовком, что открывает ему дальнейшую возможность ознакомить читателя с текстом статьи и оказать на него определённое влияние, сформировать или изменить мнение к тому или иному событию или человеку.

4.2. ЗПСС обладают номинативной, графически-разделительной, прагматической, информативной и прогностической функциями. Номинативная и графически-разделительная функции присущи всем заголовкам, так как каждый является названием статьи и отделяет саму статью от её названия.

4.3. Помимо функций, которые обязательно должны реализовываться в заголовках (номинативная и графически-разделительная), важную роль играют информативная, прагматическая и прогностическая функции. Эти функции являются инструментами для выражения автором своих идей и намерений, для импликации завуалированного смысла, ознакомления читателя со своим личным видением того или иного вопроса.

4.4. Наиболее частотными для всех языков являются информационная и информационно-прагматическая функции (более половины всех ЗПСС) (см. табл. 2).

4.5. Доминирующей функцией ЗПСС русско- и немецкоязычных СМИ является информативная функция. Данные СМИ делают акцент на информативности заглавия статьи, прагматическая функция характеризует меньшее количество ЗПСС.

4.6. Немецкоязычные ЗПСС способны реализовать прагматическую функцию меньшим количеством языковых средств за счёт слов-композигов.

4.7. ЗПСС англоязычных СМИ отличаются частой реализацией прагматической и информационно-прагматической функций, что говорит о наличии у авторов статей цели – повлиять на формирование нужного мнения у читателей.

4.8. Многие заголовки носят полифункциональный характер, что подразумевает сочетание нескольких функций в одном заголовке. Самым распространённым сочетанием функций является информативно-прагматическая, а в англоязычной прессе данная комбинация функций является наиболее распространённой.

4.9. Большая часть заголовков в той или иной степени обладают прагматическим потенциалом, они являются средством и инструментом для реализации автором преследуемых им целей. В англоязычных СМИ одной из доминирующих функций (после информативно-прагматической) является прагматическая, благодаря чему можно сделать вывод о манипулировании читательским мнением.

4.10. Анализ эмпирического материала исследования показал, что большинство заголовков политических статей и сообщений содержат открытые, понятные читателю структуры, которые зачастую облегчают понимание текста, однако некоторые заголовки предполагают наличие у читателя определенных фоновых знаний. Такого рода заголовки обладают прагматически-прогностической функцией и являются наименее частотными во всех СМИ.

4.11. Был установлен факт наличия корреляции между функциями ЗПСС и их объемом, что подразумевает потребность в разном количестве языковых средств для реализации тех или иных функций. Меньшим объемом ЗПСС характеризуются те заголовки, которые реализуют прагматическую и прагматически-прогностическую функции. Информативная и информативно-прагматическая функции предполагают больший объем ЗПСС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова Е. Ю. Интернет-газета как новый вид СМИ // Вестник Амурского государственного университета. Благовещенск: Издание АмГУ, 2013. Вып. 62. С. 161-165.
2. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. 2011. Доступ: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>. (дата обращения: 05.04.2010).
3. Вомперский В. П. К изучению синтаксической структуры газетного заголовка // Искусство публицистики (проблемы теории и практики). Алма-Ата, 1966. С. 82-85.
4. Голодов А. Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы). Рязань, 2015. 195 с.
5. Горина Е. В., Лазарева Э. А. Интернет-издание как текстовый феномен // Лингвокультурология. № 3/2009. Доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-izdanie-kak-tekstovoy-fenomen>. (дата обращения 22.04.2020).
6. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: (современная английская медиаречь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008. 263 с.

7. Костомаров В. Г. Стилистика. Компендиум лекций, прочитанных в 2003 / 2004 учебном году бакалаврам Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. Москва, 2004. 255 с.
8. Лазарева Э. А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 82 с.
9. Мужев В. С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Горького. Москва, 1970. Вып. 55. Вопросы романо-германской филологии. С. 86-94.
10. Петрова Е. А. Соотношение структуры и функций заголовков в современных англоязычных газетах // Инновационная наука. 2015. № 3. С. 205-208.
11. Пешкова Ю. В. Роль и функции новостных заголовков в современной немецкоязычной прессе: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. Москва, 2012. 21 с.
12. Попов А. С. Синтаксическая структура современных газетных заглавий и ее развитие // Развитие синтаксиса современного русского языка. Москва: Наука, 1966. С. 95-126.
13. Прохорова К. В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 238-246.
14. Сыров И. А. Функционально-семантическая классификация заглавий и их роль в организации текста // НДВШ. Филологические науки. 2002. № 3. С. 59-68.
15. Турчинская Э. И. Соотношение заголовка и текста в газетнопублицистическом стиле: (На примере заголовков передовых статей газеты «Юмани-те») // Лингвистика текста и лексикология. Москва, 1984. Вып. 234. С. 134-146
16. Фатина А. В. Функционирование заголовочных комплексов в современной российской газете: Стилистико-синтаксический аспект. Доступ: <http://www.referun.com/n/funktsionirovanie-zagolovochnyh-kompleksov-v-sovremennoy-rossiyskoj-gazete>. (дата обращения: 20.04.2020).
17. Шостак М. И. Журналист и его произведение. Москва: ТОО «Гендальф», 1998. 96 с.
18. Bell A. The Language of News Media. Oxford: Blackwell, 1991. 277 p.
19. Conboy M. Journalism Studies: The Basics. Routledge, 2012. 208 p.
20. Leschenko O. Deutsche und ukrainische Werbslogans von Banken, Versicherungs-, Finanz- und Beratungsunternehmen. Danziger Beiträge zur Germanistik. Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag, 2019. Band 59. 241 S.
21. Vater H. Einführung in die Sprachwissenschaft. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 1994. S. 90ff.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 1969. 608 с.
2. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Москва: Аграф. 1997. 384 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Ведомости. Доступ: <https://www.vedomosti.ru>. (дата обращения: 10.04.2020).
2. Известия. Доступ: <https://iz.ru>. (дата обращения: 10.04.2020).
3. Коммерсантъ. Доступ: <https://www.kommersant.ru>. (дата обращения: 10.04.2020).
4. Der Spiegel. Доступ: <https://www.spiegel.de>. (дата обращения: 10.04.2020).
5. Deutsche Tageszeitung. Доступ: <https://www.deutschetageszeitung.de>. (дата обращения: 10.04.2020).
6. Frankfurter Allgemeine Zeitung. Доступ: <https://www.faz.net/aktuell>. (дата обращения: 10.04.2020).
7. The Guardian, BRITISH NEWSPAPER. Доступа: <https://www.theguardian.com/us-news>. (дата обращения: 20.04.2020).

8. The New York Times. Доступ: <https://www.nytimes.com>. (дата обращения: 10.04.2020).
9. The Week. Доступ: <https://theweek.com>. (дата обращения: 10.04.2020).

REFERENCES

1. Bazhenova, E. Yu. (2013). Internet-gazeta kak novyy vid SMI [Internet newspaper as a new type of media]. In *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. Blagoveshchensk: Izdanie AmGU. Vyp. 62. Pp. 161-165. (In Russ.).
2. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics]. Available at: <http://philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm>. (accessed: 05.04.2020). (In Russ.).
3. Vompersky, V. P. (1966). K izucheniyu sintaksicheskoy struktury gazetnogo zagolovka [To the study of the syntactic structure of a newspaper headline]. In *Iskusstvo publitsistiki (problemy teorii i praktiki)*. Alma-Ata. Pp. 82-85. (In Russ.).
4. Golodov, A. G. (2015). *Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoj massovoy pressy)* [Language wars]. Ryazan. Pp. 195. (In Russ.).
5. Gorina, E. V., Lazareva, E. A. (2009). Internet-izdanie kak tekstovyy fenomen [Internet publication as a text phenomenon]. In *Lingvokulturologiya*. No. 3. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-izdanie-kak-tekstovoy-fenomen> (accessed: 22.04.2020). (In Russ.).
6. Dobrosklonskaya, T. G. (2008). *Medialingvistika: sistemnyy podhod k izucheniyu yazyka SMI: (sovremennaya angliyskaya mediarech* [Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: (modern English media speech)]. Moskva: FLINT: Nauka. (In Russ.).
7. Kostomarov, V. G. (2004). *Stilistika. Kompendium lektsiy, pročitannykh v 2003/2004 uchebnom godu bakalavram Gosudarstvennogo instituta russkogo yazyka imeni A. S. Pushkina*. [Stylistics. Compendium of lectures delivered in the 2003/2004 academic year to bachelors of the Pushkin State Institute of the Russian Language]. Moskva. (In Russ.).
8. Lazareva, E. A. (1989). *Zagolovok v gazete* [The headline in the newspaper]. Sverdlovsk: Izd-vo UrGU. (In Russ.).
9. Muzhev, V. S. (1970). O funktsiyakh zagolovkov [On the functions of the headers]. In *Uchenye zapiski MGPIYA im. M. Toreza*. Moskva. Vyp. 55. Voprosy Romano-Germanskoy philologii. Pp. 86-94. (In Russ.).
10. Petrova, E. A. (2015). Sootnoshenie struktury i funktsiy zagolovkov v sovremennykh angloyazychnykh gazetakh [The correlation of the structure and functions of headlines in modern English-language newspapers]. In *Innovatsionnaya nauka*. No. 3. Pp. 205-208. (In Russ.).
11. Peshkova, Yu. V. (2012). *Rol i funktsii novostnykh zagolovkov v sovremennoy nemetskojazychnoy presse* [The role and functions of news headlines in the modern German-language press]: avtoref. dis. ... cand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
12. Popov, A. S. (1966). Sintaksicheskaya struktura sovremennykh gazetnykh zaglaviy i ikh razvitie [Syntactic structure of modern newspaper headlines and its development]. In *Razvitie sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Nauka. Pp. 95-126. (In Russ.).
13. Prokhorova, K. V. (2012). Zagolovochnyy kompleks v mediatekste: osobennosti funktsionirovaniya [Title complex in the media text: features of functioning]. In *Vestnik St. Petersburg State University*. Seriya 9. Filologia. Vostokovedenie. Zhurnalistika. No. 1. Pp. 238-246. (In Russ.).
14. Sirov, I. A. (2002). Funktsionalno-semanticheskaya klassifikatsiya zaglaviy i ikh rol v organizatsii teksta [Functional-semantic classification of titles and their role in the organization of the text]. In *NDVSh. Filologicheskie nauki*. No. 3. Pp. 59-68. (In Russ.).

15. Turchinskaya, E. I. (1984). Sootnoshenie zagolovka i teksta v gazetnopublitsisticheskom stile: (Na primere zagolovkov peredovykh statey gazety «Yumani-te») [The correlation of the headline and the text in the newspaper journalistic style: (on the material of leading articles of “Yumani-te” newspaper)]. In *Lingvistika teksta i leksikologiya*. Moskva. Vyp. 234. Pp. 134-146 (In Russ.).

16. Fatina, A. V. Funktsionirovanie zagolovochnykh kompleksov v sovremennoy rossiyskoy gazete: Stilistiko-sintaksicheskiy aspekt [Functioning of headline complexes in a modern Russian newspaper: The stylistic-syntactic aspect]. Available at: <http://www.referun.com/n/funktsionirovanie-zagolovochnyh-kompleksov-v-sovremennoy-rossiyskoy-gazete> (accessed: 20.04.2020). (In Russ.).

17. Shostak, M. I. (1998). *Zhurnalist i ego proizvedenie: prakticheskoe posobie* [Journalist and his work: practical guide]. Moskva: TOO «Gendalf». (In Russ.).

18. Bell, A. (1991). *The Language of News Media*. Oxford: Blackwell.

19. Conboy, M. (2012). *Journalism Studies: The Basics*. Routledge.

20. Leschenko, O. (2019). *Deutsche und ukrainische Werbslogans von Banken, Versicherungs-, Finanz- und Beratungsunternehmen. Danziger Beiträge zur Germanistik*. Frankfurt am Mein: Peter Lang Verlag. Band 59.

21. Vater, H. (1994). *Einführung in die Sprachwissenschaft*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1969). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moskva. (In Russ.).

2. Rudnev, V. P. (1997). *Slovar kultury XX veka* [Dictionary of culture of the twentieth century]. Moskva: Agraf. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Vedomosti* [Journal]. Available at: <https://www.vedomosti.ru>. (accessed: 10.04.2020). (In Russ.).

2. *Izvestia* [News]. Available at: <https://iz.ru>. (accessed: 10.04.2020). (In Russ.).

3. *Kommersant* [Merchant]. Available at: <https://www.kommersant.ru>. (accessed: 10.04.2020). (In Russ.).

4. *Der Spiegel*. Available at: <https://www.spiegel.de>. (accessed: 10.04.2020).

5. *Deutsche Tageszeitung*. Available at: <https://www.deutschetageszeitung.de>. (accessed: 10.04.2020).

6. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Available at: <https://www.faz.net/aktuell>. (accessed: 10.04.2020).

7. *The Guardian, BRITISH NEWSPAPER*. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news>. (accessed: 20.04.2020).

8. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com>. (accessed: 10.04.2020).

9. *The Week*. Available at: <https://theweek.com>. (accessed: 10.04.2020).

Потрахова Дарья Евгеньевна – аспирант кафедры германской филологии (e-mail: d.potrakhova@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Potrakhova Daria E. – Post-Graduate Student of the Germanic Philology Department (e-mail: d.potrakhova@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 07 мая 2020 г.

НОМИНАЦИЯ ФАМИЛИЙ В АНГЛИЙСКОМ И ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются источники номинаций фамилий в английском и осетинском языках. Делается краткий обзор истории образования английских и осетинских фамилий. Проводится сопоставительный анализ некоторых особенностей антропонимизации в данных языках. Предлагается классификация английских и осетинских фамилий. Приводятся количественные данные в отношении групп фамилий, выделенных на основе признаков их номинации в английском и осетинском языках.

Ключевые слова: антропонимика, прозвище, фамилия, антропонимизация, семантика, классификация.

NOMINATION OF SURNAMES IN ENGLISH AND OSSETIAN

The article focuses on the sources of nomination of surnames in the English and Ossetian languages. The author gives a brief historical overview of the origin of the English and Ossetian surnames and makes a comparative analysis of anthroponymisation mechanism in the two languages. The classification of the English and Ossetian surnames has been worked out. It provides the quantitative data for the surname groups, singled out on the basis of their nomination criterion in the English and Ossetian languages.

Key words: anthroponomastics, nickname, surname, anthroponymisation, semantics, typology.

1. Вводные замечания. В настоящей статье в сопоставительном аспекте исследуются некоторые особенности номинации фамилий в английском и осетинском языках, в частности, прозвища как генетический источник фамилий. Предлагается классификация английских и осетинских фамилий, производится количественный анализ классов фамилий в данных языках.

Актуальность исследования обусловлена прежде всего тем, что оно выполнено в русле сопоставительной лингвистики, а также тем, что онимическая лексика в целом и ее национально-культурный фон в частности представляют большой интерес для лингвистов, вместе с тем они изучены недостаточно, особенно в осетинском языке.

Предметом данного сопоставительного исследования являются национально-культурные особенности формирования фамилий в английском и осетинском языках.

Объектом исследования являются английские и осетинские фамилии, их выборка получена из специальных работ и лексикографических источников (словарей и справочников фамилий).

Цель работы заключается в изучении признаков, лежащих в основе фамилий в английском и осетинском языках, а также в сравнении особенностей фамильной антропонимизации в данных языках. Уникальное место в антропономастике занимают прозвища, которые составляют свой, особый мир имен.

2. Прозвища как источник фамилий в английском языке

Антропонимика (от греч. *anthropos* – человек и *онума* – имя) определяется как раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы, криптонимы (скрываемые имена) [БЭС].

Прозвище – вид антропонима, добавочное имя, которое дается человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой или профессией, сопутствующими его жизни обстоятельствами или по какой-либо аналогии [Подольская, 1978: 115].

Английское слово *surname* ‘фамилия’ происходит от французского *surnom*, старофр. *surnim*, *surnoun* ‘прозвище’ (отсюда среднеангл. *sournoun* ‘прозвище’), лат. *supernōmen*, *suprānōmen* ‘прозвище’ (*super* ‘над, сверх, за’ и *nōmen* ‘имя’) [OED]. Английское *nickname* ‘прозвище’, восходит к среднеанглийскому *nekename*, *ekename* ‘прозвище’ (*eke* ‘добавочный’ и *name* ‘имя’) [OED].

Прозвище является самой древней антропонимической единицей, генетическим источником личных имен и фамилий [Леонович, 2015: 34]. Именно близость этих групп ономастической лексики обуславливает в ряде случаев расплывчатость и условность связи между официальными именами и прозвищами [Живоглядов, 1986: 138].

На протяжении всего средневековья фамилии непрерывно менялись. Даже сейчас семьи меняют фамилии. Фамилия *Blackden* превратилась в *Blacktin*, *Hogg* – в *Hodd*, *Livemore* была вытеснена *Livermore*, и это все на памяти нынешнего поколения [Reaney, 2005: int.].

Не всегда возможно однозначное установление происхождения фамилий. Современная фамилия *White* может происходить от англо-саксонского имени *Hwīta*, или от прозвища *White* ‘светлый, белый цвет лица’, или от локального прозвища (*from the Isle of Wight, on the coast of Hampshire, England* ‘с острова Уайт на побережье графства Хэмпшир, Англия). Современная фамилия *Howard* может происходить от прозвища *ewe-herd* ‘пастух’ или *hayward* ‘сторож, следящий за сохранностью изгородей в приходе’, или от французского имени *Huard*, или от древнегерманского имени *Howard* [ISD]. Современная форма фамилии зачастую больше скрывает информацию о происхождении, нежели раскрывает.

Сейчас фамилия означает наследуемое фамильное имя, но изначально она означала просто дополнительное имя. Каждая фамилия к моменту своей юридически-

административной фиксации на протяжении определенного времени функционировала в качестве прозвища. До того времени, когда фамилии стали наследуемыми, многие люди имели даже по несколько дополнительных именовании – прозвищ. Например, *Richard Poche of Preston called le Belleyetere* (1315), чьи потомки сейчас могут носить фамилию *Pouch, Preston* или *Billiter* [Reaney, 1967: 20].

Фамилии стали необходимы, когда правительство Англии начало вводить систему налогообложения, вследствие чего возникла всеобщая поземельная перепись в Англии в 1086 году. Материалы переписи собраны в «Книге Судного дня» («Domesday Book»), которая представляет собой беспрецедентный и ценнейший источник сведений о первых зарегистрированных английских фамилиях. Зажиточные землевладельцы были первыми, кто принял наследственные фамилии в Англии, другие же социальные классы продолжали использовать ненаследственные имена. Эти землевладельцы обычно использовали топонимические названия, их идентифицировали по названиям поместий, из которых они происходили [Hanks, 2016: 4]. Для землевладельцев было важно принять эти имена и превратить их в наследственные фамилии, чтобы укрепить свое положение в качестве наследственных владельцев собственности [McKinley 1990: 26ff., цит по Brylla, 2016: 6].

Территориально тоже фамилии появились неравномерно. Большинство ученых сходятся во мнении, что наследственные фамилии оформились на юге Англии примерно к 1350 году, на севере – к 1450 году. Некоторые наследственные фамилии имели действительно позднее происхождение, эволюционируя в северные части Англии до 1700-х годов [Reaney 1967: 315; McKinley 1990: 32; Hey 2000: 53; Redmonds 1997: 57; цит. по Hanks, 2016: 4].

Во времена Нормандского завоевания англичане использовали имена, унаследованные от своих англосаксонских и скандинавских предков, но лишь немногие из этих имен сохранились к концу XIII века, и они постепенно были заменены нормандскими и библейскими именами. Ученым не известно, почему этот запас имен должен был тогда так резко сократиться, но именно это и произошло, и к концу XIV века выбор имен стал ошеломляюще скудным. Об этом красноречиво свидетельствует налоговая декларация (poll tax return) 1379 года Шеффилда, Эклсфилда, Бредфилда и Хендсворта (поселения Халламшира – самого южного графства в англосаксонские времена). Список из 715 мужских имен возглавляет имя *John* (236 – 33%), далее следует имя *William* (137 – 19%), *Thomas* (85), *Richard* (67) и *Robert* (64). Другими словами, более половины мужчин в Халламшире в 1379 году носили имя *John* или *William*. Необходимо было дополнительное имя, чтобы отличить одного Джона от другого. Поэтому прозвища приобретали все более важное значение, превращаясь в наследуемые фамилии [Hey, 2000: 54].

Невозможно не упомянуть еще одну причину офамиливания населения – влияние моды. Фамилии медленно распространялись вниз по социальной лестнице, возможно, придавая статус, который становился все более желанным, прикрепляя ярлык, который должен был иметь каждый. Постепенно все пришли к пониманию того, что фамилия – это нормальное требование в обществе [Redmonds, 2011: 57].

Развитие наследственных фамилий в Англии было сложным и длительным процессом. На протяжении веков фамилии постоянно менялись, часто приводя к удивительным вариантам первоначального написания. Например, фамилия *Vidler* может происходить от прозвища профессионального игрока на скрипке (от древнеангл. *fidelere* ‘скрипач’), либо от прозвища человека, имеющего воображаемое сходство с волком (от старофр. *vis de leu* ‘волчья морда’). Но орфографическая вариативность может быть очень широкой: *Vidler, Fiddler, Videler, Vidloc, Fydeler* и т. д. [ISD].

3. Классификация английских фамилий

Сложно дать точную, исчерпывающую классификацию фамилий, которые произошли от прозвищ, поскольку значения многих непонятны. Прозвища часто возникают спонтанно, случайно. Учитель химии имел прозвище *Bublum Squeaks*, искаженный вариант от *Bubble* ‘пузырь’ and *Squeak* ‘писк, скрип’. Это был вспыльчивый, недисциплинированный человек, голос которого становился все громче и громче, до пронзительного писка, когда он тщетно пытался перекричать шум в лаборатории. Но почему его коллега носил прозвище *Joe Plug* ‘штепсель, затычка’, никто не знает. Имя его было *Arthur*, а фамилия – *Watson*. Порой бывает невозможно определить мотивировку, причину возникновения прозвища [Reaney, 1967: 219].

В отличие от имени, прозвище, как правило, отражает не желательные, а реальные свойства и качества носителя, а также фиксирует особый смысл, который имели эти свойства и качества для окружающих, т. е. прозвища отличаются смысловой наполненностью. Прозвища даются в разные периоды жизни и во многих случаях могут быть известны довольно ограниченному кругу лиц. По сравнению с личными именами, семантика прозвищ отличается определенной специфичностью. Прозвище, как правило, осознается как имя значащее, оно не может быть асемантическим. Огромную роль в «расшифровке» прозвищного имени играет лингвистический контекст, который определенно указывает на прозвищный «статус» имени и помогает декодировать его семантику.

Личные прозвища характеризуются прямой соотнесенностью с теми или иными признаками человека, который данное прозвище носил: внешность, характер, профессия,

социальное положение, происхождение из определенной местности или от определенного лица и т. д.

Ученые-ономасты [Reaney, 1967: 20; Matthews, 1967: 67; Smith 1970: 44; Hanks, Coates, McClure, 2016: int. xvii] выделяют четыре основные группы английских фамилий: 1) местные, 2) генеалогические, 3) профессионально-должностные, 4) описательные.

3.1. **Местные фамилии** являются самой многочисленной группой (38%) [Matthews, 1967: 67]. Сюда относятся не только фамилии-прозвища, которые указывают на происхождение их обладателей из определенной местности (Топonymic names), но и фамилии-прозвища, которые указывают на топографические объекты (река, море, гора, холм, равнина и т. д.) (Тороgraphic names), а также на этническую принадлежность (Ethnic and regional names) [Hanks, Coates, McClure, 2016: int. xviii]. Например: *Irish* ‘ирландский’, *Welsh* ‘валлийский’, *England* ‘Англия’, *Stafford* ‘Стаффорд’, *Allmand* ‘немец’, *French* ‘французский’, *English* ‘английский’, *Brabazon* ‘из Брабанта’, *Scott* ‘шотландец’, *Wallis* ‘из Уэльса’, *Angwin* ‘из Анжу (Франция)’, *Devenish* ‘из Девона’, *Western* ‘с запада’, *Eastern* ‘с востока’, *Ash* ‘ясень’, *Brook* ‘ручей’, *Field* ‘поле’, *Green* ‘зелень’, *Hill* ‘холм’, *Kirk* ‘церковь’, *Marsh* ‘болото’, *Mill* ‘мельница’, *Pound* ‘пруд’, *Wood* ‘лес’, *Townsend* от *town* ‘город’ и *send* ‘отправлять’, *Underhill* от *under* ‘под’ и *hill* ‘холм’, *Bywater* ‘у реки’, *Atwood* ‘у леса’, *Easton* от *eastern* ‘восточный’, *Norton* от *northern* ‘северный’, *Sutton* от *southern* ‘южный’, *Weston* от *western* ‘западный’; *Dallimore* от старофр. *del la mare* ‘с водоема’, *Delafield* ‘с поля’, *Dellaway* от среднеангл. *dale* и *weie* ‘дорога в долину’, *Delbridge* старофр. *del la* и среднеангл. *brigge* ‘с моста’, *Hillman* ‘человек с холма’, *Hiller* ‘с холма’, *Brooking* ‘житель у ручья’, *Thorning* ‘житель у колючки’; *Roman* ‘римский’, *Greek* ‘греческий’, и т. д. [ODFNBI; IDS].

3.2. Вторая по численности группа – **генеалогические фамилии** (33%) [Matthews, 1967: 67]. Сюда относятся, прежде всего, фамилии, образованные от личных имен, фамилии, которые указывают на родство по отцу, матери, брату, дяде, тете и т. д., фамилии, связанные с именами богов и с библейскими именами и т.д. Например: *Cousin* ‘кузен’, *Eames* от среднеангл. *eme* ‘дядя’, *Nephew* и *Neave* ‘племянник’, *Mowe* и *Muff* от среднеангл. *tough* ‘зять’, *Wilcokesconsin* от *Wilcock’s cousin* ‘кузен Уилкока’, *Watmough* от *Walter’s son-in-law* ‘зять Уолтера’; от личных имен: *Henry*, *Robert*, *Walter*, *William*, *Allis*, *Malt* и *Moult* от *Maud*, *Everard*, *Savory*, *Wass*, *Gaze*, *Frank*, *Marritt* от *Margaret*, *Catlin* от *Catharine*, *Sisley* от *Cecily*, *Annis* от *Agnes*, *Neal* и *Nihel* от *Niel*; библейские имена: *Adam*, *Eve*, *De Jesus*, *Mayhew Matthew*, *Pear Pearce Peter*, *Lawrence*, *Nicholas*, *Dennis (Dionysia)*, *John*, *Julian* [ODFNBI]; *Debney* от франц. ‘да благословит тебя Господь’, *Dugard* от франц.

‘да хранит тебя Господь’; *Godbehere* от *god* ‘Бог’, *be* ‘быть’ и *here* ‘здесь’, *Godsave* от *god* ‘Бог’ и *save* ‘спасать’ [Reaney, 2006: int.].

В данной группе ярким примером показателя родства являются фамилии с патронимическими формантами: *-son*, *-s* (сокращенный вариант от *son* ‘сын’), *fil-* или *fitz-* (англо-нормандский префикс, означает ‘сын’), *Mac-* *Mc-* (шотландский префикс, означает ‘сын’), *O* (descendant of ‘потомок’) (ирландская традиция создавать фамилию по имени деда) [ODFNBI; Леонович, 2015: 38]. Например: *Hodges*, *Roberts*, *Wilkins*, *Timms*, *Dixon*, *Jackson*, *Clappison* (*Clapham + son*), *Fitzalan*, *Fitzwilliam*, *Fitzgilbert*, *MacDonald*, *McRandel*, *McPhillips*, *O’Neal*, *O’Hara*, *O’Kelly*, *O’Reilly* и т. д. [ODFNBI].

3.3. Профессионально-должностные фамилии (16%) [Matthews, 1967: 67].

К данной группе относятся фамилии, которые отражают не только род занятий носителя, но его статус в обществе (Status Names): *Smith* ‘кузнец’, *Orchard* ‘садовник’, *Slatter* ‘кровельщик’, *Judge* ‘судья’, *Steward* ‘сенешаль’, *Bendbow* ‘лучник’, *Shepherd* ‘пастух’, *Copestake* ‘дровосек’, *Waghorn* ‘трубач’ *Farmer* ‘фермер’, *Catchpole* ‘констебль’, *Baker* ‘пекарь’, *Fettiplace* ‘швейцар’, *Knatchbull* ‘мясник’, прозвища охотника – *Findlow* (*find* ‘искать’), *Catchlove* (*catch* ‘ловить’), *Bindloes* (*bind* ‘связывать’), со старофр. *louve* ‘волк’ в качестве второго элемента; *Hackwood* ‘лесник’, *Whitepaun* ‘пекарь’; *Bond* ‘связь, залог’ (несвободный арендатор), *Freeman* ‘свободный’, *Franklin* (свободный арендатор или свободный человек, но не дворянского происхождения), *Burgess* ‘свободный человек’; *Knight* ‘рыцарь’, *Lord* ‘лорд’, *Marshall* ‘маршал’ и т. д. [ODFNBI; DES].

3.4. Описательные фамилии (13%) [Matthews, 1967: 67] описывают физические и моральные качества, умственные способности, характер: *Head* ‘голова’, *Neck* ‘шея’, *Mouth* ‘рот’, *Leg* ‘нога’, *Foot* ‘ступня’, *Shanks* ‘голень’, *Broadhead* от *broad* ‘широкий’ и *head* ‘голова’, *Redhead* ‘рыжеволосый’, *Ramshead* от *ram* ‘баран’ и *head* ‘голова’, *Barefoot* ‘босой’, *Cruickshanks* ‘кривоногий’, *Goosey* ‘глупый’, *Hawkey* от *hawk* ‘ястреб’, *Pauncefote* ‘пузатый’, *Vidler* ‘волчья морда’ (от старофр. *vis de leu* ‘волчья морда’), *Chaffin* ‘лысый’, *Hurren* ‘лохматый’, *Garnham* ‘усатый’ (от старофр. *grenon*, *germon* ‘усы’), *Grelley* ‘покрытый оспенными рубцами’; моральные качества и умственные способности: *Good* ‘хороший’, *Moody* ‘угрюмый’, *Sharp* ‘сообразительный’, *Wise* ‘мудрый’, *Root* ‘корень’, *Daft* ‘легкомысленный’, *Grim* ‘жестокий’, *Sturdy* ‘крепкий’, *Proud* ‘надменный’, *Prowse* от *prowess* ‘доблестный’, *Vaisey* от старофр. *envoisie* ‘игривый’, *Gulliver* от старофр. *goulafre* ‘обжора’, *Comfort* ‘утешать’, *Greed* ‘жадность’, *Lawty* от старофр. *leaute* ‘закон, обязательство’, *Verity* ‘истина’, *Wisdom* ‘мудрость’, *Gutsell* от *good soul* ‘добрая душа’, *Thoroughgood* от *thorough* ‘совершенный, абсолютный’ и *good* ‘хороший’, *Goodenough* от

good ‘хороший’ и *enough* ‘достаточно’, *Careless* ‘небрежный’, *Pennyfather* ‘скряга’, *Girling* от старофр. *ceur de lion* ‘храбрый’, *Gain* ‘мошенник’, *Fairweather* от *fair* ‘ясный’ и *weather* ‘погода’ [DES; IDS].

Прозвища от названий животных, которые могут описывать как внешние качества, так и черты характера: *Lamb* ‘ягненок’, могли быть прозвищами кроткого человека, *Bull* ‘бык’ – сильный или упрямый человек, *Colt* ‘жеребенок’ – живой и резвый человек. Но обладатели этих прозвищ могли быть также скотоводами. Прозвища от названий птиц не всегда можно объяснить: *Raven* ‘ворон’ – черноволосый, *Heron* ‘цапля’, *Stork* ‘аист’ – длинноногий, *Nightingale* ‘соловей’, *Thrush* ‘дрозд’ – певец, *Kite* ‘коршун’ – жадный.

Это малая часть тех примеров, которые можно привести. На определенной ступени развития общества прозвища приобретают статус официальных наименований. Происходит разграничение между личными и фамильными именами, с одной стороны, и прозвищами, с другой. Фамилии не происходят непосредственно от имен, апеллятивов или топонимов, а возникают на основе отыменных, отапеллятивных и оттопонимных прозвищ.

Основным фактором, который способствовал переходу прозвища в фамилию, является утрата информации о причинах его возникновения, потеря его мотивировки. «Если Уильям Робертсон – не сын Роберта, Джон Кук – не повар, Томас Хилл не жил на холме, а Ричард Ред – не рыжеволосый, то мы можем сказать, что их прозвища превратились в наследуемые фамилии» [Smith, 1970: 39].

4. Прозвища как источник фамилий в осетинском языке

В осетинском языке слово *фæсном* (от *fæsnomyg / fæsnomæg* ‘прозвище, прозвание, иносказательный’), происходит от осетинских слов *фæс* ‘за, позади, после’ и *ном* ‘имя’ [ИЭСОЯ]. Слово *мыггаг* обозначает ‘род, племя, фамилия’ [ИЭСОЯ]. Но русскому слову *фамилия* в осетинском языке соответствуют еще два понятия, помимо *мыггаг*. Это *æрвадæлтæ* – родственные фамилии, которые произошли от общего предка, и *фыдыфырт* (дословно: ‘сын отца, дети одного отца’) – группа кровных родственников, образовавшаяся от раздела одной первоначальной семьи [Гаглойти, 2007: 7]. Эти три понятия отличаются друг от друга, так скажем, «отдаленностью» от общего предка: *фыдыфырт*, затем более крупная группа – *мыггаг*, и самая крупная группа – *æрвадæлтæ*.

На Кавказе в прошлом люди жили большими нераздельными семьями. Родные братья жили со своими родителями одной большой семьей. Каждая такая семья имела свое наименование, связанное с именем главы семьи. С течением времени сыновья женились, эта семья разрасталась, совместная жизнь становилась затруднительной из-за стремления отдельных членов ее выделиться и вести самостоятельно хозяйство, и семья распадалась.

Выделившиеся семьи селились поблизости друг от друга. Но и эти выделившиеся семьи со временем разрастались и тоже делились. Так образовывалась группа кровных родственников, сформировавшаяся от раздела одной первоначальной большой семьи. И семья получала фамилию от имени главы вновь образовавшейся молодой семьи. Поэтому наиболее богатым источником образования фамилий у осетин являются личные имена предков [Гаглойти, 2007: 8]. Сейчас в Осетии используют понятие *мыггаг* в значении *фамилия*. Но каждая семья обязана знать и знает своих *сэрваделтае*, так как браки между ними запрещены. Когда интересуются фамилией, спрашивают: «*Кæмæй дæ?*», что дословно означает: «*Ты чьих будешь? Из какого ты рода?*».

Осетинские фамилии, как и фамилии других народов, имеют свой длительный процесс становления. К сожалению, письменных свидетельств о происхождении осетинских фамилий очень мало, поэтому большое значение имеют материалы по лингвистике, этнографии, фольклористике. Проблемой истории и возникновения осетинских фамилий занимались такие ученые как В. И. Абаев, Б. А. Алборов, Н. Г. Багаев, Р. С. Бзаров, А. Х. Бязыров, З. Н. Ванеев, К. А. Гагкаев, З. Д. Гаглойти, А. А. Гецаев, Т. А. Гуриев, Ф. Х. Гутнов, Ш. Ф. Джигкаев, К. Т. Кайтов, Б. А. Калоев, Т. З. Козырева, В. Ф. Миллер, В. К. Тотров, А. Д. Цагаева, З. Д. Цховребова и др. Чтобы воссоздать историю отдельных осетинских родов, ученым приходилось обращаться к народным преданиям, которые передавались в устной форме из поколения в поколение [Гаглойти, 2007: 3]. Согласно народным преданиям еще в эпоху Овского царства были известны фамилии древних осетинских родов *Сидамон*, *Царазон*, *Кусагон*, *Агузон*, *Цахилон*, которые подчеркивали значимость своего происхождения [Ванеев, 1956: 4]. Все современные осетинские фамилии, согласно этим преданиям, восходят в конечном счете к одной из этих пяти фамилий.

Анализ фамилий *Царазонта* и *Агузата* показал, что осетинские правители приписывали себе родословную от римских императоров (со времен Октавиана Августа все римские императоры принимали титул «Цезарь» и «Август»). В период консолидации аланского государства правители присвоили себе именованья *Царазонта* и *Агузата*, т. е. наследники Цезарей и Августов. Во все времена люди, стремящиеся к власти или захватившие власть, чтобы придать видимость законности своему господству, придумывали для себя фантастические генеалогии и присваивали себе сверхпочетные звания, титулы и регалии [Абаев, 1987].

В. И. Абаев и З. Н. Ванеев относят фиксации осетинских фамилий к X – XII вв. Ф. Х. Гутнов же пишет: «Согласно родословным, фамилии алдаров (князь, вельможа)

ведут начало от имени людей, живших на рубеже XV-XVI вв. Употребление фамилии у феодалов Тагаурии и Дигории (исторические области (общества) в Северной Осетии) стало всеобщим во второй половине XVII века – середине XVIII вв., что указывает на длительный и постепенный характер процесса появления фамилий даже среди привилегированных слоев населения. Фамилии долгое время являлись сословной привилегией, и правящие слои были против их распространения среди низов. Сначала фамилии утвердились среди алдаров и баделятов (представитель высшего сословия в Дигорском обществе) во второй половине XVII – начала XVIII вв. Позже они распространились у узданлагов (благородных) Куртата и Уалладжира (ущелья в Северной Осетии). Крестьяне же в большинстве своем «офамилены» кавказской администрацией в первой половине XIX в.» [Гутнов, 1987: 144].

Подавляющее большинство осетинских фамилий образованы от личных имен, а не от прозвищ в дополнение к имени, как в английском языке (как отмечалось выше). А значительная часть осетинских имен, конечно же, происходит от прозвищ. Не все личные имена семантически прозрачны, часто бывает сложно проследить их этимологию.

Наряду с осетинскими именами бытуют имена, заимствованные у других народов: греческие или латинские, персидские, византийские, арабские, монгольские, русские, грузинские, тюркские. Они настолько привились, что об их происхождении из другого языка можно говорить лишь в историческом аспекте.

Для предков осетин – скифов, сарматов и аланов, мерилом человеческого достоинства считались сила, мужество, отвага, бесстрашие, ум, что четко отразилось на семантической стороне личных имен, например, *Æхсар* ‘сила, мужество’, *Хох* ‘гора’, *Фидар* ‘крепкий’, *Булат* ‘сталь’ и т. д.

Ребенка от дурного глаза и злых духов защищали так называемые имена-обереги: *Цæра* ‘жить’, *Бирагъ* ‘волк’, *Дзынга* ‘овод’, *Саукуыдз* ‘черный пес’, *Куыдзаг* ‘собака’, *Хъæвдын* ‘щенок’ и т. д.

Среди народных преданий у осетин есть такие, в которых род, фамилия своим покровителем, тотемом считает какое-то животное, птицу, грызуна, насекомое. Представители фамилии верили в сверхъестественную связь между своим родом и каким-либо видом животного, который есть в тотеме данного рода [Тменова, 2009: 21]. Названия животных можно встретить в основах многих фамилий. Например, *Æрсойта* (Арсоевы) от *арс* ‘медведь’, *Бирагъта* (Бираговы) от *бирагъ* ‘волк’, *Гæдиатæ* (Гадиевы) от *гæды* ‘кот, кошка’, *Куыдзагта* (Кудзаговы) от *куыдз* ‘собака’, *Мыстиатæ* (Мистиевы) *мыст* ‘мышь’, *Мыстулта* (Мистуловы) от *мыстул* ‘мышь, ласка’, *Сагкатæ* (Сагкаевы) от *саг*

‘олень’, *Саукуйтæ* (Савкуевы) от *сау кудыз* ‘черный пес’ (прозвище-оберег), *Сæгуытонтæ* (Сагутоновы) от *сæгуыт* ‘косуля’, *Цæргæстæ* (Царгасовы) *цæргæс* ‘орел’ и т. д.

В фамилиях также отражены наименования занятий, профессий, прозвищ, внешние признаки человека, черты его характера и т. п.

5. Классификация осетинских фамилий

В работе было исследовано около 2200 осетинских фамилий, это почти все осетинские фамилии. В качестве лексикографического источника были использованы монография Ф. М. Таказова «Этимология осетинских имен и фамилий» и справочники осетинских фамилий Ф. Х. Гутнова [Гутнов, 2012] и З. Д. Гаглойти [Гаглойти, 2005]. Фамилии были распределены на четыре тематические группы на основе номинативных признаков (см. табл.). Процентное количество состава каждой группы в осетинском языке определено на основе выборки автора, в английском – на основе подсчётов в работе К. М. Мэттьюс «Английские фамилии» [Matthews, 1967: 67].

Таблица. Количественный анализ тематических групп английских и осетинских фамилий

Тематические группы	Английские фамилии	Осетинские фамилии
Местные	38%	4%
Генеалогические	33%	58%
Профессионально-должностные	16%	8%
Описательные	13%	30%

5.1. Самую большую группу составляют **генеалогические фамилии** (58%). Так же, как и в английском языке, в данную группу вошли фамилии от личных, библейских и теофорных имен, а также фамилии, указывающие на родство по отцу, матери, брату и т. д. Например: *Æлбортæ* (Алборовы) ‘потомок Бора’, *Азæмæттæ* (Азаматовы) от имени Азамат, *Алыккатæ* (Аликовы) от имени Алик, *Уырызмæгтæ* (Урузмаговы) от имени Уырызмæг, *Азаутæ* (Азаовы) от жен. имени Азау, *Майратæ* (Майраевы) от жен. имени Мария; *Дзабратæ* (Дзобраевы) от библ. имени Гавриил, *Есиатæ* (Есиевы) от библ. имени Иосиф, *Исахътæ* (Исаковы) от библ. имени Исаак, *Муссетæ* (Мусаевы) от библ. имени Моисей, *Абелатæ* (Абеловы) от библ. имени Авель, *Лазартæ* (Лазаровы) от библ. имени Лазарь, *Маехæмæттæ* (Магометовы) от имени пророка Муххамада, *Багатæ* (Багаевы) от др.-иран. *бага* ‘Бог’; *Анатæ* (Анаевы) от тюрк. *анна* ‘мать’, *Гергитæ* и *Джерджитæ* (Гергиевы, Джерджиевы) от имени Георгий, *Æбатæ*, *Абайтæ* (Абаевы) от тюрк. *аба* ‘отец’, *Абиатæ* (Абиевы) из турец. *abi* ‘старший брат’, *Аккетæ* (Аккеевы) и *Агкаевы* (Агкаевы) от тюрк. *акка* ‘дед’, *Бабатæ* (Бабаевы) от осет. *баба* ‘отец’, *Хосматæ* (Хосматовы) из перс. *хош* ‘теща, свекровь’, *Хæллатæ* (Халлаевы) из тур. *hala* ‘тетя (сестра отца)’ и т. д. Фамилии с формантом -хъо (*ыхъ / ухъ*) – из кабард. *къуэ* ‘сын’ (ср. в английских фамилиях – *son, fitz, Mac, O*): *Аладжыхъотæ* (Аладжиковы) ‘сын Алага’, *Асланыхъотæ* (Асланикоевы) ‘сын

Аслана, сын льва’, *Бердыхъотæ* (Бердикоевы) ‘сын Берди’, *Налыхъатæ* (Наликоевы) ‘сын Инала’, *Хамихъотæ* (Хамикоевы) ‘сын Хами’ и т. д.

5.2. Описательные фамилии (30%), образованные от прозвищ по внешним признакам, физическим качествам и характеру обладателя: *Æхсаратæ* (Ахсаровы) от осет. *æхсар* ‘сила, мужество’, *Нæкуысатæ* (Накусовы) от осет. *нæ куыст* ‘безработный’, *Барахъатæ* (Бараковы) от тюрк. *барахъ* ‘мохнатый’, *Гæдæратæ* (Гадаровы) от тур. *gaddar* ‘жестокий’, *Гадатæ* (Гадаевы) от перс. *гада* ‘нищий, бедный’, *Галеутæ* (Галеовы) от осет. *галиу* ‘левый, левша’, *Дойатæ* (Доевы) от тюрк. *дой* ‘быть сытым’, *Закъатæ* (Закаевы) от перс. *зака* ‘прозвятие, развитие’, *Кадыртæ* (Кадировы) от тур. *kadir* ‘могущественный’, *Куырмиатæ* (Курмиевы) от осет. *куырм* ‘слепой’, *Къуылыхтæ* (Кулуховы) от осет. *къуылых* ‘хромой’, *Цæгæратæ* (Цагараевы) от осет. *цæгæр* ‘лысый’, *Боцъотæ* (Боецовы) от осет. *боцъо* ‘борода’, *Саудзæццитæ* (Савдзаццовы) от осет. *саудзæцц* ‘черноглазый’, *Сохъуыртæ* (Сокуровы) от осет. *сохъыр* ‘одноглазый’, *Дыгъуызтæ* (Догузовы) от осет. *дыгъуыз* ‘двухцветный’, *Гуыбыратæ* (Губуровы) от осет. *гуыбыр* ‘горбатый’, *Уалдзæгтæ* (Валдзаговы) от осет. *уалдзæг* ‘весна’, *Дидинтæ* (Дидиновы) от осет. *дидин* ‘цветение’, *Къæдзилтæ* (Кадзиловы) от осет. *къæдзил* ‘хвост’, *Базыратæ* (Базировы) от осет. *базыр* ‘крыло’, *Мæлдзыгатæ* (Малдзиговы) от осет. *мæлдзыг* ‘муравей’, *Мæргъойтæ* (Маргоевы) от осет. *маргъ* ‘птица’, *Гæлæбутæ* (Галабуевы) от осет. *гæлæбу* ‘бабочка’, *Цæукъатæ* (Цавкаевы) от осет. *цæукъа* ‘козленок’ и т. д.

5.3. Профессионально-должностные (8%). Сюда вошли фамилии, в основу которых легли прозвища, отражающие род занятий и социальный статус. Например: *Аркъатæ* (Аркаевы) от осет. *аркъау* ‘металлическая ложка, в которой плавят свинец для пуль’, *Аскертæ* (Аскеровы) от тур. *asker* ‘солдат’, *Атцетæ* (Атцеевы) от тюрк. *atci* ‘коневода’, *Батмантæ* (Батмановы) от тур. *batman* ‘батман (мера веса, 2,5 – 10 кг)’, *Битартæ* (Битаровы) от араб. *битар* ‘кузнец’, *Дзолайтæ* (Дзолаевы) от перс. *джула* ‘ткач’, *Диакъонтæ* (Дяконовы) от осет. *диакъон* ‘дьякон’, *Беритæ* (Бериевы) от груз. *бери* ‘монах, инок’, *Иафаратæ* (Яфаровы) от перс. *йафар* ‘танцовщик, фокусник’, *Къалатæ* (Калаевы) от осет. *къала* ‘олово’, *Мырзатæ* (Мирзаевы) от перс. *мирза* ‘писарь, секретарь’, *Тлаттатæ* (Тлатовы) от осет. *тæлæт* ‘грабеж, угон скота’, *Уæлгæсатæ* (Валгасовы) от осет. *уæлгæса* ‘охранник’, *Хъамæгатæ* (Камаговы) от тюрк. *кат* ‘шаман’, *Хосдзаутæ* (Хосдзаовы) от осет. *хосдзау* ‘косарь’, *Хъæдохтæ* (Кадоховы) от осет. *хъæдох* ‘леший’; *Алцагъартæ* (Алцагаровы) от перс. *ал* ‘потомок’ + осет. *цахъар* ‘раб’ ‘потомок раба’, *Алихантæ* (Алихановы) от перс. *ала* ‘великий’ + тюрк. *хан* ‘царь’ ‘великий царь’, *Бегатæ* (Бегаевы) от тюрк. *beg* ‘господин, князь’, *Маликъитæ* (Маликиевы) от перс. *малик* ‘царь, господин’ и т. д.

5.4. **Местные фамилии** (4%) – самая малочисленная группа (ср. с английским языком, где местные фамилии составляют самую многочисленную группу): *Æфцæгатæ* (Афцаговы) от осет. *æфцæг* ‘горный перевал’, *Арæнтæ* (Арановы) от осет. *арæн* ‘граница’, *Бæдоатæ* (Бадоевы) от перс. *бæдо* ‘восток’, *Быдыртæ* (Бидириновы) от осет. *быдыр* ‘поле, степь, равнина’, *Галуантæ* (Галавановы) от осет. *галуан* ‘замок, крепость’, *Дриатæ* (Дриаевы) от перс. *дри* ‘обитающий в горных ущельях’, *Денджызтæ* (Денгизовы) от осет. *денджыз* ‘море’, *Къæбыртæ* (Кабировы) от осет. *къæбыр* ‘утес’, *Саппиатæ* (Сапиевы) от осет. *сапи* ‘граница участка’, *Мысыртæ* (Мисировы) от осет. *Мысыр* ‘Египет’, *Туаллæгтæ* (Туаллаговы) от осет. *туаллаг* ‘житель Туальского ущелья’, *Хохтæ* (Хоховы) от осет. *хох* ‘гора’; *Астантæ* (Астановы) от названия провинции в Иране – Остан, *Æссонтæ* (Ассоновы) от осет. *æссон* ‘осетин’, *Арантæ* (Араповы) от этнонима *араб*, *Дзудцатæ / Дзуттæ* (Дзудцевы) от осет. *дзуттаг* ‘еврей’, *Зангитæ* (Зангиевы) от груз. *занги* ‘негр, арап’, *Малхъартæ* (Малкаровы) из балк. *малхъар* ‘балкарец’, *Осиатæ* (Осиевы) от груз. *оси* ‘осетин’, *Парсиатæ* (Парсиевы) из перс. *парси* ‘персидский’, *Турчинтæ* (Турчиновы) от осет. *турк* ‘Турция, турки’, *Уырымтæ* (Урумовы) от осет. *урум* ‘Рим, римляне’, *Уырыстæ* (Урусовы) от осет. *уырыс* ‘русские’ и т. д.

6. Выводы

1. Процесс антропонимизации (перехода апеллятива или онима из любого другого разряда в антропоним и его дальнейшее становление и развитие) в этом разряде [Подольская, 1978: 32]) происходит по-разному в английском и осетинском языках. На основании краткого обзора особенностей семантики прозвищного имени как генетического предка фамилии, можно сделать вывод, что английские фамилии не происходят непосредственно от имен, а возникают на основе прозвищ. В английском языке имя и прозвище сосуществуют (например, *John Baker*, где *Baker* функционирует как дополнительное имя, как прозвище, которое со временем переходит в фамилию). А в осетинском языке фамилии происходят непосредственно от имени (главы семейства). Эта разница обусловлена национально культурными особенностями процессов номинации, а также воздействием различных исторических факторов.

2. Количественный анализ показал, что самой многочисленной группой английских фамилий являются местные фамилии (38%), в то время как в осетинском языке они составили самую малочисленную группу (4%). Профессионально-должностных фамилий тоже в два раза меньше в осетинском языке. Генеалогические фамилии в осетинском языке составили 58%, что еще раз доказывает то, что подавляющее большинство осетинских фамилий происходит от личных имен предков, о чем говорилось выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Происхождение осетинских фамильных имен Царазонта и Агузата // Литературная Осетия, 1987. № 69. Доступ: <https://web.archive.org/web/20110727024231/http://www.alanica.ru/article/18.htm> (дата обращения: 12.02.2020).
2. Ванеев З. Н. Народное предание о происхождении осетин. Цхинвал, 1956. 28 с.
3. Гаглойти З. Д. Осетинские фамилии и личные имена. 2-изд. Цхинвал: Изд. «Южная Алания», 2007. 150 с.
4. Гутнов Ф. Х. Из истории образования фамилий у осетин // Проблемы осетинского языкознания. 1987. Вып. 2. С. 141-145.
5. Живоглядов А. А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 1986. 138 с.
6. Леонович О. А. Введение в англоязычную ономастику. Москва: КДУ, 2015. 250 с.
7. Тменова Д. Г. Тотемические воззрения в генеалогических преданиях осетин // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2009. Вып. 3 (42). С. 21-31.
8. Brylla E. Bynames and Nicknames // Oxford Handbooks in Linguistics; Carole Hough (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2016. 771 p.
9. Hanks P., Parkin H. Family names // Oxford Handbooks in Linguistics; Carole Hough (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2016. 771 p.
10. Hey D. Family Names and Family History. London: Cambridge University Press, 2000. Available at: <https://archive.org/details/familynamesfamil0000heyd/page/n7/mode/2up>. (accessed: 03.04.2020).
11. Matthews C. M. English Surnames. Charles Scribner's Sons. New York: Charles Scribner's Sons, 1967. 367 p.
12. McKinley R. A History of British Surnames. London: Longman, 1990. 238 p.
13. Reaney P. H. The Origin of English Surnames. Routledge and Kegan Paul, 1967. 435 p.
14. Redmonds G. Surnames and Genealogy. A New Approach. The Federation of Family History Societies, 1997. 292 p.
15. Redmonds G., King T., Hey D. Surnames, DNA, and Family History. Oxford: Oxford University Press, 2011. 256 p.
16. Smith E. C. The Story of Our Names. Detroit: Gale Research Company, 1970. 296 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Москва – Ленинград: Изд. Академии наук СССР, 1958. 1800 с. [ИЭСОЯ].
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание; под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: БРЭ, 1998. 685 с. [БЭС].
3. Гаглойти З. Д. Ирон мыггæгтæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 2005. 359 с.
4. Гутнов Ф. Х. Осетинские фамилии. Владикавказ: Респект, 2012. 536 с.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 200 с.
6. Hanks P., Coates R., McClure P. The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland. Oxford: Oxford University Press, 2016. 3136 p. [ODFNBI].
7. Reaney P. H., Wilson R. M. A Dictionary of English Surnames. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 594 p. [DES].
8. The Internet Surname Database. Available at: <https://www.surnamedb.com>. (accessed: 21.01.2020). [ISD].
9. The Oxford English Dictionary. Oxford, 1989. V 20. Vol. XVII. 1032 p. [OED].

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1987). Proiskhozhdeniye osetinskikh familnykh imen Tsarazonta i Aguzata [The Origin of the Ossetian Family Names Tsarazonta and Aguzata]. In *Literaturnaya Osetiya*. No 69. Available at: <https://web.archive.org/web/20110727024231/http://www.alanica.ru/article/18.htm>. (accessed: 12.02.2020). (In Russ.).
2. Vaneev, Z. N. (1956). *Narodnoye predaniye o proiskhozhdenii osetin* [Folk legends about the Origin of the Ossetians]. Tskhinval. (In Russ.).
3. Gagloyti, Z. D. (2007). *Osetinskiye familii i lichnye imena* [Ossetian Surnames and Personal Names]. 2-izd. Tskhinval: «Yuzhnaya Alaniya». (In Russ.).
4. Gutnov, F. Kh. (1987). Iz istorii obrazovaniya familii u osetin [From the History of the Origin of the Ossetian Surnames] In *Problemy osetinskogo yazykoznaniya*. Vyp. 2. Pp. 141-145. (In Russ.).
5. Zhivoglyadov, A. A. (1986). *Semantiko-stilisticheskiy potentsial angliyskoy onomastiki* [Semantic and Stylistic Potential of the English Onomastics]: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
6. Leonovich, O. A. (2015). *Vvedeniye v angloyazychnuyu onomastiku* [Introduction to the English Onomastics. Moskva: KDU. (In Russ.).
7. Tmenova, D. G. (2009). Totemicheskiye vozzreniya v genealogicheskikh predaniyakh osetin [Totemic Views in the Genealogical Traditions of the Ossetians]. In *Izvestiya SOIGSI. Vladikavkaz*. Vyp. 3 (42). Pp. 21-31. (In Russ.).
8. Brylla, E. (2016). Bynames and Nicknames. In *Carole Hough (ed.). Oxford Handbooks in Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Hanks P., Parkin H. (2016). Family names. In *Carole Hough (ed.). Oxford Handbooks in Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
10. Hey, D. (2000). *Family Names and Family History*. London: Cambridge University Press. Available at: <https://archive.org/details/familynamesfamil0000heyd/page/n7/mode/2up>. (accessed: 03.04.2020).
11. Matthews, C. M. (1967). *English Surnames. Charles Scribner's Sons*. New York: Charles Scribner's Sons.
12. McKinley R. (1990). *A History of British Surnames*. London: Longman.
13. Reaney, P. H. (1967). *The Origin of English Surnames*. Routledge and Kegan Paul.
14. Redmonds, G. (1997). *Surnames and Genealogy. A New Approach*. The Federation of Family History Societies.
15. Redmonds, G., King, T., Hey, D. (2011). *Surnames, DNA, and Family History*. Oxford: Oxford University Press.
16. Smith, E. C. (1970). *The Story of Our Names*. Detroit: Gale Research Company.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [A Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Moskva – Leningrad: Izd. Akademii nauk SSSR. (In Russ.).
2. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar. Yazykoznaniye* [Large Encyclopedic Dictionary. Linguistics]; pod red. V. N. Yartsevov. 2-e izd. M.: BRE, 1998. (In Russ.).
3. Gagloyti, Z. D. (2005). *Iron myggægtæ* [Ossetian Surnames]. Dzæudzhykhæu: Ir. (In Ossetian).
4. Gutnov, F. Kh. (2012). *Osetinskiye familii* [Ossetian Surnames]. Vladikavkaz: Respekt. (In Russ.).
5. Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [A Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. M.: Nauka. (In Russ.).
6. Hanks, P., Coates, R., McClure, P. (2016). *The Oxford Dictionary of Family Names in Britain and Ireland*. Oxford: Oxford University Press.

7. Reaney, P. H., Wilson, R. M. (2005). *A Dictionary of English Surnames*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.

8. *The Internet Surname Database*. Available at: <https://www.surnamedb.com>. (accessed: 21.01.2020).

9. *The Oxford English Dictionary*. Oxford, 1989. Vol. XVII.

Тадтаева Ирина Алановна – магистр лингвистики, соискатель кафедры германской филологии (e-mail: ir.tadtaeva@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Tadtaeva Irina A. – Master of Linguistics, Post-Graduate Student of the Germanic Philology Department (e-mail: ir.tadtaeva@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 22 апреля 2020 г.

ПЕРЕВОД

УДК 81'25

© 2020 Э. С. Ветрова, Д. Д. Диденко

ВИДЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ С АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ НА РУССКИЙ

В статье рассматриваются виды переводческих трансформаций, используемых при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский, исследуются причины их применения и степень эффективности при достижении максимального уровня эквивалентности и адекватности перевода.

Ключевые слова: переводческая трансформация, научно-технический текст, замена, добавление, перестановка.

© 2020 E. S. Vetrova, D. D. Didenko

TYPES OF TRANSFORMATIONS IN TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS FROM ENGLISH AND GERMAN INTO RUSSIAN

The paper considers the types of translation transformations used in translating scientific and technical texts from English and German into Russian, explores the reasons for their use and the degree of effectiveness when achieving the maximum level of equivalence and adequacy of translation.

Key words: translation transformation, scientific and technical text, replacement, addition, rearrangement.

Данная статья посвящена исследованию особенностей использования трансформаций при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский язык.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Современный этап развития общества характеризуется расширением межнациональных и межкультурных контактов, торгово-экономических связей между различными государствами. Глобальные преобразования в сферах экономики, политики и науки активизируют внимание ученых к различным переводческим проблемам, среди которых в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса особое место занимает перевод научно-технических текстов, являющихся сегодня основным способом обмена информацией в мировом сообществе. Следует отметить, что, несмотря на повышенный интерес ученых к данной проблеме (см., например, работы А. Л. Пумпянского [Пумпянский, 1965], Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975], Г. М. Стрелковского [Стрелковский, 1980], А. Д. Швейцера [Швейцер, 1988], В. С. Виноградова [Виноградов, 2001], В. Н. Комиссарова [Комиссаров, 2001],

В. Е. Абрамова, Э. С. Чуйковой [Абрамов, Чуйкова, 2009], Я. И. Рецкера [Рецкер, 2009], А. В. Жидкова [Жидков, 2014] и др.), не все ее аспекты на сегодня изучены достаточно. Так, в более глубоком анализе нуждаются вопросы, касающиеся выбора эффективных приемов перевода научно-технических текстов с учетом лексико-семантических и структурных особенностей языков, используемых в процессе перевода.

Объектом исследования являются научно-технические тексты на английском и немецком языках, **предметом** – переводческие трансформации, используемые при переводе данных текстов на русский язык.

Цель работы – выявить и описать трансформации, используемые при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский, исследовать причины их применения.

Материалом исследования послужили трансформации, отобранные методом сплошной выборки из научно-технических текстов на английском и немецком языках (см. список источников иллюстративного материала).

В эпоху научно-технического прогресса растет потребность в качественном научно-техническом переводе, который охватывает перевод текстов различной научно-технической направленности – научных статей, инструкций, сертификатов, справочной литературы и т. д. Данные тексты характеризуются специфическими особенностями: информативностью, логичностью, строгой последовательностью и краткостью в изложении идей, точностью и объективностью, которые достигаются с помощью специальных лексических, морфологических и синтаксических средств [Жидков, 2014; Ушакова, 2017].

К лексическим особенностям научно-технических текстов относятся: использование научно-технической терминологии и специальной лексики, а также различных сокращений для замены часто повторяющихся в тексте терминов. С точки зрения морфологии чаще всего употребляются существительные, прилагательные и неличные формы глагола. Большое значение имеют также служебные части речи и слова, обеспечивающие логические связи между отдельными фрагментами текста. К синтаксическим особенностям следует отнести частое использование клишированных структур, преобладание сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций, в том числе с причастными, герундиальными и инфинитивными оборотами, атрибутивных конструкций и др. [Рецкер, 2009; Жидков, 2014].

Перевод научно-технических текстов – одна из наиболее сложных задач, которые стоят перед переводчиком. Трудности при переводе научно-технических текстов

обусловлены рядом причин: различиями в грамматическом строе используемых в процессе перевода языков; наличием множества соответствий в языке перевода или их отсутствием; недостатком фоновых знаний и др. Эффективным способом перевода научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский являются трансформации, под которыми в переводоведении понимают «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, осуществляемые для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975: 190].

В данном исследовании используется классификация трансформаций, предложенная В. Н. Комиссаровым. Ученый выделяет следующие их типы: 1) лексические трансформации: транслитерация, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены, например, модуляция, конкретизация и генерализация; 2) грамматические трансформации: дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения; 3) комплексные (или лексико-семантические) трансформации: экспликация (описательный перевод), антонимический перевод и компенсация [Комиссаров, 2001: 223].

Наиболее распространенными трансформациями, используемыми при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский, являются: замена, добавление и перестановка. Это объясняется, с одной стороны, специфическими чертами научно-технического стиля – такими, как объективность, логичность, компактность изложения наряду с информативной насыщенностью, с другой стороны – структурными различиями немецкого, английского и русского языков. Так, русский язык характеризуется синтетизмом, свободным порядком слов, разнообразием и гибкостью грамматических категорий, тогда как английский язык отличается аналитизмом, фиксированным порядком слов, наличием герундия, инфинитивных и причастных комплексов, выражением грамматических отношений посредством служебных частей речи или аффиксов. В немецком языке, с одной стороны, обнаруживаются грамматические сходства с русским и английским языками (аналитико-синтетический строй), с другой стороны, наблюдаются индивидуальные особенности (изменение артиклей по родам, наличие рамочных конструкций, двусоставность предложений при обязательной вербальности сказуемого и номинальности подлежащего и др.).

Следует отметить, что частотность указанных выше трансформаций при переводе с английского языка на русский и при переводе с немецкого языка на русский различна (см. табл. 1).

Таблица 1. *Частотность употребления переводческих трансформаций при переводе текстов научно-технического стиля*

Виды трансформаций	Перевод с английского языка на русский		Перевод с немецкого языка на русский	
	К-во (ед.)	%	К-во (ед.)	%
1. Замена	64	41	56	39
2. Добавление	36	23	23	16
3. Перестановка	24	15	32	22
4. Членение предложений	15	9	18	13
5. Объединение предложений	10	6	6	4
6. Опускание	8	5	8	6
<i>Всего</i>	<i>157</i>	<i>100</i>	<i>143</i>	<i>100</i>

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, чаще всего при переводе англоязычных и немецкоязычных научно-технических текстов на русский язык используется *замена* (64 единицы – при переводе с английского языка на русский и 56 единиц – при переводе с немецкого языка на русский, что составляет 41% и 39% соответственно). Это обусловлено тем фактом, что русский, английский и немецкий языки имеют в своей основе принципиально разные способы выражения грамматических значений и «коммуникативного членения» предложения.

На втором месте по частоте использования при переводе с английского языка на русский находится *добавление* (36 единиц, что составляет 23%). Основными причинами использования данного приема являются: формальная невыраженность некоторых семантических элементов в исходном языке, отсутствие соответствующего слова или его лексико-семантического варианта в языке перевода, а также синтаксическая трансформация предложения, сопровождающаяся необходимостью введения в него тех или иных элементов. При переводе с немецкого языка на русский данный прием занимает третью позицию (23 единицы, что составляет 16%).

Достаточно продуктивным способом перевода является *перестановка* (при переводе с немецкого языка – 32 единицы, что составляет 22%, с английского языка – 24 единицы, что составляет 15%), использование которого обусловлено различиями в порядке слов предложения в английском, немецком и русском языках.

Рассмотрим некоторые примеры использования трансформаций при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языка на русский. Например, при переводе с немецкого языка на русский: *Überzeugen Sie sich, dass die Filterkartusche korrekt eingesetzt ist.* ‘Убедитесь в правильности установки фильтрующего картриджа’. В данном случае используется грамматическая замена – трансформация, при которой грамматическая

единица языка оригинала преобразуется в единицу языка перевода с иным грамматическим значением. Немецкий глагол *einsetzen* ‘установить’ в данном случае переведен с помощью существительного ‘установка’.

Прием замены используется и при переводе англоязычных текстов, например: *Welding is a hazardous undertaking and precautions are required* ‘Сварка является опасным видом работ, и необходимо соблюдать меры предосторожности’. В данном примере можно наблюдать замену английской пассивной конструкции русской активной, при этом английское подлежащее заменяется в русском предложении дополнением. Так как для русского языка более типичным является употребление активного залога, нежели пассивного, словосочетание *precautions are required* переведено на русский язык ‘необходимо соблюдать меры предосторожности’.

К продуктивным способам перевода следует отнести также *добавление*. Введение при переводе в предложение дополнительных слов обуславливается рядом причин: отсутствием соответствующего слова или его лексико-семантического варианта в языке перевода, различиями в синтаксической структуре предложений используемых языков. Например, в английском языке: *To enable us to know where we are, our brains have systems for compiling mental maps of our surroundings and placing us within them.* ‘Чтобы мы могли узнать, где находимся, у нас в мозгу имеются системы, предназначенные для составления ментальных карт окружающей нас среды, и для размещения нас в них’. В данном предложении добавление используется для восполнения формально невыраженных элементов в исходном языке. Так, с целью уточнения введено слово ‘предназначенные’, отсутствующее в исходном варианте текста.

При переводе с английского и немецкого языков на русский часто используется грамматическое добавление, что обусловлено различиями в употреблении предлогов, союзов в используемых языках, а также отсутствием артиклей и вспомогательных глаголов в русском языке. Например: *The test does not reflect the multiprogramming capabilities of a computer.* ‘Этот тест не отражает свойств мультипрограммирования ЭВМ’. Определенный артикль *the* не имеет в русском языке прямого соответствия, поэтому был переведен на русский язык указательным местоимением ‘этот’.

Использование добавления характерно и для перевода с немецкого языка на русский. Рассмотрим пример: *Der blinkende Punkt in der Ecke der Anzeige* ‘Мигающая точка в углу экрана индикатора’. В данном случае добавление (введено слово «индикатор») используется с целью восстановления в переводе недостающих единиц исходного языка для наиболее полной передачи информации.

В большинстве случаев грамматическое добавление используется совместно с лексическим добавлением, поскольку является связующим компонентом добавленных лексических единиц, например: *Teil 4 Wolfram-Inertgasschweißen – stammt aus den USA und wurde dort 1936 unter dem Namen Argonarc-Schweißen bekannt.* Часть 4 «Сварка вольфрамовым электродом в среде инертных газов» возникла в США и стала известна там в 1936 году под названием «Аргонодуговая сварка». В этом примере сложное существительное *Wolfram-Inertgasschweißen* переведено на русский язык как ‘сварка вольфрамовым электродом в среде инертных газов’, т. е. сложное существительное немецкого языка разделяется на простые существительные русского языка, причем соединены они друг с другом при помощи предлога ‘в’, который выступает в качестве грамматической замены. Кроме того, данный пример иллюстрирует использование лексического добавления – введение слов ‘электрод’ и ‘среда’.

Рассмотрим следующий пример из немецкого языка: *Zum anderen könnte sich aber auch das weibliche Geschlechtshormon Östrogen bei Frauen positiv auswirken.* ‘Во-вторых, положительное влияние на продолжительность жизни женщин, вероятно, оказывает женский половой гормон эстроген’. В данном случае используется *перестановка* – изменение расположения языковых элементов в тексте. Перестановки обусловлены рядом причин, основной из которых являются различия в организации порядка слов в предложении в английском, немецком и русском языках. Так, например, в немецком предложении сказуемое стоит на втором месте, что является причиной частого использования перестановок. Кроме того, отличительной особенностью немецкого языка является необычайно высокая продуктивность словосложения – способа словообразования, характеризующегося морфологическим объединением двух и более корней (основ) [Башкирова, Шарапова, 2017]. Например: *Dies ist nur bei Impulsfrequenzen unter etwa 5 Hz gegeben* ‘Этого можно достичь только при частоте импульсов не выше 5 Гц’. При переводе сложного немецкого слова, состоящего из двух существительных *Impuls* и *Frequenzen*, на русский язык был применен прием перестановки – изменение расположения компонентов относительно друг друга – в результате чего использовано русское словосочетание ‘частота импульсов’.

Данный вид трансформации используется и при переводе с английского языка на русский. Например: *A standard procedure for the evaluation of the experimental cross sections was employed in order to provide recommended cross sections.* ‘Для обеспечения рекомендуемых поперечных сечений использовалась стандартная процедура оценки экспериментальных поперечных сечений’. В данном примере перестановка обусловлена

различиями в актуальном членении предложений в русском и английском языках. В английском языке исходной составляющей является рема, тогда как в русском языке – тема. Иными словами, в русском языке порядок слов в предложении – объективный, в английском языке – субъективный [Матезиус, 1967].

Перестановка часто используется при переводе сложных предложений, а также простых предложений с вводными конструкциями, имеющими предикативную структуру. В английском языке такие конструкции находятся в середине или в конце предложения, например: *These structures, which disappear before birth, may be anatomical remnants of our evolutionary ancestors that disappear during the early stages of development, the authors suggest.* ‘Авторы исследования предполагают, что эти мышечные структуры, которые исчезают еще до рождения человека, могут представлять собой анатомические рудименты эволюционных предков человека, которые исчезли на ранних стадиях развития’.

В обоих языках достаточно часто встречаются случаи использования нескольких видов трансформаций одновременно. Например, в английском языке: *Modern technology is growing at a very rapid rate, and new devices are appearing on the horizon much more frequently.* ‘Современная техника развивается настолько быстро, что новые типы приборов появляются значительно чаще, чем это было раньше’. В данном примере используется 3 вида трансформаций: *добавление*, *замена* и *опущение*. Так, в частности, фраза *at a very rapid rate* переведена с помощью сочетания ‘насколько быстро’ с целью адаптации перевода под стилистические особенности научного стиля русского языка. В результате перевода было также опущено сочетание *on the horizon*, которое имеет стилистические коннотации, не соответствующие научному стилю русского языка.

Использование нескольких трансформаций характерно и для перевода научно-технических текстов с немецкого языка на русский, например: *In Deutschland sollen bis zum Beginn der 20-er Jahre alle Atomkraftwerke vom Netz genommen werden. Damit verbunden sind riesige Kosten* ‘В Германии до 20-х годов должны быть закрыты все атомные электростанции, но с этим связаны большие расходы’. В данном примере используется 2 вида трансформаций: *перестановка*, обусловленная фиксированным порядком слов в немецком языке, согласно которому часть сказуемого находится в конце предложения, тогда как русскому научно-техническому тексту свойственно расположение сказуемого вначале синтаксической конструкции. Кроме того, поскольку два предложения немецкого языка связаны одной темой, для лучшего восприятия текста было использовано *объединение предложений*.

Результаты исследования позволяют сделать следующие **выводы**.

В процессе перевода научно-технических текстов часто возникают трудности, обусловленные структурными особенностями исходного и языка перевода. Несовпадения в семантическом объеме слов, отсутствие эквивалентов, различия в синтаксическом строе и актуальном членении предложения вызывают необходимость использования переводческих трансформаций, которые являются эффективным способом достижения адекватности и точности перевода.

В результате анализа установлено, что наиболее частотными трансформациями при переводе научно-технических текстов с английского и немецкого языков на русский являются замена, добавление, перестановка, применение которых обусловлено стилистическими особенностями научно-технических текстов, а также отсутствием лексико-семантических, грамматических и стилистических корреляций в используемых в процессе перевода языках.

Указанные выше переводческие трансформации при переводе с английского и немецкого языков на русский в «чистом» виде встречаются достаточно редко. Гораздо чаще используется несколько трансформаций одновременно, которые тесно взаимодействуют и переплетаются между собой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. Е., Чуйкова Э. С. Стилистическая адекватность перевода научно-технической литературы // Инфокоммуникационные технологии. Самара, 2009. Т. 7. № 1. С. 76-78.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. Башкирова О. А., Шарапова Т. Н. Трудности перевода немецкого научно-технического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 85-88.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва, 2001. 224 с.
5. Жидков А. В. Понятие «научно-технический перевод» // Science Time. Казань, 2014. № 4. С. 99-102.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2001. 424 с.
7. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. Москва: Прогресс, 1967. С. 239-245.
8. Пумпянский А. Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык. Москва: Наука, 1965. 304 с.
9. Рецкер Я. И. Методика технического перевода. Москва: Дрофа, 2009. 216 с.
10. Стрелковский Г. М., Латышев Л. К. Научно-технический перевод. Москва: Просвещение, 1980. 175 с.
11. Ушакова А. О. Специфика технического перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2017. № 4. С. 18-26.

12. Хоменко С. А., Цветкова Е. Е., Басовец И. М. Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский. Минск: БНТУ, 2013. 203 с.

13. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). Москва: Наука, 1988. 215 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Innovativste Schweisstechnik mit Schweissgeräten, SCHWEISSBRENNERN mit Schweissbrennern und Schweisszubehör von EMV. Available at: <https://www.ewm-group.com/de/fachwissen/wig-schweissen-grundlagen.html>. (accessed: 19.09.2019).

2. ИноСМИ – Все, что достойно перевода. Доступ: <https://inosmi.ru/science/20200107/246567193.html>. (дата обращения: 08.01.2020).

3. Quanta Magazine – Illuminating Science // Quanta Magazine. Available at: <https://www.quantamagazine.org/quantas-year-in-biology-2019-20191223>. (accessed: 25.12.2019).

REFERENCES

1. Abramov, V. E., Chuykova, E. S. (2009). Stilisticheskaya adekvatnost perevoda nauchno-tekhnicheskoy literatury [Stylistic adequacy of the translation of scientific and technical literature]. In *Infokommunikatsionnyye tekhnologii*. Samara. Vyp. 7. No. 1. Pp. 76-78. (In Russ.).

2. Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russ.).

3. Bashkirova, O. A., Sharapova, T. N. (2017). Trudnosti perevoda nemetskogo nauchno-tekhnicheskogo teksta [Difficulties in translating a German scientific and technical text]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017. No. 9(75). Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2017_9-2_21.pdf. (accessed: 10.05.2019). (In Russ.).

4. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moskva. (In Russ.).

5. Zhidkov, A. V. (2014). Ponyatiye «nauchno-tekhnicheskiiy perevod» [The concept of «scientific and technical translation»]. In *Science Time*. Kazan. No. 4. Pp. 99-102. (In Russ.).

6. Komissarov, V. N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moskva: ETS. (In Russ.).

7. Matesius, V. (1967). O tak nazyvayemom aktualnom chlenenii predlozheniya [About the so-called actual division of sentences]. In *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok*. Moskva: Progress. Pp. 239-245. (In Russ.).

8. Pumpyanskiy, A. L. (1965). *Vvedenie v praktiku perevoda nauchnoy i tekhnicheskoy literatury na angliyskiy yazyk* [Introduction to the practice of translating scientific and technical literature into English]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

9. Retsker, Y. I. (2009). *Metodika tekhnicheskogo perevoda*. [Technique of technical translation]. Moskva: Drofa. (In Russ.).

10. Strelkovskiy, G. M., Latyshev, L. K. (1980). *Nauchno-tekhnicheskiiy perevod*. [Scientific and technical translation]. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).

11. Ushakova, A. O. (2017). Spetsifika tekhnicheskogo perevoda. [Specific of technical translation]. In *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. Perm. No. 4. Pp. 18-26. Available at: http://vestnik.pstu.ru/pedag/archives/?id=&folder_id=7226. (accessed: 03.09.2019). (In Russ.).

12. Khomenko, S. A., Tsvetkova, E. E., Basovets, I. M. (2013). *Osnovy teorii i praktiki perevoda nauchno-tekhnicheskogo teksta s angliyskogo yazyka na russkiy*. [Fundamentals of the theory and practice of translating a scientific and technical text from English into Russian]. Minsk: BNTU. (In Russ.).

13. Shveytser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty)*. [Theory of translation (status, problems, aspects)]. Moskva: Nauka (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Innovativste Schweisstechnik mit Schweissgeräten, Schweissbrennern und Schweisszubehör von EMV* [Most innovative welding technology with welding equipment, WELDING TORCHES with welding torches and welding accessories from EMV]. Available at: <https://www.ewm-group.com/de/fachwissen/wig-schweissen-grundlagen.html>. (accessed: 19.09.2019).

2. *InoSMI – Vse, chto dostoyno perevoda*. [InoSMI – Everything that is worthy of translation.] Available at: <https://inosmi.ru/science/20200107/246567193.html>. (accessed: 08.01.2020). (In Russ.)

3. *Quanta Magazine – Illuminating Science // Quanta Magazine*. Available at: <https://www.quantamagazine.org/quantas-year-in-biology-2019-20191223>. (accessed: 25.12.2019).

Ветрова Эльвира Сабировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода (e-mail: e.vetrova@donnu.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Vetrova Elvira S. – Doctor of Philology, Associate Professor of the Translation Studies Department (e-mail: e.vetrova@donnu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Диденко Диана Даниловна – студентка магистратуры кафедры теории и практики перевода (e-mail: didenkodiana97@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Didenko Diana D. – Master degree student of the Translation Studies Department (e-mail: didenkodiana97@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 07 мая 2020 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

УДК81'255:811.11

© 2020 Г. В. Мерхелевич

ПЕРЕВОД С РОДНОГО ЯЗЫКА НА ИНОСТРАННЫЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЦЕССА

В статье приведено обоснование актуальности проблемы перевода с родного языка на иностранный на современном уровне развития. Приведены критерии оценки качества перевода научно-технической информации с родного языка на иностранный, основанные на них концепция и принципы, алгоритм и функциональная схема использования словарно-справочных ресурсов в процессе выполнения перевода. Даны подробное описание технологического процесса перевода, характеристика используемых при этом средств и методов.

Ключевые слова: иностранный язык, толковый словарь, перевод, словосочетание, эквивалент, дефиниция.

© 2020 G. V. Merkhelevich

METHODOLOGICAL BASICS OF NATIVE-INTO-NONNATIVE LANGUAGE TRANSLATION AS A PROCESS

This paper explains and proves growing importance of native-to-foreign language translation. Methodology of translation and use of dictionaries has been described in detail, with relevant techniques and tools considered. Quality assessment criteria and principles developed have been discovered. The algorithm of native-to-nonnative language translation process, along with a flowchart of dictionaries and applied materials usage have been provided.

Key words: foreign language, monolingual dictionary, translation, word combination, equivalent, definition.

*Заботиться о буквальности перевода с ущербом
для ясности и правильности языка,
значит вредить самой точности перевода.
Н. Г. Чернышевский*

1. Введение

На фоне формирования современного общества большое значение приобретает обмен опытом, осуществление которого требует межнационального общения с целью познания и передачи новейшей информации, относящейся к различным областям общекультурных и профессиональных ценностей [Брыксина, 2009].

На современном этапе существенно ослабевает роль перевода научно-технической информации с иностранного языка на родной, уступая место способности воспринимать информацию непосредственно на иностранных языках международного применения [Томахин, 1996]. Такой подход позволяет избежать целого ряда недостатков,

свойственных уходящей в прошлое практике перевода с иностранного языка на родной. К числу таких недостатков относятся: постоянное *запаздывание* в передаче информации, обусловленное затратами времени на процесс перевода; *фрагментарность* публикуемой информации; наличие смысловых *ошибок*, вызванных ограниченной степенью владения тематикой перевода со стороны переводчика. Это не позволяет осуществлять непрерывное *отслеживание* событий, явлений, открытий или связанных с ними тенденций, относящихся к той или иной области знаний, и обуславливает непрерывное *отставание* в информировании отдельных специалистов, организаций и целых отраслей народного хозяйства от текущего состояния дел в интересующей их области науки и техники [Мерхелевич, 2016].

Актуальность темы исследования

Решение задач, обеспечивающих непрерывный и непосредственный *доступ* к международному информационному пространству, требует свободного владения иностранным языком, а обеспечение возможности передачи, создания и распространения собственной информации в международных масштабах требует ее качественного перевода на иностранный язык [Кунин, 1960; Швейцер, 1988; Asher, 2012]. Последним фактором и обуславливается необходимость разработки *технологии* и *методики* перевода информации с родного языка на иностранный [Катцер, 1960; Рецкер, 1974; Розенман, 1957].

В качестве *объекта* данного исследования выступает процесс перевода информации с родного языка на иностранный, а в роли *предмета* исследования – технология и методика данного процесса. При этом основными *критериями* качества выполняемого перевода являются его стилистическое и фразеологическое *соответствие* требованиям языка перевода при условии обеспечения его полной смысловой *адекватности* содержанию оригинала [Виссон, 2005; Brown, 1987]. С целью соответствия результатов процесса перевода данным критериям была сформулирована *концепция*, основанная на следующих *принципах*: наличие у переводчика достаточного опыта в выполнении перевода с иностранного языка на родной (*первый принцип*); ведущая роль оригинальных материалов как основного источника иноязычных словосочетаний и специальных терминов на фоне второстепенной роли словарей (*второй принцип*); обязательное формирование собственного фразеологического словаря как основного лингвистического ресурса (*третий принцип*); осуществление выбора нужного значения иноязычного словарного или фразеологического эквивалента на основе дефиниции, содержащейся в толковом словаре (*четвертый принцип*); организация перевода с обязательным

соблюдением стилистических особенностей, фразеологической и терминологической основ языка перевода путем заимствования необходимой информации из оригинальных источников (*пятый принцип*); обязательное комплексное редактирование выполняемого перевода с распределением этой функции между носителями языка (грамматика, сочетаемость слов и стиль изложения) и переводчиком в части ответственности за адекватность применяемой терминологии (*шестой принцип*).

2. Представление и научное обоснование разработанных критериев, концепции и технологии перевода с родного языка на иностранный

Соблюдение *первого принципа* позволяет переводчику обеспечить гораздо более высокое качество перевода в максимально возможном соответствии с нормами синтаксиса и словоупотребления, а также помогает избежать ошибочного применения терминов, взятых непосредственно из (двухязычных) словарей. При этом первая из наиболее распространенных ошибок заключается в том, что словарь воспринимается как некий нормативный документ, который содержит якобы безошибочную и обязательную к применению информацию. На самом деле любой словарь представляет собой «мемуары» автора и содержит то, с чем тот встретился в процессе своей профессиональной деятельности, причем приведенное в его собственной переводческой интерпретации. При этом последнее не исключает ошибки или недостаточности области раскрытия смысловых значений той или иной лексики. Такая ошибка может быть вызвана субъективным фактором, в частности отсутствием у автора необходимой профессиональной подготовки, а недостаточное раскрытие значений – ограниченностью материалов, по которым автор определил эквивалент того или иного слова на другом языке. В качестве аргумента в пользу вышеупомянутых опасений по отношению к тому или иному специализированному словарю могут служить выводы автора статьи, основанные на многолетнем опыте его работы, который подтверждает, что подавляющее большинство словарей написано не специалистами в соответствующей области науки или техники, а лингвистами, которые далеко не в полной мере освоили соответствующую тематику.

Электронные словари, имеющиеся в распоряжении переводчика, несмотря на удобство их применения и неуклонно растущую тематическую разветвленность, создают иллюзию наличия в них английских эквивалентов для русских терминов и словосочетаний, а также русских эквивалентов для английских слов и выражений в таком разнообразии тематических областей, что это может показаться достаточным для выполнения полноценного перевода практически на любую тему. При этом первый опыт работы автора статьи с такими словарями говорит о серьезных изъянах в качестве

содержащейся в них информации. В особенности, это касается примеров перевода русских словосочетаний, практически каждое второе из которых приводится в дословном переводе, не имеющем ничего общего с понятием адекватности, и поэтому дает повод предположить, что содержащаяся в таких словарях информация собрана «на скорую руку» из изданных ранее источников, качество которых далеко не всегда отвечает требованиям. Вследствие этого при отсутствии альтернативы подобным источникам информации, следует проверять в английских толковых словарях предлагаемые английские эквиваленты русских слов, чтобы убедиться в правильности их смысловых значений. В процессе работы переводчик может столкнуться с проблемой несоответствия толкований одного и того же термина, приводимых в разных словарях, или несоответствия смысловых значений, приведенных в словаре терминов, их фактических значениям, используемым в оригинальной литературе по данной теме. В этом случае необходимо провести тщательный анализ *дефиниций* термина, приводимых в различных источниках, отдавая предпочтение информации, содержащейся в источниках более поздних лет издания.

В случае *расхождений* между терминологией, приводимой в справочной литературе (словарях) и используемой в других публикациях по данной тематике, предпочтение, как правило, следует отдавать последним. Основанием для такой рекомендации служит высокая степень вероятности отставания словарей от изменений, происходящих в «живом» языке, как в общеязыковой лексике, так и в специальных областях знаний. В этом плане терминологические соответствия, используемые в периодических изданиях, вызывают больше доверия, но только при условии, что компетентность источника не вызывает сомнения.

В дополнение к вышеизложенному, при возможности выбора русско-английских словарей (*независимо от их тематической направленности*) рекомендуется отдавать предпочтение словарям, изданным в англоязычных странах. Серьезным ресурсом являются двуязычные словари, имеющие фразеологическую, а не словарную, основу [Климзо, 2002; Мерхелевич, 2009; РАСФ, 2009; Циммерман, 1991]. В этом случае можно быть уверенным в том, что приведенные в них английские эквиваленты (*слов и особенно выражений*) являются правильными и существуют в природе. При этом исключение могут составлять единичные случаи, относящиеся к словам, которые одинаково произносятся на обоих языках, но имеют при этом разные значения (*омонимам*). В таких случаях рекомендуется дополнительно воспользоваться словарем русскоязычного автора для проверки правильности эквивалента, предлагаемого словарями английских авторов.

Основным ресурсом переводчика или специалиста, использующего в своей работе английский язык, являются материалы, публикуемые англоязычными авторами по тематике, имеющей непосредственное или как можно более близкое отношение к каждой конкретной сфере деятельности. Кроме того, учитывая особенности преподавания на иностранном языке и содержание различных документов, которые сопровождают этот процесс, полезными в терминологии и фразеологии, применяемыми в этой области, могут оказаться различные учебные материалы, изданные в англоязычных странах, независимо от их целевой или тематической направленности.

Наиболее эффективной среди всех возможных средств формирования навыков профессионального перевода необходимо признать работу с материалами, издаваемыми на английском языке по специальности. При этом на более ранних этапах работы специалиста с иностранным языком этот процесс включает в себя перевод с английского языка на русский, который на более поздних этапах последовательно замещается восприятием материала непосредственно на языке оригинала за счет развития у специалистов навыков мышления на английском языке, в результате чего снижается их потребность в переводе на родной язык.

В связи с вышеизложенным можно сделать следующий промежуточный **вывод**: словарь как справочное издание не может предоставить переводчику всей информации, которая необходима для выполнения перевода. В обычной практике может считаться нормальным обращение к словарю в среднем не более чем в 20-30 процентах случаев. Всю остальную информацию необходимо извлекать из первоисточников, то есть оригинальных изданий.

На протяжении первого этапа работы с оригинальным материалом желательно начать формирование своего *собственного словаря* (или *картотеки*) *терминов* и *словосочетаний* по той или иной специальности, который в процессе дальнейшей работы можно будет пополнять новыми выражениями. Работая с оригинальным материалом, написанным на английском языке, специалист сможет с удивлением убедиться в том, что истинные русские эквиваленты значительной части используемых в нем английских словосочетаний состоят из слов, отсутствующих в оригинале, то есть не являются результатом прямого перевода. При этом смысловые значения таких языковых элементов легко определяются специалистом на основе контекста, в котором они были применены, и собственного профессионального опыта. Именно здесь и уместно напомнить об отсутствии такого опыта у любого лингвиста, как бы виртуозно он не владел английским

языком. Это и будет первый сигнал к пересмотру ранее безапелляционного доверия к существующим и издаваемым впоследствии словарям.

При этом работа с оригинальным материалом дает навыки изложения текста с соблюдением стиля изложения и структуры материала, свойственных тому или иному виду документа, будь то отчет о научной работе, руководство по эксплуатации оборудования, методические указания к проведению практических занятий и др.

Как известно любому специалисту из его опыта работы на родном языке, документам свойственна стилистика деловой речи. То же относится и к английскому языку. К сожалению, такому «языку» трудно обучить, поэтому стиль служебных документов и деловых бумаг приходится осваивать практическим путем.

Уместным будет также привести пример, являющийся типичным для начального этапа работы любого начинающего специалиста или ученого на родном языке, который – прежде чем приступить к подготовке своего первого труда – тщательно изучает материалы, написанные и опубликованные предшественниками по интересующей его теме. Работая с ними, начинающий специалист не только усваивает соответствующую терминологию, но и осваивает тот особый стиль, которым эти документы изложены. Подобные материалы и являются для него *основным* ресурсом, позволяющим выработать свой собственный стиль, в котором во многом будут сохранены установившиеся языковые традиции и уже принятая терминология.

На начальном этапе научной деятельности автор статьи во многом опирался на знание родного языка и периодически обращался к справочной литературе: *орфографическим, орфоэтическим и толковым* словарям, включая *словари иностранных слов*. Помимо этого, использовалась и специальная литература, относящаяся к соответствующей области знаний: *справочники и толковые словари*, посвященные определенной отрасли науки или техники.

Такой подход вполне применим и для работы на иностранном языке при условии, что переводчик или специалист обладает определенными знаниями в области грамматики на фоне достаточного лексического запаса, что дает возможность понимать интересующий его материал из публикаций по специальности и свободно пользоваться имеющимся в распоряжении справочным материалом. При этом оригинальный материал в сочетании с собственным словарем следует рассматривать как единственно возможный ресурс на пути к переводу высокого класса.

На основе вышеизложенного можно сделать **вывод** о том, что на первом месте по ценности в библиотеке специалиста, занимающегося переводом, находятся материалы по

специальности на английском языке, значительно превосходя по важности ту роль, которая в его работе должна отводиться любым – даже самым авторитетным – словарям.

Словари делятся на *общезыковые* и *специальные* (по горизонтали), а также на *одноязычные* и *двухязычные* (по вертикали). Словари каждой из этих групп должны быть в личной библиотеке переводчика и желательно, чтобы каждая из этих групп была представлена несколькими изданиями разных авторов. Это объясняется тем, что в природе не существует двух абсолютно одинаковых словарей. Так называемые «общие» словари делятся на *англо-русские*, *русско-английские* и *одноязычные (толковые*, а также *словари синонимов, идиом и др.)*. Специальные словари бывают *англо-русские*, *русско-английские* и *одноязычные* (в том числе *толковые, орфографические, орфоэпические и др.*).

В настоящее время все большее распространение получают электронные словари, которые удобны, но делают специалиста зависимым от компьютера. При этом *заманчивость* удобства их применения и их *доступность* не должны исключать возможности использования других словарей, имеющих в книжном варианте. В противном случае это может привести к сокращению количества используемых источников информации, а значит – к повышению риска допустить ошибку при выборе нужного смыслового эквивалента на языке перевода.

Алгоритм перевода с русского языка на английский [Мерхелевич, 2013]

Подготовительный этап

Описание процедуры. На данном этапе необходимо предварительно прочитать русский текст предназначенного для перевода оригинала, выписывая незнакомые словосочетания и термины.

Этап 1. Чтение текста оригинала

Описание процедуры. На данном этапе необходимо повторно читать русский текст, предназначенный для перевода, останавливаясь при этом у каждого словосочетания или термина, английский эквивалент которому не был найден при чтении английского текста на предварительном этапе. В каждом из таких случаев придется обращаться за помощью к русско-английским словарям, желательно изданным в англоязычных странах.

Используемые материалы: текст оригинала, предназначенный для перевода.

Этап 2. Подбор эквивалентов на английском языке

Описание процедуры. На данном этапе необходимо выбрать из русско-английских словарей несколько предлагаемых ими английских эквивалентов для русского слова (*или словосочетания*).

Используемые материалы: русско-английские словари (*общекультурные* [Климзо, 2002] и *специальные* [РАСФ, 2009; Мерхелевич, 2008; Мерхелевич, 2011]).

Этап 3. Подбор нужного эквивалента из числа выбранных на этапе 2

Описание процедуры. На данном этапе необходимо выяснить область применения каждого из английских слов (или словосочетаний), которые были отобраны как возможные смысловые эквиваленты соответствующих понятий, взятых к переводу из оригинала. В процессе этой работы необходимо тщательно ознакомиться с каждым из соответствующих определений, имеющихся в словарях. Кроме того, полезны и приводимые в словаре примеры применения отобранных английских слов. В ходе этого процесса необходимо прийти к окончательному выбору одного английского эквивалента для каждого русского слова или выражения, который можно вписать в текст перевода.

Если таким образом не удастся выбрать нужный эквивалент ввиду отсутствия подходящего по смыслу его определения, необходимо расширить область поиска. С этой целью перейдите к описанному ниже (см. *этап 3а*).

Используемые материалы: одноязычные толковые словари на английском языке (*общекультурные* [Hornby, 1975; Merriam-Webster's Collegiate Dictionary, 2004] и *специальные*).

ПРИМЕЧАНИЕ. Как уже упоминалось выше, на данном этапе работы можно столкнуться с проблемой несоответствия определений одного и того же термина, приводимых в разных толковых словарях, или несоответствия смысловых значений термина, приведенных в словаре, используемом в оригинальной литературе по теме выполняемого перевода. В этом случае необходимо провести тщательный анализ *дефиниций* термина, приводимых в различных источниках, отдавая предпочтение информации, содержащейся в источниках более поздних лет издания. При расхождениях между терминами, приводимыми в справочной литературе (словарях) и используемой в материалах, опубликованных по данной тематике, которые взяты из других источников, предпочтение, как правило, приходится отдавать последним. Основанием для такой рекомендации является высокая степень вероятности отставания словарей от изменений, происходящих в *живом* языке как в общей, так и в специальных областях его применения. В этом плане терминологические соответствия, используемые в периодических изданиях, вызывают больше доверия, но только при условии, что компетентность используемого источника не вызывает сомнения.

Этап 3а. Расширение семейства близких по смыслу слов (или словосочетаний) за счет подбора их синонимов (при невозможности подбора эквивалента на этапе 3)

Описание процедуры. При возможности подбора нужного эквивалента на *этапе 3* данный этап не является обязательным. Необходимость выполнения описанной в нем работы может быть вызвана невозможностью подбора нужного английского эквивалента на предыдущем этапе. В связи с этим возникает потребность в увеличении количества английских слов и выражений, рассматриваемых в качестве возможных эквивалентов переводимым русским понятиям (словам и словосочетаниям).

В данном случае необходимо подобрать несколько синонимов к английским словам, выбранным ранее (*этап 2*) в русско-английском словаре, и найти среди этих синонимов нужный эквивалент, поочередно изучая описание их значений, приведенное в английских толковых словарях. При невозможности подбора нужного эквивалента и в этом случае необходимо снова обратиться к русскому оригиналу для подбора русского синонима или слова, максимально приближенного по смыслу (см. раздел «Повторное обращение к оригиналу», приведенный ниже.)

Используемые материалы: английские словари синонимов, или тезаурусы [ОРТ, 2006; РТ, 1987].

Повторное обращение к оригиналу (при отсутствии возможности подбора нужного эквивалента)

Описание процедуры. На данном этапе необходимо снова обратиться к русскому оригиналу для подбора синонима к русскому слову (или словосочетанию), использованному в оригинале. Такой подбор может осуществляться как без использования каких-либо специальных источников информации, так и с помощью *словаря синонимов русского языка и толкового словаря русского языка*. При этом последовательность действий при осуществлении дальнейшей процедуры перевода повторяется.

Используемые материалы: словарь синонимов русского языка [Александрова, 2001], толковый словарь русского языка [СРЯ].

Этап 4. Построение предложений на английском языке с использованием эквивалентов, выбранных на этапе 3

Описание процедуры. При удачном подборе всех нужных эквивалентов для каждого из предложений в тексте оригинала можно переходить к построению соответствующего предложения на языке перевода. При этом построение каждого предложения на языке перевода осуществляется таким образом, чтобы правильно передать содержание и смысл информации, имеющейся в исходном предложении.

Схема описанного выше алгоритма перевода с русского языка на английский приведена ниже на рис. 1.

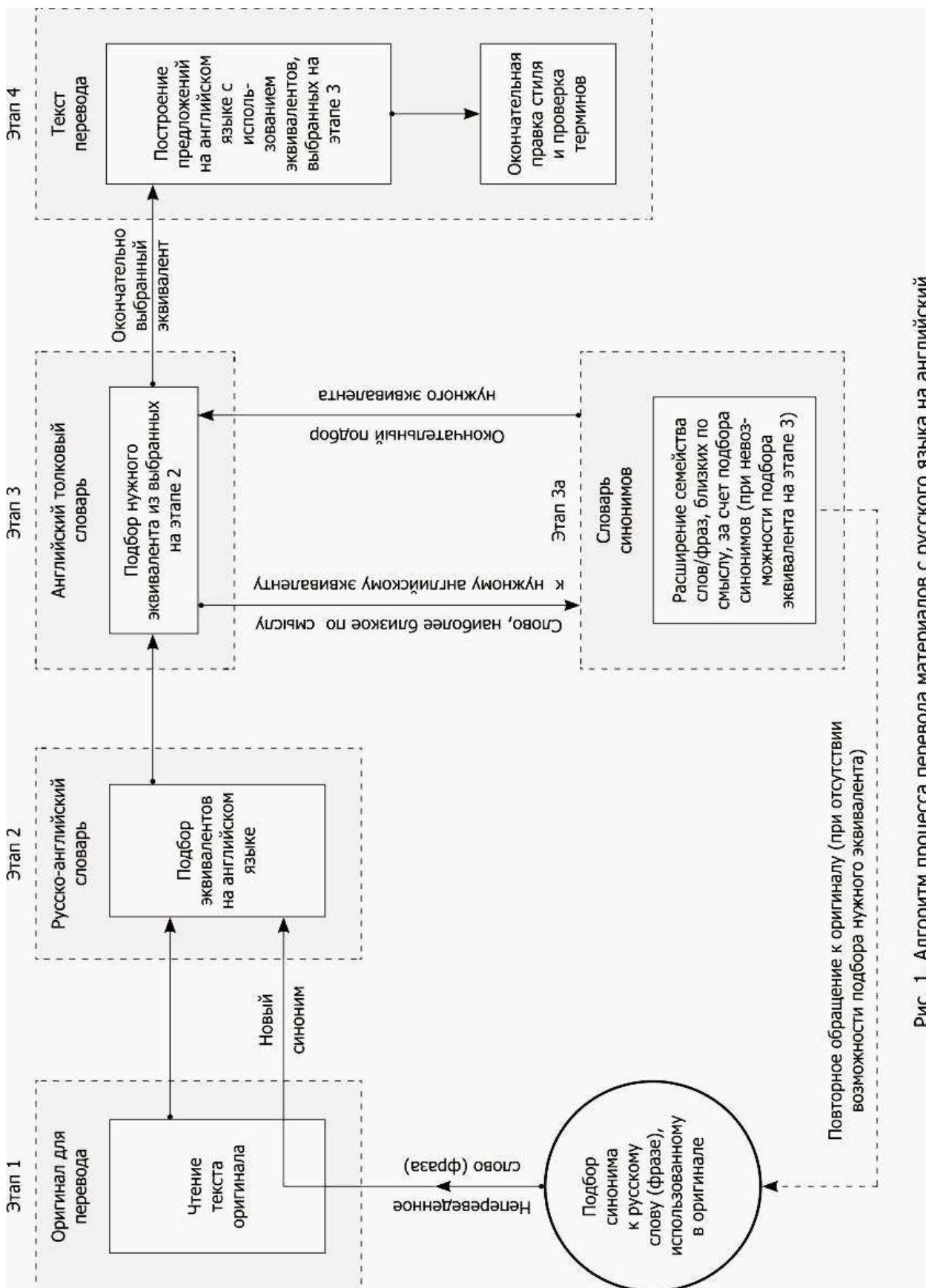

Рис. 1. Алгоритм процесса перевода материалов с русского языка на английский

На этом этапе нередко приходится отказываться от структуры переводимого предложения, придавая переводу совершенно иную форму посредством инвертирования или даже перехода от утвердительной формы к вопросительной. Необходимость подобных отклонений бывает – как правило – продиктована традициями и другими особенностями языка перевода.

Используемые материалы: текст перевода в виде совокупности отобранных эквивалентов.

Стилистическая правка и проверка терминов

Описание процедуры. Стилистическая обработка первоначального варианта перевода, выполненного ранее.

В этом случае отсутствует необходимость обращения к тексту оригинала.

Используемые материалы: текст перевода, выполненный на предыдущем этапе.

На данном этапе осуществляется окончательная шлифовка текста, в процессе которой допускаются любые преобразования написанного ранее. Необходимым условием при этом остается сохранение объема и полноты информации, содержащейся в исходном тексте перевода. При необходимости разрешается объединение нескольких предложений в одно, разделение одного предложения на несколько более коротких. Возможен также выбор других – не содержащихся в оригинале – терминов и выражений для передачи его смысла. Единственное условие, которое необходимо соблюдать, – это расположение материала внутри каждого абзаца, которое должно полностью соответствовать таковому в оригинальном тексте.

Особенности и порядок практического применения словарей той или иной группы или категории удобно рассмотреть на примере выполнения перевода по разработанной функциональной схеме (см. рис. 2). Ниже дано подробное описание дальнейшей работы по переводу текста научно-технического назначения с использованием словарно-справочных материалов.

Процесс работы переводчика можно условно разделить на две области: *область русского языка* и *область английского* (см. рис. 2).

Область, связанная с русским языком, включает два этапа (*колонки 1 и 2*). На *первом этапе (колонка 1)* переводчик подбирает материал (в основном *русские словосочетания* и – в значительно меньшей степени – *отдельные слова*), который необходимо перевести на английский язык. Вторым этапом (*колонка 2*) является работа по подбору английского эквивалента русским словосочетаниям в *русско-английских словарях*. В *колонке 2*, расположенной на границе раздела языка оригинала (*русский*) и языка перевода (*английский*), перечислены различные *русско-английские словари*, используемые в процессе перевода. В этой части схемы приведены все виды и категории *русско-английских словарей*, которые необходимо иметь для подготовки переводчика-специалиста.

Справа от *колонки 2* расположена область работы на *английском языке*, которую мы в свою очередь делим на две части: *область подготовки к учебному процессу* и *область его ведения*. Расположенные в этой области *колонки 3 и 4* вмещают оригинальные материалы и толковые словари на *английском языке*. И, наконец, последняя *колонка 5* относится к области непосредственного ведения процесса *преподавания* на английском языке, в то время как все предыдущие – к подготовке этого процесса.

Кроме того, схема разделена на две *горизонтальные области*, верхняя из которых относится к переводу *словосочетаний* и *завершенных фраз*, а нижняя – к переводу *отдельных слов*.

Рассмотрим пример перевода какого-либо русского словосочетания (*1.1*), которое нужно перевести на английский. Прежде чем приступить к его переводу (то есть подбору смыслового эквивалента) на английский язык, необходимо определить, к какой категории это словосочетание можно отнести: *общенаучной (1.1а)*, *относящейся к организации учебного процесса (1.1б)* или *специальной (1.1в)*.

При переводе словосочетаний и фраз категории *1.1а* рекомендую обращаться к *Русско-английскому научно-техническому словарю переводчика М. Циммермана и К. Веденевой (2.1)* [Циммерман, 1991], поскольку альтернативы этому источнику в области общенаучной фразеологии до настоящего времени не существует.

В случае, если переводимое словосочетание относится по смыслу к любым вопросам, связанным с *организацией учебного процесса (категория 1.1б)*, его эквивалент следует искать в *Русско-английском словаре фраз и словосочетаний для университетов с преподаванием на английском языке (2.2)* [РАСФ, 2009] и в *Русско-английском словаре фраз и словосочетаний для обучающихся на английском языке* [Мерхелевич, 2009], альтернативы которым в тематике организации учебного процесса на английском языке автор пока не встречал.

В случае, если смысловое значение переводимой фразы или словосочетания находится в какой-либо *специальной области (категория 1.1в)*, переводчику нужно обращаться только к русско-английскому фразеологическому словарю, подготовленному *им собственноручно (2.3)* на базе фраз и словосочетаний (а не отдельных терминов), заимствованных из оригинальных источников. Отсутствие других возможностей – при наличии, казалось бы, массы предложений в форме электронных словарей – объясняется отсутствием или низким качеством их фразеологической части (в отличие от терминологической, эквиваленты, предлагаемые которой всегда можно проверить по их определениям, обратившись к толковому словарю английского языка).

Если в каждом или хотя бы в одном из упомянутых выше вариантов окажется невозможным найти для переводимой фразы или словосочетания их смысловый эквивалент на английском языке, необходимо выполнить следующее. В случае если переводчик располагает временем, рекомендуется обратиться к оригинальным материалам соответствующего содержания и тематики (*см. колонку 3*), читая которые, можно не только найти хотя бы некоторые из нужных фраз и словосочетаний, но и пополнить собственный словарь за счет выражений, которые могут потребоваться в дальнейшем. В условиях же дефицита времени необходимо разделить проблемное словосочетание на отдельные слова (*см. этап 1.1.1*). При этом входящие в такую фразу слова необходимо разделить на слова *общего (1.2)* и *специального (1.3)* назначения, осуществляя отдельно поиск их эквивалентов на английском языке. В этом случае для перевода слов *категории 1.2* рекомендуется пользоваться русско-английскими словарями общего назначения, а для перевода специальных терминов (*категория 1.3*) – русско-английскими словарями специального назначения, отдавая и в том, и в другом случае предпочтение зарубежным изданиям, поскольку последние сводят к минимуму вероятность ошибки в подборе английских терминов. Каждый из таких словарей предложит переводчику несколько эквивалентов (вариантов перевода) русского слова. Делать окончательный выбор необходимо на основе определений, приводимых в толковых словарях английского языка (*см. колонку 4*). Таким образом толковые словари дают возможность найти единственно верный вариант перевода на фоне остальных вариантов, в меньшей степени соответствующих значению переводимого слова или ошибочно предложенных русско-английскими словарями (2.4, 2.5 и 2.6) на предыдущем этапе работы. Выполняя роль своеобразного фильтра, толковые словари на английском языке являются средством для предотвращения проникновения в учебный процесс ошибочно выбранных «английских»

выражений и отдельных терминов, представленных в большинстве случаев *«ложными друзьями переводчика»* и так называемыми *русизмами*.

В качестве словарей, используемых для окончательного выбора английского эквивалента *словам общего назначения*, можно использовать толковые словари (лучше несколько, чем один) общего назначения объемом от 50 тыс. слов, которые издаются различными издательствами Великобритании (*Collins, Longman, Macmillan* и др.) и США (*Webster*). Что же касается перевода *специальных терминов*, то для этого потребуются обычные большие (200-300 тыс. слов) *толковые словари общего назначения*, поскольку такие словари, как правило, включают специальную терминологию, или *специальные словари* по теме, относящейся к области применения переводимого русского термина.

Желательно пользоваться словарями, изданными в последнее время. При использовании более ранних изданий необходимо делать поправку на новую терминологию и специальные выражения, появившиеся в печати в более позднее время. Такую информацию можно брать из более поздних публикаций. Отставание словарей от живой речи, в том числе и в специальных областях, характерно для любых изданий. В связи с этим при расхождении толкований тех или иных слов (словосочетаний), приводимых в словарях и более поздних публикациях, рекомендуется принимать трактовку не словаря, а источника, который издан в более позднее время.

Предлагаемый подход возлагает на переводчика большую ответственность и требует абсолютной убежденности в том, что его действия не приведут к искажению содержания исходных материалов в выполненном им переводе. Это как раз тот случай, когда профессиональная осведомленность специалиста, выполняющего перевод, дает ему несомненные преимущества перед любым переводчиком, который обучен только языку.

ПРИМЕЧАНИЕ. Существует распространенное – но ошибочное – мнение о том, что для качественного выполнения перевода достаточно обзавестись богатой библиотекой словарей, которые с успехом компенсируют переводчику отсутствие профессиональных навыков, истинная степень владения которыми находится в прямо пропорциональной зависимости от того, сколько времени затрачено на работу с текстовым, а не словарным материалом. Это и есть тот опыт, который ни для какой из профессий не может быть заменен никаким справочным материалом.

Выводы:

1. Основным критерием качества окончательного текста перевода является его соответствие всем нормам языка перевода, выражающееся в отсутствии каких-либо признаков присутствия в нем «чужеродных» особенностей языка оригинала (например,

так называемых неологизмов или словосочетаний и целых фраз, не свойственных языку перевода).

2. Основной особенностью процесса перевода с родного языка на иностранный по отношению к процессу обратного перевода является то, что в качестве источника используемых языковых средств применяются не (двуязычные) словари, а иноязычные материалы соответствующей тематики.

3. Обязательным лексическим ресурсом для выполнения перевода с родного языка на иностранный является собственная двуязычная база смысловых эквивалентов, формируемая и постоянно пополняемая специалистом в процессе его работы с иноязычными материалами, относящимися к области его профессиональной деятельности.

4. Подбор лексических эквивалентов на иностранном языке следует осуществлять не на словарной, а на фразеологической основе, при обязательной проверке их смысловой адекватности на основе толкований, приводимых на языке перевода.

5. Выполнение научно-технического перевода требует специализации переводчика-лингвиста и обязательного редактирования носителем языка с распределением ответственности между переводчиком (терминология и специальные выражения) и редактором (культура речи и соблюдение правил грамматики).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брыксина И. Е. Концепция билингвального / бикультурного языкового образования в высшей школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. Тамбов, 2009. Доступ: <http://www.dissercat.com/content/kontseptsiya-bilingvalnogo-bikulturnogo-yazykovogo-obrazovaniya-v-vysshei-shkole-neyazykovye>. (дата обращения: 12.09.2018).
2. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур; пер. с англ. 3-е изд., стереотипное. Москва: Р. Валент, 2005. 192 с.
3. Катцер Ю., Кунин А. Письменный перевод с русского языка на английский. Москва: Высшая школа, 1964. 409 с.
4. Кунин А. В. Перевод устойчивых образных словосочетаний и пословиц с русского языка на английский // Иностранные языки в школе. 1960. № 5. С. 90-99.
5. Мерхелевич Г. В. Английский язык: как учить(ся), чтобы обучить(ся). 3-е изд., доп. Донецк: ЧП АРПИ, 2013. 236 с. (Серия «Научно-техническая библиотека»).
6. Мерхелевич Г. В. Функционально-технологические аспекты методики перевода с родного языка на иностранный // Современные проблемы многоуровневого образования. Ростов на Дону: ДГТУ, 2016. С. 28-41.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Москва: Междунар. отношения, 1974. 216 с.
8. Розенман А. И. Некоторые особенности художественного перевода с русского языка на английский // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. Ярославль, 1957. Вып. III (X). С. 29-52.

9. Томахин Г. Д. Перевод как межкультурная коммуникация // Перевод и коммуникация. Москва: ИЯз РАН, 1996. С. 129-137.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. Москва: Наука, 1988. 215 с.
11. Asher J. J. Learning Another Language through Actions: The Complete Teacher's Guide. 7th edition. Los Gatos, Cal.: Sky Oaks Productions, 2012. 354 p.
12. Brown H. D. Principles of Language Learning and Teaching. Englewood Cliffs. 2nd Edition. N. J.: Prentice-Hall, 1987. 285 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Москва: Рус. яз., 2001. 568 с.
2. Климзо Б. Н. Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы. Свыше 22 000 терминов: в 2-х т. Москва: ЭТС, 2002. Т. 1. 648 с.
3. Мерхелевич Г. В., Жидких В. Н. Внутренние и инфекционные болезни. Эпидемиология: русско-английский словарь фраз и словосочетаний. Донецк: ЧП АРПИ, 2011. 1264 с.
4. Мерхелевич Г. В., Масюта Д. И. Общая медицина: русско-английский словарь фраз и словосочетаний. Донецк: ЧП АРПИ, 2008. 436 с.
5. Мерхелевич Г. В. Русско-английский словарь фраз и словосочетаний для обучающихся на английском языке. Донецк: ЧП АРПИ, 2009. 912 с. (Серия «Научно-техническая библиотека»).
6. Русско-английский словарь фраз и словосочетаний для университетов с преподаванием на английском языке / под ред. Г. В. Мерхелевича. 3-е изд., испр. и доп. Донецк: ЧП АРПИ, 2009. 1032 с. (Серия «Научно-техническая библиотека») [РАСФ].
7. Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981. Т. 2. 736 с. [СРЯ]
8. Циммерман М., Веденева К. Русско-английский научно-технический словарь переводчика. 3-е изд. Москва: Наука, 1991. 996 с.
9. Hornby A. S., Cowie A. P., Windsor Lewis J. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London: Oxford U.P., 1975. 1055 p.
10. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (Laminated Cover). 11th Edition. Chicago: University of Chicago Press Staff, 2004. 1280 p.
11. Oxford Paperback Thesaurus. 3rd Edition. Oxford University Press, 2006. 930 p. [OPT].
12. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. London: J.M. Dent & Son Limited, 1987. 760 p. [RT].

REFERENCES

1. Bryksina, I. E. (2009). *Kontsepsiya bilingvalnogo / bikulturnogo yazykovogo obrazovaniya v vysshey shkole* [The Concept of Bilingual / Bicultural Language Teaching in Higher Education]: avtoref. diss. ... d-ra ped. nauk: 13.00.02. Tambov. Available at: <http://www.dissercat.com/content/kontsepsiya-bilingvalnogo-bikulturnogo-yazykovogo-obrazovaniya-v-vysshei-shkole-neyazykovye>. (accessed: 12.09.2018). (In Russ.).
2. Visson, L. (2005). *Russkie problemy v angliyskoy rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kultur* [Russian-language Based Difficulties in Communicating via the English Language. Words in the context of two cultures]; per. s angl. 3-e izd., stereotipnoye. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
3. Katser, Y., Kunin, A. (1964). *Pismennyu perevod s russkogo yazyka na angliyskiy* [Translating from Russian to English in Writing]. Moskva: Vishaya shkola. (In Russ.).

4. Kunin, A. V. (1960). *Perevod ustoychivyykh obraznykh slovosochetaniy i poslovits s russkogo yazyka na angliyskiy* [Russian-to-English Translation of Set Expressions and Word Combinations Used in Sayings and Proverbs]. In *Inostrannyye yazyki v shkole*. No. 5. Pp. 90-99. (In Russ.).

5. Merkhelovich, G. V. (2013). *Angliyskiy yazyk: kak uchit(sya), chtoby obuchit(sya)* [English Language: Ways of Teaching for Effective Learning]. 3-e izd., dop. Donetsk: ChP ARPI. (Seriya «Nauchno-technicheskaya biblioteka»). (In Russ.).

6. Merkhelovich, G. V. (2016). *Funktsionalno-tekhnologicheskie aspekty metodiki perevoda s rodnogo yazyka na inostrannyy* [Functional and Technologic Aspects of Translation Methodology from Native Language into Foreign] In *Sovremennyye problemy mnogourovnyevogo obrazovaniya*. Rostov na Donu: DGTU. Pp. 28-41. (In Russ.).

7. Retsker, Ya. I. (1974). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Theory and Practice of Translation]. Moskva: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russ.).

8. Rozenman, A. I. (1957). *Nekotorye osobennosti khudozhestvennogo perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy* [On Some Aspects of Russian-to-English translation of Fiction Literature]. In *Uchenyye zapisky Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Yaroslavl. Vyp. III (X). Pp. 29-52. (In Russ.).

9. Tomakhin, G. D. (1996). *Perevod kak mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Translation in Crosscultural Communication]. In *Perevod i kommunikatsiy*. Moskva: IYaz. RAN. Pp. 129-137. (In Russ.).

10. Shveytser, A. D. (1988). *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Theory of translation: Status, Problems and Aspects]. Moskva.: Nauka. (In Russ.).

11. Asher, J. J. (2012). *Learning Another Language through Actions: The Complete Teacher's Guide*. 7th edition. Los Gatos, Cal.: Sky Oaks Productions.

12. Brown, H. D. (1987): *Principles of Language Learning and Teaching*. Englewood Cliffs. 2nd Edition. N. J.: Prentice-Hall, 1987.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Aleksandrova, Z. Y. (2001). *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Synonyms]. Moskva: Rus. yaz. (In Russ.).

2. Klimzo, B. N. (2002). *Russko-angliyskiy slovar obshchepotrebitelnykh fraz i slovosochetaniy nauchno-technicheskoy literatury* [Russian-English Dictionary of General-Purpose Phrases and Word Combinations of Scientific and Technical Usage]. Svyshe 22 000 terminov: v 2-kh t. Moskva: ETS. T. 1. (In Russ.).

3. Merkhelovich, G. V., Zhydkikh, V. N. (2011). *Vnutrenniye i infektsionnye bolezni. Epidemiologia: russko-angliyskiy slovar fraz i slovosochetaniy* [Internal and Infectious Diseases. Epidemiology: Russian-English Dictionary of Phrases and Word Combinations]. Donetsk: ChP ARPI. (In Russ.).

4. Merkhelovich, G. V., Masyuta, D. I. (2008). *Obshchaya meditsina: Russko-angliyskiy slovar fraz i slovosochetaniy* [General Medicine: Russian-English Dictionary of Phrases and Word Combinations]. Donetsk: ChP ARPI. (In Russ.).

5. Merkhelovich, G. V. (2009). *Russko-angliyskiy slovar fraz i slovosochetaniy dlya obuchayushchikhsya na angliyskom yazykye* [Russian-English Dictionary of Academic Terms and Phrases for Russian-Speaking Students]. Donetsk: ChP ARPI. (Seriya «Nauchno-technicheskaya biblioteka»). (In Russ.).

6. *Russko-angliyskiy slovar fraz i slovosochetaniy dlya universitetov s prepodavaniem na angliyskom yazykye* [Russian-English Dictionary of Academic Terms and Phrases for Universities with English-based Teaching] / G.V. Merkhelovicha (ed.). 3-e izd., ispr. i dop. Donetsk: ChP ARPI, 2009. (Seriya «Nauchno-technicheskaya biblioteka»). (In Russ.).

7. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]: v 4-kh t.. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Russkiy yazyk, 1981. T. 2. (In Russ.).
8. Tsymmermann, M., Vedeneyeva, K. (1991). *Russko-angliyskiy nauchno-technicheskiy slovar perevodchika* [Russian-English Translator's Dictionary]. 3-e izd. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Hornby, A. S., Cowie, A. P., Windsor, Lewis J. (1975). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. London: Oxford U.P.
10. *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (Laminated Cover)*. 11th Edition. Chicago: University of Chicago Press Staff, 2004.
11. *Oxford Paperback Thesaurus*. 3rd Edition. Oxford University Press, 2006.
12. *Roget's Thesaurus of English Words and Phrases*. London: J. M. Dent & Son Limited, 1987.

Мерхелевич Геннадий Викторович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: infof@arpi.com.ua), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Merkhelevich, Gennady V. – Candidate of pedagogic sciences, Associate Professor of the Translation Studies Department (e-mail: infof@arpi.com.ua), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 07 ноября 2019 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity. ...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 16 Выпуск 2 (48) 2020

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева, Е. А. Марченко.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 29.05.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,21.
Тираж 100 экз. Заказ № 20-Май85.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.